УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 5 (71). № 4

Симферополь
2019

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5(71), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

ISSN 2413-1741
Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ №ФС77-61791 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол №7 от 13 сентября 2019 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна **–** профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственно-педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталия Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратюк Григорий Николаевич **–** профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна **–** профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович **–** профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 13.09.2019. Формат 70x100 1/16. 7,85 усл. п. л. Заказ № НП/286. Тираж 25. Бесплатно.
Дата выхода в свет 06.11.2019 г.
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.
http://sn-histor.cfuv.ru

УДК: 378(47)КРЫМ.СПИВАК

К ЮБИЛЕЮ ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СПИВАКА

Лейбенсон Ю. Т.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская федерация
E-mail: indrik-u-blues@rambler.ru

Петрова Э. Б.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru

К 50-летнему юбилею Игоря Александровича Спивака – кандидата исторических наук, доцента кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского – подготовлена статья его коллег, в которой представлен жизненный путь и творческая деятельность юбиляра. Большая часть жизни Игоря Александровича связана с университетом, в котором он учился и с 2003 года работает сначала в должности ассистента, затем – доцента кафедры истории древнего мира и средних веков. Его научные интересы связаны с изучением истории древнего мира, в особенности эллинистического периода, и историей стран Востока, арабского мира. Важное место в его научных разработках и лекционной деятельности занимают религиоведческие темы. Его душевные качества и профессионализм высоко оценены коллегами и студентами.

Ключевые слова: Игорь Александрович Спивак, исторический факультет, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, история древнего мира, арабистика, религиоведение.

В 2019 году Игорю Александровичу Спиваку – кандидату исторических наук, доценту кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – исполняется 50 лет.

Игорь Александрович родился 4 ноября 1969 г. в селе Стратиевка Чечельницкого района Винницкой области и с 1969 г. постоянно живёт в Симферополе [см. о нём также: 1, с. 223–224]. В школьные годы его интересы были сосредоточены на гуманитарных науках, в особенности на истории и литературе. Уже тогда он начал писать стихи.

В 1986 г. Игорь Спивак поступил на вечернее отделение исторического факультета Симферопольского университета им. М. В. Фрунзе. Страстно увлёкся античной историей. Блестяще сдал экзамен по истории древнего мира. Однако учёбу пришлось на время прервать: в 1988–1989 гг. он проходил службу в рядах Советской Армии. По возвращении в стены университета перевёлся на очную форму обучения, специализировался на кафедре истории древнего мира и средних веков. В 1992 г. защитил дипломную работу, посвящённую судьбам греческого полиса в Северном Причерноморье (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Элеонора Борисовна Петрова).

В 1992–1994 гг. И. А. Спивак работает учителем истории в симферопольской школе № 12, в которой некогда учился сам. В 1994 г. получает приглашение на работу в Таврический эколого-политологический институт (Симферополь) и в течение десяти лет трудится там в должности старшего преподавателя кафедры страноведения. За время работы в этом вузе он подготовил многочисленные лекционные курсы (по которым также проводил семинарские занятия): «История Востока в древности и средневековье», «История арабов», «История религий Ближнего и Среднего Востока», «Социально-политическая система современных арабских государств», «Экономика арабских стран», «Этнография арабов», «Культура арабских стран». Новая тематика потребовала начать изучать арабский язык.

С этого времени научные интересы Игоря Александровича сконцентрировались на двух, прямо скажем, не очень близких темах: по-прежнему близка ему была античная история, в особенности эллинистическое время, а история и культура Востока, арабский мир захватили всё его существо.

Между тем в родном ему университете помнили увлечённого античностью студента Игоря Спивака, следили за его успехами в Таврическом эколого-политологическом институте, где, кстати, коллегами по работе были его недавние университетские педагоги – доктора исторических наук Михаил Филантьевич Слинкин и Дмитрий Павлович Урсу. Они стали его помощниками в работе над сложными темами по истории Востока, приглашали на научные конференции, публиковали его статьи в «Востоковедном сборнике». Игорь Александрович не порывал связи и с родной кафедрой истории древнего мира и средних веков. Был прикреплён на кафедру в качестве соискателя; сдал кандидатские экзамены. В 1996 г. вместе со студентами-историками (теперь уже Таврического национального университета им. В. И. Вернадского) в рамках музейной практики, которой

руководила Э. Б. Петрова, осуществил поездку в Египет для ознакомления со страной, её музеями и историко-культурными памятниками.

В 2003 г., как только появилась вакантная должность на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета ТНУ, Игоря Александровича пригласили на работу в должности ассистента кафедры для преподавания курсов по истории древнего мира. Это послужило стимулом для его обращения к теме, стоящей на грани наук: в ней встречаются Восток и античность, ставятся проблемы религиоведения.

В 2007 г. в Институте востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины (Киев) Игорь Александрович Спивак успешно защищитил кандидатскую диссертацию «Александр Македонский и зороастризм» по специальности 07.00.02 – «Всеобщая история», написанную под научным руководством доктора исторических наук, профессора Э. Б. Петровой. В диссертационной работе исследовались особенности религиозной политики Александра Македонского на территории Ирана, его отношение к зороастрийскому жречеству (магам) и зороастризму в целом; шире – место и роль религиозного фактора во взаимодействии двух культур – эллинской и иранской – в начале эллинистического периода. Автору потребовалось углубиться в свидетельства античных писателей (о восточных походах Александра Македонского, о его деятельности по отношению к зороастрийскому жречеству и зороастрийцам, об эллинской и зороастрийской религии и мифологии), в тексты Авесты и Ригведы, манихейские трактаты, произведения пехлевийской религиозной литературы, сочинения армянских, византийских, сирийских, арабских историков и географов.

В результате этой работы впервые в отечественной и зарубежной науке был проведён «систематический анализ объективности обвинений, выдвинутых в адрес Александра Македонского в рамках зороастрийской традиции, а также представлены аргументы, доказывающие несостоятельность этих обвинений; систематизирован материал о жертвоприношениях, совершённых македонским царём на территории Ирана и Индии, разработаны критерии для определения их религиозно-этнической принадлежности, сделан вывод об их эллинском (противоречащем культовым установлениям зороастризма) характере; на основании комплексного изучения источников подвергнут критике устоявшийся в исторической науке тезис о «симпатиях» Александра Македонского к зороастризму, обосновывавшийся попыткой царя ввести обычай проскинезы при греко-македонском дворе; выделены этапы эволюции отношения македонского правителя к зороастризму, определены её причины, пересмотрен тезис об активном участии зороастрийского жречества в антимакедонской борьбе населения Ирана как главной причине, долгое время препятствовавшей сближению Александра и магов, аргументирован тезис о первоначально пассивном отношении магов к греко-македонским завоевателям; проведён анализ зороастрийской квазиисторической традиции, выявлены место и роль Александра Македонского в этой традиции, сделан вывод о том, что определяющим фактором здесь является существование квазиисторического цикла «Александр Македонский – Ардашир Папакан», созданного зороастрийским жречеством в сасанидское время» [2, с. 3–4].

В 2012 г. Игорю Александровичу Спиваку присвоено учёное звание доцента. За время работы в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского, в 2014 г. ставшем Крымским федеральным университетом им. В. И. Вернадского, им подготовлены общие лекционные курсы для студентов исторического факультета: «Введение в специальность», «История древнего Востока», «Историческая хронология», «История ислама», «История мировых религий»; а также специальные курсы: «История Западной Римской империи», «Проблемы истории зороастризма», «Распространение ислама в Крыму», «Восточные походы Александра Македонского», «Исламская цивилизация: история и современность». Он также читает лекции студентам Института иностранной филологии КФУ.

Последнее десятилетие научной деятельности Игоря Александровича отмечено особенным интересом к происхождению, культовой практике, истории и особенностям современного ислама. В его статьях, посвящённых этой мировой религии, затрагиваются разнообразные вопросы: религиозная ситуация в Аравии накануне возникновения ислама; взаимоотношения раннего ислама, авраамических религий и зороастризма; возникновение и становление различных исламских культовых практик и поведенческих норм (азан, время и порядок молитвы, запрет винопития).

Особенно ценными и перспективными представляются исследования о формировании догматики и ритуалистики в раннем исламе. Интересен вывод о том, что для становления ислама как вероучения и как системы культовых и этических норм первоочередным являлось противостояние не иудаизму или христианству, а собственно аравийскому язычеству (к сожалению, недостаточно изученному). Именно здесь следует видеть и запрет потребления вина (точнее, недопустимость опьянения); что же до противопоставления исламского запрета иудейскому и христианскому винопитию, то оно является более поздним. Ещё один немаловажный вывод автора, сделанный в процессе изучения мусульманского предания, – роль ежедневной пятикратной молитвы в качестве ритуальной дистанции между мусульманами и немусульманами. Уже к 622 г. наметились формы ежедневной молитвы, которые отличали раннемусульманскую общину, прежде всего, от последователей аравийского язычества. Несколько позднее появились установления, сформировавшие ритуальную дистанцию между последователями Мухаммада, зороастрийцами и иудеями.

Очень интересны и обращения Игоря Александровича к проблемам периодизации истории ислама (включая новейшее время), этапов развития исламского радикализма. Для последнего И. А. Спиваком выделены основные и устойчивые идеологемы, характерные как для средневекового периода, так и для нового и новейшего времени.

Работы И. А. Спивака отличает не только глубокий историко-культурный анализ текста источников, но и внимательное отношение к собственно мусульманскому восприятию священного предания. Такой подход позволяет разрешить некоторые противоречия в современном религиоведении – разрешить и обратиться непосредственно к тем смыслам, которые вполне очевидны для носителей исламского мировоззрения. К примеру, сложившееся в научной

литературе разделение причин установления той или иной ритуальной практики на «рациональные» и «мистические» актуально только для западного востоковедения. Для собственно мусульманской традиции очевидно, что откровение, зафиксированное в Коране, может содержать как рациональные, полезные для человека, так и сверхъестественные основания. Именно в этом ключе можно наиболее полно понять текст Корана и хадисов, в том числе упоминания о недопустимости опьянения как в этическом, так и в мифологическом контекстах.

Наконец, нужно отметить ценный вклад И. А. Спивака в методологию преподавания истории ислама. Его учебно-методическое пособие «История раннего ислама» полезно не только историкам и гуманитариям вообще, но и любому человеку, желающему понять истоки современной этноконфессиональной ситуации в мире.

Очевидно, что живой исследовательский интерес требует вдумчивой работы с текстами источников, желательно (точнее – просто необходимо) – на языке оригинала. Ещё в студенчестве И. А. Спивак имел опыт знакомства с древними языками – древнегреческим, латынью. Теперь же обращение к проблемам истории ислама потребовало взяться за арабский язык – систему логичную и красивую, но так непохожую в своей стройной логике на индоевропейские языки. Первоначально И. А. Спивак изучал арабский язык в исламском культурном центре «Альраид» (г. Симферополь). В 2018 г. состоялась поездка в Иорданию, где Игорь Александрович успешно прошёл курс обучения арабскому языку в лингвистическом центре «Тавасуль» (г. Амман). Конечно, это только один из этапов на большом и нелёгком пути совершенствования в языке. Но, полагаем, настойчивость исследователя и даже – так необходимая настоящему учёному! – некоторая одержимость на этом пути очень скоро приумножат уже имеющиеся успехи.

И. А. Спивак – автор более тридцати научных работ и учебно-методических пособий, участник многих научных конференций, посвящённых проблемам востоковедения. В свои лекционные курсы и семинарские занятия Игорь Александрович активно включает результаты собственных исследований, много внимания уделяет анализу научных разработок отечественных и зарубежных историков, религиоведов. Это вызывает у студентов интерес, многие изъявляют желание работать над курсовыми и дипломными сочинениями под его научным руководством. Способствует этому и то, что И. А. Спивак – прирождённый оратор, педагог. Его лекции отличаются не только научной глубиной, но и блестящим стилем, эмоциональностью, умением включить в сложный в научном отношении материал интересные факты, яркие цитаты, стихотворные строки (в том числе и из собственных поэтических произведений).

Игорь Александрович – любимец студентов, видящих в нём не только выдающегося лектора, но и советника, помощника. С 2008 по 2017 г. он исполнял обязанности заместителя декана исторического факультета по воспитательной работе. Эту тяжёлую и далеко не всегда благодарную работу выполнял безукоризненно, зачастую в ущерб собственным делам и интересам.

В 2016 г. И. А. Спивак создал и возглавил работу Клуба востоковедов при кафедре истории древнего мира и средних веков. Клуб пользуется популярностью у студентов, на его заседаниях обсуждаются актуальные проблемы истории ислама.

В течение многих лет (со студенческой скамьи и до сих пор) Игорь Александрович работает в археологических экспедициях на крымских памятниках разных эпох. В 1995 г. он принимал участие в совместной экспедиции Лодзинского и Таврического университетов, исследовавшей готские памятники в районе г. Гданьска (Польша).

Игорь Александрович часто признается в том, что считает себя не столько историком, сколько поэтом. А значит, мы не можем обойти вниманием эту часть его жизни – очевидно, куда бóльшую, чем нам обычно представляется.

Итак, с ранней юности И. А. Спивак увлечён – нет, скорее, захвачен – поэзией. Будучи внимательным и одарённым читателем, прекрасно разбираясь в русской и зарубежной литературе, тонко чувствуя слово, он не мог не отозваться на прочитанное – уже собственным словом. Стихи Спивака читаются именно как отклик на всю мировую поэзию – от древневавилонского эпоса до К. Кавафиса и И. А. Бродского. Они совершенно не «злободневны», не «остроактуальны». Зато они – внешне довольно просты, читаемы, их можно (и обязательно нужно когда-нибудь) спеть:

Медь не звучит, хромает пешеход.
Как будто им утрачена опора,
качается над морем небосвод,
и давит невозможность разговора.
Когда язык – почти военнопленный,
тяжёлой и солёною луной
стреножен и чужой, иноплеменной
сочится речью, словом и слюной,
не проглотить, не сплюнуть, на позор ли,
на славу ли молчащий – всё равно,
когда язык, как чёрный камень в горле,
как в Чёрном море, падает на дно.
Когда горбом имеешь за плечами
и жизнь и сушу, тёмная вода
клокочет в горле рыбьими речами,
как будто камень бросили туда,
не перейти молчания, и эха –
не разбудить, почти наверняка,
когда всё море Чёрное – помеха
и яма на пути у языка.
Когда нельзя воспользоваться лодкой,
аэропланом, помощью, когда,
как Атлантидой, лёгкими и глоткой
овладевает мёртвая вода –

дурная кровь – не сделаешь короче,
глотая, волны; колокол, как вол,
над Чёрным морем роет яму ночи,
не находя утраченный глагол.
(Херсонесский колокол)

Осмелимся предположить, что между историком и поэтом нет непроходимой пропасти: стихи И. А. Спивака «населены» историческими и мифологическими персонажами. Здесь одинокий слепой старец Гомер на берегу моря, Иона во чреве не кита, но городского автобуса, Икар и Ахиллес… И всё это без нарочитой стилизации, архаизации, без упрощения и уплощения героя:

…Закрыв рукой незрячие глаза,
Подставив спину пламенному зною,
Седой старик, отпущенный войною,
Бормочет морю странные слова.

И море различает шёпот рока,
Склоняют слух немые корабли:
Как холодно среди пустынь земли,
Тоскливо как! Как одиноко.
(Гомер)

Поэту присуще не только чувство слова, чувство ритма, но и чувство меры. Кажется, не только автор не заигрывается стихами, но и лирический герой не заигрывается в стихах. И автор, и его герой знают, что такое упоение словом, опьянение словом, и при этом они оба предстают пред читателем и слушателем вполне трезвыми и ироничными. В эпоху постмодернизма, добравшегося даже до русской поэзии, в эпоху нагромождения форм в ущерб смыслу и чувству, читать стихи И. А. Спивака – удовольствие и даже немного роскошь (сродни роскоши вдыхать чистый горный воздух):

Хоть десять лет гляди во все глаза,
Есть только полночь с запахом чернил,
И старый сад, и тени у окна,
И кто-то густо небо посолил…
(Хоть десять лет гляди во все глаза…)

Я слушаю август и слышу: вода
себя на себя умножает и делит.
И город плывёт наугад, в никуда
асфальтовой рыбой четыре недели…
(Август)

Можно согласиться с отзывом Ивана Середина о стихах И. А. Спивака: *«Однажды у Есенина спросили: «Как писать стихи?» И Есенин ответил: «Как можно проще, ибо так труднее». Можно сказать, что в какой-то мере Спивак следует завету Есенина… Сказать по-своему о том, что много раз говорили до тебя, можно, только если обладаешь настоящим талантом. И, смеем предположить, Спивак таким талантом обладает».*

Вышли в свет два поэтических сборника Игоря Александровича Спивака:

Спивак И. А. Археология небес: стихотворения. – Симферополь: ТПО «Вариант», ТО «Автограф», 1999. – 64 с.

Спивак И. А. Стадий: поэтический сборник. – Саки: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 128 с.

Подготовлен к печати его третий сборник – «Новь».

Историк и поэт, человек с тонкой душевной организацией, добрый и отзывчивый, Игорь Александрович, однако, твёрд в своих убеждениях. Его доброта и отзывчивость, высокий профессионализм снискали уважение и любовь коллег и учеников.

Поздравляем нашего дорогого юбиляра! Рады его успехам и желаем достижения новых высот в делах научных, педагогических и литературных.

Список использованных источников и литературы

1. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского / Т. А. Гогунская, Д. В. Дорофеев, А. А. Задерейчук, Д. А. Малышев, А. А. Непомнящий, Э. Б. Петрова, Ж. В. Соколова. – Симферополь: Ариал, 2018. – 356 с.

Sto let sluzheniya nauke i prosveshheniyu: istoricheskij fakul'tet Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol': Arial, 2018. – 356 s.

2. Спивак И. А. Олександр Македонський і зороастризм: автореф. дис. ... канд. іст. наук. 07.00.02 – Всесвітня історія. – Київ, 2007. – 20 с.

Spivak I. A. Aleksandr Makedonskij i zoroastrizm: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. 07.00.02 – vsemirnaya istoriya. – Kiev, 2007. – 20 s.

Leibenson Yu. T., Petrova E. B. For the anniversary of Igor Alexandrovich Spivak.

To the 50th anniversary of Igor Alexandrovich Spivak, who is the Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the ancient world and the middle ages history of the History Faculty of the Crimean Federal V. I. Vernadsky University, his colleagues prepared an article, which presents the way of life and creative activity of anniversarian. Most of Igor Alexandrovich's life is connected with the University, where he studied and works since 2003 as an assistant at first, then as an Associate Professor of the Department of ancient world and middle ages history. His research interests are related to the study of the history of the ancient world, especially the Hellenistic period, and the history of the East, the Arab world. Religious studies occupy an important place in his scientific research and lectures. His mental qualities and professionalism are highly appreciated by colleagues and students.

Keywords: Igor Spivak, Faculty of History, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, ancient history, Oriental studies, religious studies.

НАУЧНЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НУК, ДОЦЕНТА И. А. СПИВАКА

1997

1. Спивак И. А. Дуализм мира (Восток–Запад) в исторической концепции Геродота // Востоковедный сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1.– С. 139–151.

1999

2. Спивак И. А. Религия как откровение // Востоковедный сборник. – Симферополь, 1999. – Вып. 3.– С. 20–39.

2002

3. Співак І. О. Ахеменідська проблема в історії зороастризму // Востоковедный сборник. – Симферополь, 2002. – Вып. 5. – С. 114–121.
4. Спивак И. А. Причины возникновения зороастризма: к вопросу методологии религиоведческого анализа // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2002. – Т. 15. – № 1 (54).– С. 96–99.
5. Спивак И. А. Персы и эллины в Анабазисе Ксенофонта // Античный мир и археология Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – Вып. 11. – С. 13–15.

2004

6. Спивак И. А. О «злодеяниях» Александра // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2004. – № 1(56). – Т. 17. – С. 106–118.

2007

7. Спивак И. А. Зороастрийские симпатии Александра Великого // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 383–400.
8. Спивак И. А. Александр Македонский и маги // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2007. – Вып. 104. – С. 96–99.
9. Співак І. О. Олександр Македоньский і зороастризм: автореф. дис. … канд. іст. наук / Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. – Київ, 2007. – 20 с.

2008

10. Спивак И. А. Царская власть и религия в Персии до Александра по данным зороастрийских источников // Херсонесский колокол: сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко / Крымский филиал Института археологии НАНУ. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 160–174.
11. Спивак И. А. Памяти Виталия Николаевича Даниленко // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь: Антиква, 2008.– Вып. 3.– С. 389–395.

2009

12. Спивак И. А. Система письма в ахеменидском Иране и проблема фиксации текстов Авесты // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – Вып. 169.– С. 173–185.
13. Спивак И. А Ахеменидская Авеста через призму античных источников // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – Вып. 171. – С. 204–219.
14. Спивак И. А. Валахш Аршакид приказал // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – Вып. 174 . – Т. 2.– С.63–68.
15. Спивак И. А. Учебно-методическое пособие по спецкурсу «Проблемы истории раннего ислама». – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2009. – 47 с.

2010

16. Спивак И. А. Авеста и Александр: зороастрийское предание в свете данных исторической географии // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2010. – Вып. 173. – Т. 2. – С. 175–179.

17. Спивак И. А. Александр Македонский и храмовые Центры Ахеменидов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2010. – Вып. 174. – Т. 1. – С. 222–228.

2011

18. Спивак И. А. Учебно-методическое пособие по курсу «История древнего Востока». – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2011. – 49 с.

2012

19. Спивак И. А. Мухаммад, иудеи и христиане по данным Ибн Хишама // IV научные чтения памяти У. Боданинского, Бахчисарай, 17–19 октября 2012. – Бахчисарай, 2012. – С. 32.

2013

20. Спивак И. А. «Религиозная политика Александра Македонского» – тридцать шесть лет спустя // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2013. – Т. 26(65). – № 1. – С.167–177.

2014

21. Спивак И. А. Проблема периодизации в преподавании истории ислама // Материалы Всероссийской науч. конференции «Университетская корпорация». – Казань, 2014. – С. 215–220.

22. Спивак И. А. Христиане Аравии в изображении Ибн Хишама // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2014. – Т. 27(66) – № 4. – С. 84–92.

2015

23. Спивак И. А. На эллинско-варварском пограничье: Крым в древности // История Крыма. – М.: ОЛМА, 2015. – С. 10–35.

24. Спивак И. А. Возникновение азана в свете мусульманских преданий // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2015. – Т. 22(67).– № 1. – С. 72–85.

25. Спивак И. А. Аравийское язычество: почему нет? // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2015. – Т. 1(67). – № 4. – С. 59–74.

2016

26. Спивак И. А. Этапы развития радикализма в исламе: попытка периодизации // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского: сборник тезисов участников II науч. конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных. – Симферополь, 2016. – С. 343–344.

27. Спивак И. А. О запрете винопития в исламе // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2016. – Т. 2(68). – № 1. – С. 237–248.

2017

28. Спивак И. А. Ислам и джахилийа: молитва как мера ритуальной дистанции // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2017. – Т. 3 (69). – № 1. – С. 140–153.

29. Спивак И. А. Обрядность как маркер религиозной самоидентификации раннемусульманской общины // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Сб. науч. трудов. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – С. 218–223.

2019

30. Спивак И. А. ИД ал-АДХА: споры, значение и правила праздника // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2019. – Т. 5(71). – № 2.– С. 79–99.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 5 (71), № 4. 2019 г.

УДК: 94(8)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Бебешко Е. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: bebeshko_leka@mail.ru

Хирьянова А. К.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: 2014rthxm2014@mail.ru

Основной причиной интеграционных процессов во многих странах выступает стремление управлять соответствующим региональным пространством, обеспечивающее преобладание миропорядка и политической стабильности. Достижение устойчивого управления на региональном уровне требует достижения равновесия и компромисса между всеми вовлеченными субъектами и национальными интересами, что будет основной составляющей при устройстве нового мирового порядка. Без данных мер будет невозможно построить региональное географическое пространство, связанное действенными и эффективными общими структурами, опирающееся на коллективное лидерство.

Ключевые слова. Интеграционные процессы, страны Латинской Америки, интеграционные объединения, таможенный союз, ЛАСТ, ЦАОР, Андское сообщество, КАРИКОМ, МЕРКОСУР, РИО.

К началу XXI века сформировалась характерная особенность развития современного миропорядка в условиях пространственной перестройки наряду с прочими глобальными процессами, которые охватили практически все регионы. Такой особенностью стал рост интеграционных процессов на микро и макроуровнях, обусловленных усилением взаимосвязанности хозяйств различных национальных государств, развитием устойчивых экономических связей с переплетением капиталов, созданием региональных организаций и общих рынков,а также построением согласованной внешнеэкономической политики, то есть переходом от экономики закрытого типа к открытому типу.

Виды и формы экономической интеграции могут быть различны. В настоящее время на практике исследователи выделяют несколько организационно-правовых форм интеграционных группировок:

– зона свободной торговли – это такая организационно-правовая форма, при которой отменяются таможенные пошлины в торговле между странами-участницами при сохранении каждой из них национальных таможенных тарифов в торговле с третьими странами [17]. Требования распространяются на все виды товаров, кроме сельскохозяйственных продуктов. Регулирование зоны свободной торговли

зачастую происходит на периодических совещаниях, однако возможно и существование межгосударственного органа, расположенного в одной из стран-участниц;

– таможенный союз – это форма, при которой между странами-участницами устанавливается единый таможенный тариф и формируется единая политика по отношению к третьим странам. Таможенный союз имеет более защищенную систему для местных производителей. Для регулирования единой внешней политики требуется создание более развитой системы межгосударственных органов. Обычно они представлены в виде периодических совещаний министров, соответствующих ведомств;

– общий рынок – дает возможность отменить таможенные пошлины и не таможенные барьеры на распределение товаров и услуг, капиталов, рабочей силы, финансов, что позволяет сблизить национальные государства, за счет создания институциональных основ и общих органов управления. Однако существуют препятствия в виде различий экономической политики национальных государств. Для согласования совместной политики создаются наднациональные институтыили межгосударственные структуры и фонды.Они призваныкоординировать экономическую политику стран-участниц за счет частичной передачи им национального суверенитета участвующих в объединении стран. Такая координация выполняется на периодических совещаниях государств и правительств стран-участниц, на частыхвстречах министров финансов, руководителей центральных банков и других экономических ведомств;

– экономический союз – эта форма объединения, которая характеризуется: свободным перемещением товаров и услуг, капиталов, рабочей силы, финансов, единой внешнеэкономической политикой, усилением и расширением сферы «наднационального» метода регулирования [17]. Таким образом, с одной стороны на основе рекомендаций наднациональных структур и при их контроле формируется экономическая политика стран-участниц, регулируются и соблюдаются уровень социально-экономического развития. С другой стороны, устанавливается единая твердо фиксированная валюта стран-участниц. Под управлением центрального банка создаетсянезависимая система банков. Правительства в свою очередь согласованно передают часть своих функций и уступают часть государственного суверенитета надгосударственным органам.

– единое экономическое пространство (политический союз) – характеризуется соответствующей политической надстройкой, единой валютой, тенденциями федеративного или конфедеративного устройства [17].

Завершающим этапом интеграционного процесса считается создание Политического Союза. Как результат страны-участницы обязаны проводит единую внешнюю политику, принимать единое гражданство, в свою очередь граждане, не зависимо от места проживания в рамках союза, имеют право избирать и быть избранными, как в национальные, так и наднациональные органы власти. Национальные правительства делегируют часть своих полномочий надгосударственным органам, особенно в вопросах политики по отношению к третьим странам. Другими словами, это означало бы созданиеконфедерации и

потерю суверенности отдельными национальными государствами. Однако ни одно национальное государство не допустит политику сообщества в ущерб своим интересам.

На данный момент в Латинской Америке на субрегиональном уровне функционируют четыре таможенных союза и одна зона свободной торговли. Это Меркосур, Андское сообщество, КАРИКОМ, Центральноамериканская интеграционная система, а также Тихоокеанский альянс. В целом латиноамериканская интеграция прошла ряд этапов.

Началу первого этапа интеграции способствовало подписание в 1960 году первого соглашения о создании латиноамериканской интеграционной группировки – Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ) – LatinAmericanFreeTradeAssociation (LAFTA) [15]. Это региональное торгово-экономическое объединение следующих стран: Бразилии, Колумбии, Мексики, Чили, Перу, Эквадора, Аргентины, Венесуэлы, Боливии, Парагвая и Уругвая. ЛАСТ была создана в результате подписания Аргентиной, Бразилией, Мексикой, Перу, Чили, Парагваем и Уругваем Договора Монтевидео (TreatyofMontevideo) [15]. Позже странами-участницамистали Эквадор и Колумбия. Подписавшие надеялись создать общий рынок в Латинской Америке, другими словами зону свободной торговли с тарифными скидками для стран-участниц. Это должно было способствовать взаимной региональной торговле между странами-участницами, а также с Соединенными Штатами и Европейским союзом. Соглашение ЛАСТ содержит ряд важных ограничений: оно распространяется только на товары, а не на услуги, и не включает в себя координацию политики. В 1966 году следующей страной-участницей стала Венесуэла, в 1967 году присоединилась Боливия. Главная проблема, с которой столкнулись страны Латинской Америки, это неравенство в экономическом развитии. Соглашение о зоне свободной торговли рассматривалось, как способ улучшить экономическое состояние более отсталых и бедных стран-участниц за счет тесного сотрудничества. Такая протекционистская торговая политика стала основой для концепции импортозамещения. На субрегиональном уровне подписываются торговые соглашения, все они призванные снизить экономическую дифференциацию, повысить уровень экономического развития на основе проведения политики импортозамещения [16, с.1]. Для такой политики все страны-участницы были разделены с учетом их экономического развития на 3группы, для которых предусматривались специальные торговые льготы: развитые страны (Аргентина, Бразилия, Мексика); страны со средним уровнем развития (Венесуэла, Колумбия, Перу, Уругвай и Чили); отсталые (Боливия, Парагвай и Эквадор) [20]. Создание ЛАСТ способствовало росту экономического сотрудничества в регионе, созданию ряда отраслевых объединений. Однако эти шаги не привели к решению основной проблемы. В 1980 году ЛАСТ была преобразована в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции (ЛАИ) – Latin American Integration Association (ALAI) [15]. Все соглашения, подписанные в рамках ЛАСТ, сохранили свою силу. ЛАИ – это региональное торгово-экономическое объединение 12 государств (11 государств, входившие в состав ЛАСТ и Куба, которая стала страной-участницей в 1999 году). Примечательно, что Российская

Федерация с 1993 года имеет статус наблюдателя. В своей деятельности ЛАИ следует 5 принципам, установленным Договором Монтевидео: политический и экономическийплюрализм; совместимость субрегиональных и двусторонних соглашений с целью построения на их основе общего рынка; гибкость; дифференцированный подход к странам с различным уровнем развития; множественность используемых механизмов торговых соглашений [18]. ЛАИ представляет собой более гибкое соглашение, однако главная цель полностью так и не была достигнута.

В 1960 г. была создана другое экономическое объединение – Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР). В целом страны-участницы пытались создать таможенный союз, но в результате достигли установления преференциальной торговли. В 1968 году была создана Организация Восточно-карибских государств или Восточно-карибский общий рынок (Organization of Eastern Caribbean States – OECS), объединившая страны Карибского бассейна. Эта организация представляет собой экономический и валютный союз, целью которого является содействие экономического развития. Однако на практике ее деятельность сводится к политическим вопросам: координация внешней политики, представительство в других международных организациях и дипломатическое представительство стран-участниц за рубежом, за исключение Доминиканской Республики. Более того, ОВКГ находится под большим влиянием со стороны Соединенных Штатов Америки.

Еще одна торгово-экономическая группировка, которая имеет вес в Латинской Америке – Андское сообщество (АС), созданное в 1969 г. в рамках Латиноамериканской ассоциации свободной торговли. В ее состав вошли: Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу, Чили, которая входила в состав до 1976 года, и Венесуэла (вошла в состав в 1973 г.). Основная цель – ускорение экономического развития стран-участниц путем объединения их материальных и трудовых ресурсов. Выдвинуты задачи расширения взаимной торговли, координации экономической и социальной политики, развития индустриализации, введения общего таможенного режима, создания субрегионального общего рынка [19]. В 1973 г. создано Карибское сообщество (КАРИКОМ), которое в настоящее время является таможенным союзом.

Из чего можно заключить следующее, в период 1960–1980 гг. интеграционное сближение в регионе и создание зоны свободной торговли или таможенных союзов полностью не были созданыпод влиянием экономических и политических причин.

На протяжении 1980-е гг. в латиноамериканском регионе происходит ряд преобразований: экономический кризис 1980-х гг. негативно отразился на интеграционных процессахстран Латинской Америки, и спровоцировал временный застой; демократические формы правления еще не успели обрести достаточной устойчивости, хотя смогли заменить разрушительные военные режимы, характерные для истории стран Латинской Америки; начинают по-другому оценивать вопросы касательно безопасности, основанной на поддержании демократических институтов; рост экономического развития; усиление глобальных процессов интеграции в других регионах, стремление к свободному доступу товаров

и услуг на рынки третьих стран дает толчок в развитии интеграционных процессов в Латинской Америке. Второй этап интеграции охватывает период 1990-х гг. в рамках нового регионализма, основанного на новых соглашениях по созданию зоны свободной торговли в рамках деятельности. АС, КАРИКОМ и ЦАОР. В этот же период формируется новое интеграционное объединение – Меркосур. Итоговой целью провозглашается интеграция.Эта цельявляется ответом стран Латинской Америки на тенденции мирового развития, как получение права голоса в решении международных вопросов. Также стоит отметить, что Меркосур и Андское Сообщество энергично развиваются на протяжении всего своего существования, то ЦАОР и КАРИКОМ активизировались в основном в последние года. Другие же интеграционные группировки, в том числе двусторонние, лишь сохраняют статус зон свободной торговли.

Третий этап латиноамериканской интеграции приходится на середину 2000-х гг. Отличительной тенденцией от других этапов, является смена акцента с торговли на политику. Этот этап также отличается активным формированием новых интеграционных группировок, например, организация региональной политической и экономической организации государств Южной Америки – Союз южноамериканских наций (UNASUR) в 2004 г. Согласно уставному документу главная задача союза добиться создания зоны свободной торговли. Однако на практике UNASUR выступает в качестве авторитетного регионального судьи, а также главной площадкой взаимопонимания, в которой геополитические интересы США сведены к минимуму. Все решения принимаются в первую очередь исходя из интересов стран южноамериканского региона. Вдобавок необходимо выделить Тихоокеанский альянс. Это торговый блок, который многие рассматривают как противовес южноамериканскому гиганту — Бразилии, другими словами альянс необходим, чтобы оттянуть экономическую инициативу с Бразилии на Мексику. В блок входят Мексика, Перу, Чили, Колумбия. Коста-Рика только после ратификации договора о свободной торговле с Колумбией стала полноправным членом. Смена акцента привела к застою многих интеграционных проектов, которые не активны и сейчас.

Также на территории стран Латинской Америки в декабре 1986 года было создановлиятельное политическое объединение - Группа Рио (ГР). Изначально в состав ГР вошли Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Панама, Перу и Уругвай [14]. Спустя четыре года в объединение были включены Боливия, Парагвай, Чили, Эквадор, а также на основе ротации по одной стране от Центральноамериканского и Карибского субрегионов[14]. Следующим шагом стало присоединениев сентябре 1999 г. Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики, Никарагуа, Сальвадора и Доминиканской Республики. В настоящий момент Группа Рио насчитывает 19 стран-участниц [14], основными направлениями деятельности выделяют:

- расширение и укрепление политического сотрудничества и диалога;
- формирование единой позиции по международным вопросам, представляющим общий интерес;
- содействие процессам латиноамериканской интеграции;

- вынесение решений по региональным проблемам и конфликтам;
- улучшение межамериканских отношений;
- выявление новых сфер сотрудничества, благоприятствующего экономическому, социальному и научно-техническому развитию стран ГР[14].

Таким образом, интеграционные процессы характерны для развития различных регионов, в том числе и в Латинской Америке, олицетворяют собой качественно новую форму международного сотрудничества. Страны Латинской Америки стремятся таким путем обрести политический вес на мировом рынке, и в целом получить статус стран, позиции и интересы, которых учитываются ведущими геополитическими игроками. Интеграционные процессы в Латинской Америке в основном объединяют развивающиеся страны в рамках горизонтальной интеграции. Однако существуют примеры и вертикальной интеграции, например, подписание соглашения между ЦАОР и США в 2004 году.

Список использованных источников и литературы

1. О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америк. Заявление официального представителя МИД России М. В. Захаровой 18 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna

O sostoyanii i perspektivah razvitiya sotrudnichestva Rossii s gosudarstvami Latinskoj Amerik. Zayavlenie oficial'nogo predstavitelya MID Rossii M. V. Zaharovoj 18 fevralya 2019 g. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna

2. Россия – Организация американских государств. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400618

Rossiya – Organizaciya amerikanskih gosudarstv. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400618

3. Россия и Группа Рио. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400690

Rossiya i Gruppa Rio. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400690

4. Андское сообщество. Организации Латиноамериканского региона. МИД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400674

Andskoe soobshchestvo. Organizacii Latinoamerikanskogo regiona. MID Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400674

5. Лавров С. В. Россия – Латинская Америка: строим партнерские отношения / С. В. Лавров // Латинская Америка. 2006. – №1. – С. 7–10.

Lavrov S. V. Rossiya – Latinskaya Amerika: stroim partnerskie otnosheniya / S. V. Lavrov // Latinskaya Amerika. 2006. – №1. – S. 7–10.

6. Меркосур уже давно вышел за рамки чисто экономической интеграции (Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Восточной Республике Уругвай Я. А. Бурляя) // Латинская Америка. – 2002. – № 4. – С. 58–63.

Merkosur uzhe davno vyshel za ramki chisto ekonomicheskoj integracii (Interv'yu Chrezvychajnogo i Polnomochnogo posla Rossijskoj Federacii v Vostochnoj Respublike Urugvaj Ya. A. Burlyaya) // Latinskaya Amerika. – 2002. – № 4. – S. 58–63.

7. El Sistema de la IntegraciónCentroamericana (SICA). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sica.int/sica/sica_breve.aspx

8. The Latin American Free Trade Association [Электронный ресурс]. – URL: https://www.usitc.gov/publications/other/pub60.pdf

9. MERCOSUR – Página official [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mercosur.int/

10. Portal de la Comunidad Andina [Электронный ресурс]. – URL: http://www.comunidadandina.org/

11. Andean Community (CAN) [Электронныйресурс]. – URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ ForeignRelation/Andean_Community_February.2013.pdf

12. Caribbean Community (CARICOM). [Электронный ресурс]. – URL: https://caricom.org/about-caricom/who-we-are

13. World Population Prospects. Population division. United Nations [Электронный ресурс]. – URL: https://population.un.org/wpp/DataQuery

19. Pacific Alliance [Электронный ресурс]. – URL: https://alianzapacifico.net/en/what-is-the-pacific-alliance

14. Группа РИО. Латиноамериканский департамент. МИД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/ 0vP3hQoCPRg5/content/id/510210

Gruppa RIO. Latinoamerikanskij departament. MID Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5 /content/ id/510210

15. Smriti Chand Latin American Free Trade Association (LAFTA)/ Smriti Chand.[Электронный ресурс]. – URL: http://www.yourarticlelibrary.com/organization/latin-american-free-trade-association-lafta/23546

16. Костюнина Г. М. Интеграция в Латинской Америке / Г. М. Костюнина // Международная экономическая интеграция: учебное пособие / Под ред. Н. Н. Ливенцева. – М.: Экономистъ, 2006. – 430 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/4f1/ 4f148798e7fb817ac49170040d3acbce.pdf

Kostyunina G. M. Integraciya v Latinskoj Amerike / G. M. Kostyunina // Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integraciya: uchebnoe posobie / Pod red. N. N. Livenceva. – M.: Ekonomist", 2006. – 430 s. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/4f1/ 4f148798e7fb817ac49170040d3acbce.pdf

17. Шумилов В. М. Международное публичное экономическое право. Учебное пособие. Издание 2-е, исправленное и дополненное / В. М. Шумилов. – М. : НИМП, 2001. – 288 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnoe-pravo-4/index.htm

Shumilov V. M. Mezhdunarodnoe publichnoe ekonomicheskoe pravo. Uchebnoe posobie. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe / V. M. Shumilov. – M. : NIMP, 2001. – 288 s. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnoe-pravo-4/index.htm

18. Лавут А. А., Разумовский Д. В. Латиноамериканская ассоциация свободной торговли / А. А. Лавут, Д. В. Разумовский // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/economics/text/2938756

Lavut A. A., Razumovskij D. V. Latinoamerikanskaya associaciya svobodnoj torgovli / A. A. Lavut, D. V. Razumovskij // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://bigenc.ru/economics/text/2938756

19. Латинская Америка: Справочник / Под ред. В. В. Вольского; Сост. С. Н. Табунов. – М. : Политиздат, 1990. – 399 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.indiansworld.org/ Latin/latin_america_1990_handbook.html#.XM9sfhQzbIU

Latinskaya Amerika: Spravochnik / Pod red. V. V. Vol'skogo; Sost. S. N. Tabunov. – M. : Polit¬izdat, 1990. – 399 s. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.indiansworld.org/ Latin/latin_america_1990_handbook.html#.XM9sfhQzbIU

20. Безбородов Ю. С., Сухова О. В. Международно-правовые аспекты валютной интеграции Латинской Америки // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3. Общественные науки. –2015. – №1(137). – С. 136–142.

Bezborodov YU. S., Suhova O. V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty valyutnoj integracii Latinskoj Ameriki // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. – 2015. – №1(137). – C. 136–142.

21. Строганов А. И. Латинская Америка. Страницы истории XX века / А. И. Строганов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 168 с.

Stroganov A. I. Latinskaya Amerika. Stranicy istorii HKH veka / A. I. Stroganov. – M. : Editorial URSS, 2004. – 168 s.

22. Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки / А. И. Строганов. – М. : Высш. шк., 1995. – 415 с.

Stroganov A. I. Novejshaya istoriya stran Latinskoj Ameriki / A. I. Stroganov. – M. : Vyssh. shk., 1995. – 415 s.

23. Романова З. И. Латиноамериканская интеграция: тенденции развития. – М. : Наука, 1970. – 136 с.

Romanova Z. I. Latinoamerikanskaya integraciya: tendencii razvitiya. – M. : Nauka, 1970. – 136 s.

24. Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире (первая четверть XXI века). Сб. докладов научной конференции / Отв. ред. А. Н. Глинкин, И. К. Шереметьев. – М. : ИЛА РАН, 2003. – 299 с.

Perspektivy razvitiya Latinskoj Ameriki v globaliziruyushchemsya mire (pervaya chetvert' XXI veka). Sb. dokladov nauchnoj konferencii / Otv. red. A. N. Glinkin, I. K. Sheremet'ev– M. : ILA RAN, 2003. – 299 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 5 (71), № 4. 2019 г.

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КРЫМА: ЭТНОГРАФЫ И ЭКСПЕДИЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Непомнящий А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru

Статья продолжает очерк, опубликованный во 2 номере журнала за этот год. Вопросы этнографического изучения народов Крымского полуострова на протяжении XIX – первой трети XX столетия активно разрабатывались исследователями, которые как самостоятельно, так и, действуя по программам, очерченным различными учеными учреждениями, занимались сбором и анализом различной этнографической информации. На первом этапе этнографы-собиратели (В. Х. Кондараки, Н. А. Маркс и др.) проделали большую работу по сбору устного народного творчества, записей традиций и бытовых зарисовок различных крымских народов. Значительна роль в этнографических разработках русского музея императора Александра III и Лазаревского института восточных языков. Итогом стараний крымоведов различного ученого уровня в досоветский период стала подготовка не только обобщающих популярных этнографических обзоров народов полуострова, но и отдельные наработки по доскональному изучению фольклора, фонетики, особенностей говора, одежды, жилища. Производилась и значительная фотофиксация антропологических особенностей людей различных народностей, одежды, бытовых предметов, жилища. Были собраны и экспонировались в центральных музеях содержательные этнографические коллекции о крымских татарах, караимах, цыганах. Только часть этого богатого наследия, отложившегося сегодня в фондах музеев и личных архивах ученых, введена в научный оборот и используется.

Ключевые слова: историография, крымоведение, этнография, П. Н. Бекетов, В. А. Гордлевский, Н. С. Державин, В. Х. Кондараки, А. Ф. Музыченко, А. А. Олесницкий.

Исследования в области исторического крымоведения постоянно привлекали внимание как профессиональных ученых, так и дилетантов-любителей, которые нахватавшись общей справочной информации, считали себя специалистами в той или иной сфере изучения интереснейшего во всех планах полуострова [1; 2]. Особенно ярко эта тенденция, сохранившаяся до настоящего времени [3; 4], проявилась в области изучения народоведческих аспектов изучения региона.

Становление крымской этнографии как научной дисциплины проходило постепенно и исходит к первым экспедициям, организованным Петербургской академией наук на рубеже XVIII – XIX века. Отдельный этап накопления материала составила многолетняя работа российских и иностранных вояжеров, которые ехали на полуостров за новыми впечатлениям, восточным колоритом, памятниками старины. Их записки, изданные в виде воспоминаний, дневников, отчетов, писем послужили подспорьем для формирования в империи картины разнообразной этнографической палитры полуострова. Как и в любом ином российском регионе, в

Крыму возникала потребность создания оригинальных комплексных этнографических описаний. Однако в полном объеме такая задача создания популярных этнографических описаний народов полуострова была реализована только к 70-м годам XIX столетия.

Среди ряда подвижников, занимавшихся изучением крымской этнографии, выделяется многогранная деятельность Василия Христофоровича Кондараки (1834–1886), стоявшего у истоков этих разработок. Увлечение этнографией Тавриды, возникшее у краеведа под влиянием общего подъема интереса к народной жизни в стране в 60–70-е года XIX века, было подкреплено живыми личными впечатлениями. Поездки по Крыму показали исследователю, что крымская земля изобилует легендами и что среди населения края живет и продолжает развиваться богатейшая песенная и сказочная традиция. В. Х. Кондараки понимал фольклор не как пережиток старины или застывшую и воспроизводимую механически традицию прошлого, а как живое индивидуальное творчество, развивающееся в рамках народного коллектива. Именно взгляд на местный фольклор как на живое явление современной народной жизни и явился причиной столь страстного изучения им устного творчества народов Крыма. Благодаря В. Х. Кондараки мы имеем солидные этнографические описания Крыма 60–70-х годов XIX века. По содержанию многочисленных статей В. Х. Кондараки в периодике мы можем проследить, как шел процесс накопления этнографического материала, на что обращал внимание исследователь, что его интересовало более всего.

Этнограф-собиратель родился 25 января 1834 года в Симферополе. Происходил он «из обер-офицерских детей» [5]. После окончания курса обучения в частном пансионе педагога Бюргера юноша учился в Феодосийском уездном училище, которое окончил в 1852 году. Как отмечал сам краевед, большое влияние на его духовное совершенствование оказал П. П. Книжников, работавший в Симферополе губернским землемером. Общение с этим человеком, его друзьями и учениками сыграло решающую роль в интеллектуальном развитии будущего историка, подтолкнуло его к литературной работе.

Чиновничья деятельность В. Х. Кондараки началась в 18 лет. 14 апреля 1852 года он поступил на службу в канцелярию Таврического губернского прокурора. За короткое время молодой чиновник по разным причинам неоднократно менял места службы. 13 января 1854 года – увольняется по собственному прошению, с 5 апреля 1855-го – определен в Таврическую казенную палату канцелярским служителем. Уже 4 мая этого же года − назначен помощником столоначальника палаты по земскому столу. 14 декабря 1855 года, по прошению, он уволен из казенной палаты и 31 декабря 1855 года принят в число канцелярских служителей Начальника Таврической губернии [6]. С 12 мая 1856 года В. Х. Кондараки был откомандирован в Феодосийское центральное карантинное управление для работы в должности переводчика. В этом ведомстве он проработал до ухода в отставку [7].

Именно в 1855–1857 годы началась краеведческая деятельность В. Х. Кондараки – тогда появляются его первые этнографические описательные заметки в газетах. Как указывал биограф крымоведа В. Г. Курдиновский, «Первая статья его напечатана 19 марта 1856 года в «Одесском вестнике». Однако

«Одесский вестник» 19 марта этого года не выходил. Как нам представляется, исследователь стал помещать статьи в газетах ранее 1857 года. Этот вывод подтверждает и письмо, отправленное В. Х. Кондараки 20 сентября 1857 года в газету «Сын Отечества» из Феодосии, где идет речь об уже опубликованных им материалах. Интересна пометка карандашом, сделанная на письме, очевидно, для редактора кем-то из его помощников. В. Х. Кондараки уже в то время характеризуется как «знаменитый описатель всего относящегося до Крыма» [8].

В эти годы свои заметки Василий Христофорович посылал в центральные газеты. Так, одной из его первых известных публикаций стала «Внутренняя корреспонденция», помещенная в 1857 году в «Санкт-Петербургских ведомостях», где описывался быт крымских татар. Статья носила ярко выраженный шовинистский характер – высказывались упреки татарскому населению Крыма за якобы присущую ему «леность», которую автор призывал изгонять чуть ли не палочными ударами [9]. Столь явный выпад против крымских татар, да еще помещенный в центральной прессе, не остался без ответа. 23 октября 1857 года другая столичная газета «Северная пчела» поместила отзыв на данную статью В. Х. Кондараки. Началась дискуссия, а оппонент Кондараки – С. Крымтаев заметил: «Вероятно, некоторые из татар, между которыми пришлось проживать автору, заметив любопытство его, и желая подшутить, начали рассказывать ему разные басни (точить масал по обычаю татарскому), а он, приняв подобные рассказы за чистую монету, поверил всему от чистого сердца, и потому решился не только писать, но даже предавать печати такие небылицы» [10].

В 1858 году, являясь сотрудником Феодосийского карантина, В. Х. Кондараки был откомандирован в Ялту «для выполнения обязанностей комиссара Ялтинской карантинной заставы с 7 мая 1858 года» [11]. С этого времени краевед постоянно жил в Ялте. 24 мая этого же года В. Х. Кондараки одновременно был назначен временно исполняющим обязанности переводчика Евпаторийского карантина, но его работа там носила фрагментарный характер. Дом В. Х. Кондараки в Ялте не раз становился пристанищем для московских и петербургских исследователей, приезжавших на месте изучать крымские древности.

В 1858 году В. Х. Кондараки поместил в «Одесском вестнике» статью «Обычаи крымских татар» и работал над серией заметок «Очерки Крыма», которые начинал публиковать в 1861 году. Очевидно, организационные трудности мешали автору напечатать ряд очерков, и он имел возможность опубликовать в газете лишь один, где описывал такую категорию татарского населения, как шейхи – служители мусульманских мечетей. Статья интересна с точки зрения изучения религиозных культов татар. Автор поместил в ней описание таинства исцеления. В 1865 году «Николаевский вестник» напечатал не только его заметку «Ислам и мечети у крымских татар», но и легенды, собранные этнографом. Исследователь опубликовал также и народные сказания: «Золотая руда в Крыму», татарские легенды «О Черном море» и «Вай-анам-Хаясы». Продолжая этнографическую тему, В. Х. Кондараки посылал заметки и в Керчь, где вышли в свет статьи, посвященные свадебным и погребальным ритуалам у крымских татар [12]. Автор, как следует из его слов, сам принимал участие в данных обрядах, по воле случая, оказавшись свидетелем

событий. Тем ценнее для нас эти этнографические записки. В публикациях наглядно прослеживается изменение стиля повествования В. Х. Кондараки. Мы не встретим уже каких-либо упреков в адрес крымских татар. Более глубокое знакомство с их бытом, культурой поменяло отношение исследователя к этому народу. В 1866 году краевед опубликовал в «Николаевском вестнике» статью «Титулы и другие наследственные имена у крымских татар», а в 1867-м там же поместил целую серию заметок «Очерки Крыма», издание которой ранее, видимо, не удалось ему в «Одесском вестнике». С этнографической точки зрения интерес представляют четыре из них: «Магия у крымских татар», «Приморские татары Южного берега Крыма», «Одежда татарки», «Развлечения татар». На примере этих статей обнаруживается широкий диапазон этнографических интересов автора.

Во второй половине 60-х годов XIX века В. Х. Кондараки продолжал сотрудничать в «Одесском вестнике», «Николаевском вестнике» и «Полицейском листке Керчь-Еникальского градоначальства», помещая в них статьи описательно-географического плана [13]. Несмотря на то, что в этих корреспонденциях преобладают описания, их роль для развития крымоведческих исследований нельзя преуменьшать. Очерки знакомили читателей с различной историко-этнографической информацией, популяризовали крымские древности.

В 1869 году В. Х. Кондараки вновь опубликовал легенды крымских татар «Митридатова гора» и «Овраг окаменелых овец», а также статьи об их религиозных обычаях и о правах владения недвижимостью. В 1870 году этнограф знакомит читателей с еще одной татарской легендой – «Проклятые». Спустя семь лет серию легенд, собранных В. Х. Кондараки, поместила «Северная звезда». О том, как и с какой целью шел сбор материала, В. Х. Кондараки повествует в книге «Исторические картины Тавриды» десятитомника «В память столетия Крыма»: «в течение всей почти жизни в Крыму тщательно записывал все полумифические предания, легенды, сказки, относящиеся к этой стране сначала из любопытства, а потом с целью извлечь из них дополнения и разъяснения исторических событий». Работа в должности комиссара Ялтинской карантинной заставы, хотя и не была без хлопот, но не требовала от В. Х. Кондараки постоянного присутствия на месте службы. Он имел возможность много путешествовать по Крыму, часто общался с местным населением благодаря знанию диалектов татарского языка. Исследователь зачастую оставался на ночлег в глухих деревеньках и с удовольствием слушал легенды, песни, загадки, поговорки, анекдоты. Характерно, что этнограф обладал способностью расположить рассказчика к беседе. В. Х. Кондараки писал, что сбор этнографического материала, в частности фольклора, – это дар, который дается не каждому, т.к. этнографу необходимо овладеть «особенностями народных легенд, познание которых доступно только лицам, практически знакомым с местными наречиями и искусством выманить их у восточных народов».

В связи с принятием нового карантинного устава ликвидировалось комиссарство при Ялтинской карантинной заставе, и В. Х. Кондараки «остался за штатом с 1 января 1867 года» – вышел в отставку. В этом же году 30 мая 1867 года В. Х. Кондараки указом Сената № 103 произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 23 июля 1866 года [14]. Приняв решение не искать

новой должности, В. Х. Кондараки все свободное время отдавал изучению Тавриды и публикации материалов о ней.

Итогом досконального изучения края, наиболее популярных у посетителей мест полуострова, явился изданный В. Х. Кондараки в 1867 году в Николаеве путеводитель по Крыму «Подробное описание Южного берега Крыма». Книга имела большой успех. Об этом свидетельствует и факт того, что 9 июля 1867 года «за написание книги о Южном береге Крыма» В. Х. Кондараки получил в награду от императрицы очередной бриллиантовый перстень. Это был уже третий наградной перстень краеведа от царской семьи, что наглядно демонстрировало признание его заслуг в бурно развивавшемся в это время крымском краеведении. В этом же году «Николаевский вестник» напечатал первый цикл статей краеведа «Очерки Крыма».

Краеведческие изыскания сопровождались у В. Х. Кондараки постоянным общением с местными жителями – крымскими татарами и крымскими греками. Исследователь в совершенстве знал крымскотатарский язык. Стремясь предупредить языковые трудности, которые могли бы возникнуть между все возраставшим количественно русскоязычным населением в Крыму и многочисленными народностями, ранее здесь проживавшими, В. Х. Кондараки в 1868 году выпустил «Самоучитель турко-татарского и новогреческого языков», который затем выдержал и другие издания. Автор самоучителя считал обязательным для любого исследователя Крыма знать наречия местного населения и всегда гордился тем, что он владел местными диалектами в совершенстве. Значение составленного В. Х. Кондараки пособия было подчеркнуто изъявлением ему благодарности за данное издание от российского императора [15]. В «Самоучитель...» автор поместил отдельные часто употребляемые крымскотатарские слова, названия предметов обихода, представил начальные сведения о различных частях речи, а также привел 43 примера диалогов. Следует учесть, что В. Х. Кондараки специально упростил работу со своим пособием. Транскрипция, вероятно, умышленно была дана буквами русского алфавита с учетом того, что пользоваться им будет в основном русскоязычное население. Критическая оценка А. Е. Крымского – не единственный отклик на данную работу краеведа. Положительный отзыв о «Самоучителе...» помещен во введении к «Крымскотатарско-русскому словарю», изданному в 1988 году. Составители пишут: «В середине XIX в. начинается новый период в изучении лексики крымскотатарского языка. В эти годы создаются словари высокого научного уровня. <…> В изданном В. Х. Кондараки в 1868 году в Николаеве «Самоучителе турецко-татарского и новогреческого языков», помещен словарик, включающий 1000 слов диалекта среднего Крыма» [16].

С 1869 года В. Х. Кондараки расширил географию публикаций. Его статьи печатаются в «Новороссийских ведомостях», а с 1870 года − в «Записках императорского Общества сельского хозяйства Южной России». В. Х. Кондараки был действительным членом этой авторитетной общественной организации. Из устава Общества сельского хозяйства Южного края России явствует, что в

действительные члены этой организации, кроме помещиков, принимали и людей, «известных своими знаниями и опытностью в сельском хозяйстве» [17; 18].

Наравне с этим Василий Христофорович принимал активное участие в работе наиболее крупной и авторитетной общественной научной организации юга России − Одесского общества истории и древностей. Свидетельством признания его заслуг в сфере истории и археологии явилось принятие его в состав корреспондентов этого научного союза. В протоколе 141 заседания ООИД зафиксировано, что действительные члены Ф. К. Брун, В. Н. Юргевич, Ф. А. Струве предложили к избранию в корреспонденты В. Х. Кондараки, «могущего быть полезным обществу содействием» [19]. 27 декабря 1868 года состоялось 142 заседание ООИД, где Василий Христофорович был «баллотирован и избран единогласно» [20] корреспондентом: «Общество, приняв во внимание Ваши изыскания, касающиеся классического Южного берега Крыма, принимает Вас в свои корреспонденты» [21]. В 1876 году, В. Х. Кондараки был переведен в действительные члены Одесского общества истории и древностей [22]. Принятие Василия Христофоровича в число этой известной крымоведческой организации свидетельствует о признании вклада краеведа в развитие крымоведения среди современников.

В первой половине 70-х годов XIX века фамилия краеведа не так часто встречается на страницах периодики. Исследователь занимался подготовкой к изданию многотомного «Универсального описания Крыма», сталкиваясь при этом с массой организационных и финансовых трудностей. На обобщающее энциклопедическое издание о Крыме существовал заказ – правительство было заинтересовано в выпуске сочинения энциклопедического характера, затрагивающего различные стороны жизни Крыма. Издание «Универсального описания Крыма» было предпринято по воле императора Александра II, от которого краевед должен был получить обещанные ему на создание этого труда 6 тысяч рублей. Однако из письма В. Х. Кондараки секретарю Русского географического общества Владимиру Измайловичу Срезневскому от 10 февраля 1881 года стало известным, что в Ливадии автор получил лишь «часть обещанной субсидии с тем, что остальную выдадут в Петербурге». Но в столице денег ему так и не вручили. «Заболев и задолжавшись, – с горечью пишет В. Х. Кондараки, – мне с трудом удалось кое-как напечатать первые 17 частей и, бросив их в типографии, выехал домой чуть живым» [23]. Чтобы рассчитаться с долгами, исследователь даже пытался продать картины из личной коллекции и вновь устроиться на службу [24].

Несмотря на то, что в рукописи остались многие материалы, которые также предполагалось опубликовать, изданные четыре тома (17 частей) «Универсального описания Крыма» вызвали живой отклик среди современников. Уже сама подготовка этого труда к изданию освещалась в прессе. Так, газета «Новороссийские ведомости» еще в 1870 году начала печатать отрывки из этой работы и поместила редакционную заметку о ней. Там говорилось, что сочинение В. Х. Кондараки для того времени будет единственным в плане широты охвата материала. До этого же, как указывалось в заметке, «всестороннего сочинения, в котором было бы описание прошлого и настоящего состояния Крыма», еще не было [25].

Первая часть «Универсального описания Крыма» была опубликована в Николаеве в 1873 году отдельным томом. Очевидно, финансовые трудности не позволили краеведу продолжить выпуск в этой же типографии остальных частей. В 1875 году он возобновил издание в Петербурге, где и вышли четыре тома, включавшие семнадцать частей. (Первый том включал в себя изданную ранее первую часть и «Самоучитель туземных наречий Крыма»).

Уже вышедшая в Николаеве первая часть привлекла внимание критиков. Не замедлила появиться и рецензия, где известный библиограф Николай Николаевич Вакуловский вместе с положительной оценкой самой задумки краеведа о написании всеохватывающего сочинения о Крыме указывал на отсутствие ссылок на источники, необходимость давать конкретные названия для каждой части [26]. В связи с тем, что рецензент к тому времени не изучил всех частей «Универсального описания», а первая часть имеет свою специфику (по существу, это введение, нечто вроде путеводителя по Крыму), не со всем в статье Н. Н. Вакуловского можно согласиться. После обстоятельного знакомства с опубликованными частями Н. Н. Вакуловский поместил вторую рецензию в прессе. Она была напечатана без подписи. Атрибуция ее стала возможной благодаря изучению сохранившейся переписке В. Х. Кондараки с Н. Н. Вакуловским [27]. В статье подчеркивается всесторонность подхода к различным вопросам, касающимся Крымского полуострова: истории, этнографии, географии, ботаники, зоологи и его нынешнего состояния. Важно выделить следующие слова критика: «Подобного труда в литературе нашей не было, а между тем на него заявлялись требования. Литература о Крыме довольно обширна; но популярного, полного описания, доступного по стоимости и для людей небогатых, не было. Сочинение г. Кондараки и составлено в видах восполнить этот пробел». Вместе с этим критик заметил, что специалист к этому изданию «прибегать не может, так как ни одна сторона описания не может быть признана достаточно полной и точной» [28].

В «Универсальном описании Крыма» автор нарисовал картину движения народов в Крыму во II − I тысячелетии до н.э.: господство тут киммерийцев, скифов, тавров. Он охарактеризовал быт, верования, существующие политические институты этих народов. В целом историк представил достаточно полные сведения, однако, с позиций нынешних наработок, сказанного В. Х. Кондараки явно недостаточно. При описании тех же скифов историк не уделяет внимания такой важной стороне их жизни, как военное дело, а упоминая вооружение, говорит только о наконечниках стрел. Скудость описания можно объяснить тем, что основные исследования по данному вопросу сделаны уже в середине XX века. Работая над очерками о древнем населении Крыма, В. Х. Кондараки основывался только на некритически воспринятых известиях античных писателей. Исследователь сделал особый акцент на периоде греческой колонизации. Он не указал каких-либо причин колонизаторского переселения греков, ошибочно утверждая, что греки «случайно» открыли Южный берег Крыма. Главную свою задачу историк видит в освещении политической истории образовавшихся государств, не уделяя внимания социально-экономическому аспекту. В. Х. Кондараки правильно определил время появления итальянцев в Крыму,

показал борьбу городов Венеции и Генуи за господство в этом районе, охарактеризовал политическую жизнь, управление генуэзских колоний, организацию торговли. Исследователь верно заметил, что генуэзцы, несомненно, способствовали экономическому укреплению крымских портов, как связующих звеньев между странами Востока и Запада. Вместе с этим он отметил и негативную роль генуэзцев для Крыма – установление экономического гнета над местным населением. Историк правильно обозначил момент начала «турецкого господства» в Крыму. Он задается вопросом, как же возникло трехсотлетнее (1475–1775) турецкое владычество над Крымом, при каких обстоятельствах крымские ханы потеряли свою самостоятельность. В. Х. Кондараки показал, что борьба за власть, династические претензии в Крымском ханстве привели к необходимости обратиться к турецкому султану за помощью против генуэзцев, обещав при этом ему свое подданство. Автор рассказал о попытках избавиться от владычества турок, но вместе с тем, как «беспристрастный историк», он назвал и положительные аспекты протектората Турции для развития Крыма. Краевед составил краткую «Историю крымских ханов», взяв за основу турецкую рукопись, принадлежащую крымскому мурзе Аргинскому, напечатанную в «Записках Одесского общества истории и древностей», где в общих чертах описывалась деятельность некоторых ханов. В дальнейшем он поместил собственный очерк «Крымские ханы», подробно остановившись на деятельности Шагин-Гирея, которому посвящен специальный раздел. Правильно определяя социально-классовую структуру Крымского ханства, автор иногда все-таки подменял определенные сословия мелкими группами. Так, он выделил чиновный мир в особую прослойку, что вполне допустимо. Но вслед за этим в такие же прослойки он вывел кадиев (уездных судей), мудерисов (наставников в семинариях), кадиэскеров (военных, мировых судей). Это дробление не совсем оправдано, что подтверждается и в более поздних исследованиях по данному вопросу.

В начале 80-х, живя на небольшие доходы с имения, В. Х. Кондараки занимался доработкой и подготовкой к печати многотомного собрания сочинений, посвященного вековому юбилею присоединения Крыма к России. Для его издания он вновь выхлопотал денежное пособие из сумм «Кабинета его Императорского Величества» в количестве 10 тысяч рублей. Уведомление об этом было послано В. Х. Кондараки из канцелярии Министерства императорского двора 18 августа 1882 года Оно гласило: «Господину титулярному советнику Кондараки. Государь император по всеподданнейшему докладу ходатайства Вашего о пожаловании Вам денежного пособия на издание в полном составе начатого Вами по воле императора Александра II сочинения «Универсального описания Крыма», Высочайше повелевать соизволит: выделить Вам на этот предмет десять тысяч рублей» [29].

В 1883 году вышло в свет собрание сочинений краеведа в 10 томах, включавших разноплановые работы разных лет о Тавриде. Исследователь давно вынашивал идею переиздать вышедшие ранее тома «Универсального описания Крыма», дополнив их материалами, которые не имел возможности опубликовать в 1875 году. Десятитомник, напечатанный в год юбилея присоединения полуострова к России, получил название «В память столетия Крыма». В предисловии к этому

изданию автор писал: «Мы не сомневаемся, что гениальные уроженцы Крыма Айвазовский и Куинджи ознаменуют этот отрадный день каким-нибудь произведением своей блистательной кисти, что земство наше в свою очередь принесет приличную памяти жертву. <...> Я скромно приношу на алтарь моего Отечества 10 томов, написанных в течение многих лет о прекрасной Тавриде» [30].

Издание представляет собой разностороннее описание полуострова. В него вошли географический обзор, двухтомное описание этнографии полуострова, исторические очерки, художественные произведения, а также собранный краеведом фольклор крымских греков и крымских татар. Ценность данного собрания сочинений, не утраченная по сегодняшний день, состоит в том, что это богатый источник по этнографии Тавриды. Для историографии крымоведения XIX века данный многотомник, бесспорно, стал выдающимся событием.

Краевед жаждал продолжения исследований. Интересную информацию об этом дает нам письмо В. Х. Кондараки к директору Императорской Публичной библиотеки Афанасию Федоровичу Бычкову (1818–1899), датированное 8 июня 1883 года. Василий Христофорович сообщал, что «сочинение это начато мною с 1862 года по воле покойного императора». Можно только преклоняться перед подвижничеством краеведа, который и после выпуска «В память столетия Крыма» не собирался прекращать изыскания: «В то время, когда я исчерпал все источники и приступил к изданию его, передо мною внезапно открылся целый архив крымских дел в Москве, никем еще не тронутый. <...> Это такой клад для меня <…>, что я решил посвятить ему все силы. <...> Я позволил себе обратиться [к Вам (А. Н.)] во имя науки посодействовать мне несколькими добрыми словами <...> о предоставлении мне в Москве какой-либо должности для достижения общеполезной цели. Мне не нужны никакие громкие должности, а только источник существования, т.к. настоящий мой труд, розданный всем, начиная от Государя до последней военной библиотеки Империи, лишил меня возможности жить отдельными расходами от семейства» [31]. К сожалению, жизненные планы увели краеведа от мысли о работе с архивными материалами в Москве.

В Москве крымский этнограф выпустил в 1883 году отдельными книгами сборники «Легенды Крыма», «Крымско-татарские сказки», «Греческие сказки». Поистине этот год стал апогеем творческой деятельности В. Х. Кондараки. Свидетельством признания его научных заслуг явился перевод Кондараки 30 ноября 1883 года в число членов сотрудников Русского географического общества из действительных членов, кем он состоял ранее. К сожалению, списки членов-сотрудников Русского географического общества не проверялись и перепечатывались в неизмененном виде ежегодно до конца 1913 года. После смерти В. Х. Кондараки его имя фигурировало на страницах «Состава императорского Русского географического общества», как и при жизни. Знаменателен и факт принятия В. Х. Кондараки в действительные члены Московского общества древнерусского искусства. Эта общественная организация была основана в 1864 году. Она состояла «из любителей и последователей русской археологии, имела целью научную разработку и сосредоточение при Московском музеуме по мере возможности памятников древнерусского искусства» [32]. Принятие в эту

организацию – свидетельство признания заслуг в области изучения истории. Краевед поддерживал связи и с Московским обществом истории и древностей, в библиотеке которого сохранились книги исследователя Тавриды с его дарственными надписями.

Изданные В. Х. Кондараки труды о Крыме вызвали интерес не только в России, но и за ее пределами. В 1883 году за вклад, внесенный исследователем в изучение Крыма, он был награжден болгарской медалью «За науку и искусство» II степени. В приложенном «патенте» говорилось: «Ний Александр I по милости божия и волята народна князь на Болгария като благоволиме да наградим Русския Титулярный Советник Василий Христофорович Кондараки с среборна медаль «За науку и искусство». Заповедания даму ее даде настоящий патент» [33]. Такую награду получали лица, отличившиеся в искусстве, науке, промышленности и хозяйственной деятельности. Учрежден этот наградной знак 24 марта 1883 года [34]. Очевидно, В. Х. Кондараки был одним из первых, удостоенных им.

В 1885 году в Москве вышел составленный В. Х. Кондараки «Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму» [35], получивший положительные оценки в отзывах периодической печати [36].

Как видно, в основу этнографической деятельности В. Х. Кондараки положил широкую собирательскую работу. Прекрасно понимая возможность исчезновения, изменения части этнографического материала с течением времени, исследователь придавал особое значение его фиксации. Затрагивая в своих этнографических зарисовках как историю, так и описания всех проживающих в Крыму народов, В. Х. Кондараки, между тем, наибольшее внимание уделил самому многочисленному из них – крымским татарам. Тринадцатую часть «Универсального описания Крыма» краевед посвятил публикации собранных им песен, гимнов, пословиц, загадок, сказок, анекдотов, различных убеждений, наиболее распространенных фраз крымских татар, «чтобы самым подробнейшим образом познакомить с ними любителя этнографии».

В предисловии к разделу «Песни татар» этнограф писал: «Песни их составлены в рифму и очень разумно, но в буквальном переводе совершенно утрачивают свое достоинство. Во избежание последнего мы употребляли все усилия сохранить <...> их оригинальный смысл. Труд, конечно, доступный только людям, отлично знакомым со всеми оборотами и деталями их языка». В песенном творчестве татар В. Х. Кондараки выделил разновидности: песни, чины и гимны. Сорок песен, помещенных в тринадцатой части «Универсального описания Крыма», затрагивают разные моменты в жизни людей. Это, прежде всего, вечные темы любви, добра и зла, бытовой жизни. Большой интерес представляют песни, написанные на темы Крымской войны и эмиграции татар в Турцию. Кроме того, собиратель поместил и песенный вариант известной сказки «Кор-оглу». Большинство песен, как указывал автор, поются в Крыму давно, и авторы их почти неизвестны, хотя в некоторых случаях В. Х. Кондараки называет и поэтов: Гази-Гирея и Муртазу из Алушты. Кроме песен у степных татар, как сообщил этнограф, существуют и так называемые чины-импровизации. Чины создавались, как правило, экспромтом молодыми людьми в ходе беседы. По существу, это меткие остроумные ответы на навязчивое

поведение и грубое обращение к собеседнику. В. Х. Кондараки отметил, что, «к сожалению, они не записываются и предаются забвению. Я только раз успел записать наскоро два, три чина на одном девичьем вечере». Автор поместил эти три чина в «Универсальном описании Крыма», и они действительно поражают нас остротой юмора и оригинальностью стиля. Фольклорист отдельно выделил духовные песни татар, или гимны. «Они позволяют нам узнать и понять мировоззрение татарина, – пишет В. Х. Кондараки, – его взгляды на свое место среди окружающих его явлений». Тексты песен автор сопроводил примечаниями. Однако в них мы не найдем элементов анализа. Краевед использовал примечания только лишь для разъяснения содержания. Отдельные разделы в данном фольклорном сборнике В. Х. Кондараки посвятил пословицам и загадкам крымских татар, которые он собирал на протяжении многих лет. Читая их, мы знакомимся с глубоким и тонким юмором, присущим крымскотатарскому народу.

Исследователь всегда уделял большое внимание и проблеме сказки. Интересно, что он не только поместил в фольклорную часть «Универсального описания Крыма» текст сказок, но и передал нам саму процедуру пересказа, существовавшую у крымских татар в то время. По словам В. Х. Кондараки, перед подачей сказки слушателям следовал пролог, продолжающийся несколько минут, который имел целью рассмешить публику несообразностью подведенных событий. Заметим, что в крымской этнографии В. Х. Кондараки был «первым, кто попытался подойти более или менее систематически к собиранию сказочных текстов» [37]. Последователи не всегда соглашались с интерпретациями собранных текстов, предложенных Кондараки. так, отмечая выдающуюся роль «Универсального описания Крыма» для развития крымоведения в целом, этнограф 30-х годов XX столетия Сергей Дмитриевич Коцюбинский вместе с тем утверждал, что в основу собирания сказок В. Х. Кондараки «кладет <...> критерий несостоятельности татарской культуры» [38]. В вину краеведу ставилось и то, что он размещал тексты «как образчик занимательных для европейцев сказок «инородцев». Безусловно, у В. Х. Кондараки было желание увлекательно изложить материал, поместить сказки с динамичным сюжетом. Это вполне естественно для краеведа-популяризатора.

Интерес в тринадцатой части «Универсального описания Крыма» представляет раздел «Анекдоты». Наиболее известным героем анекдотов у крымских татар был Насреддин-Оджа, рассказы о похождениях которого и приводил этнограф. Анекдоты эти переходили, по свидетельству В. Х. Кондараки, из поколения в поколение и были частоупотребляемыми. Согласимся с мнением С. Д. Коцюбинского, что приводимые В. Х. Кондараки анекдоты «целиком носят на себе печать своеобразной «интерпретации», присущей краеведу» [39]. Однако весьма спорным видится нам утверждение С. Д. Коцюбинского о В. Х. Кондараки, как будто этот «чуждый нам» голос «апологета русских колонизаторов» служит делу обезоруживания Насреддина [40]. В. Х. Кондараки тщательно подбирал этнографические зарисовки и другие материалы, помещаемые в сборники. Преследовал он при этом одну цель – познакомить неискушенного в местной этнографии читателя с колоритным, разнообразным крымским фольклором. Кроме

одиннадцати анекдотов об Насреддин-Одже В. Х. Кондараки пересказал восемь историй об Ахмет-Ахае.

Интересным источником о жизни населения Крыма второй половины XIX века являются помещенные в специальном разделе «различные убеждения». Многие из них по своему уровню составляли мировоззренческую норму своего времени или выражали состояние общей культуры народа, далекое от желаемого. Но они не лишены и зоркой наблюдательности, юмора, мудрости. Хотя рядом соседствует и невежество, заблуждение, мистицизм. В. Х. Кондараки поместил также частоупотребляемые «фразы, принятые татарами в разговорах», что также является подтверждением того, что краевед досконально знал местные диалекты и довольно часто общался с населением, «выуживая» у старожилов фольклорный материал.

Свидетельством знакомства В. Х. Кондараки с материальной культурой местного населения являются XI и XII частях «Универсального описания Крыма», где краевед продолжал публиковать этнографические материалы: описывал жилища, семейный быт, элементы одежды, праздники, духовные верования крымских татар. Типичной чертой трудов В. Х. Кондараки является комплексный подход к материалу. Он остановился на всех вопросах, касающихся татар, начиная с описания их физического сложения и внешности и до публикации памятников духовной культуры. А ведь это был итог долгой и кропотливой работы исследователя. Именно результатом такого скрупулезного труда и явилось издание им в Москве в 1884 году «Турко-татарского сонника», который и сегодня пользуется большой популярностью.

Написанные в научно-популярном стиле работы В. Х. Кондараки дают нам богатые сведения по этнографии Крыма во второй половине XIX века. Популяризаторская деятельность автора представляет большой интерес для современников, т.к. и в наши дни в штудиях этнографа можно найти большое количество немаловажных деталей о культуре и быте населения полуострова.

Сегодня мы можем говорить о весомой роли, внесенной В. Х. Кондараки в изучение этнографии народов Крыма, и прежде всего крымских татар. Не случайно небольшая справка об этнографе помещена в «Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов». Сам факт упоминания фамилии краеведа в данном академическом издании – свидетельство признания его заслуг в тюркологии как «писателя, историка, этнографа, географа, краеведа Крыма» [41].

Василий Христофорович Кондараки внёс выдающийся для своей эпохи вклад в развитие исторического крымоведения. Одним из первых он попытался создать хронологически непрерывный научно-популярный очерк истории Крыма, переплетая исторические и этнографические сюжеты, а иногда и путая их. Останавливаясь на различных сюжетах прошлого, краевед наравне с этим предоставил на суд читателей как научно-популярные, так и художественные сочинения по отдельным аспектам истории края. Хотя сегодня дилетантские исторические очерки В. Х. Кондараки блекло смотрятся на фоне более поздних фундаментальных научных работ, для его современников, да и дя последующих поколений, эти труды являлись настольной книгой по истории края. Они давали возможность познакомиться с историческим прошлым Крыма тысячам читателей.

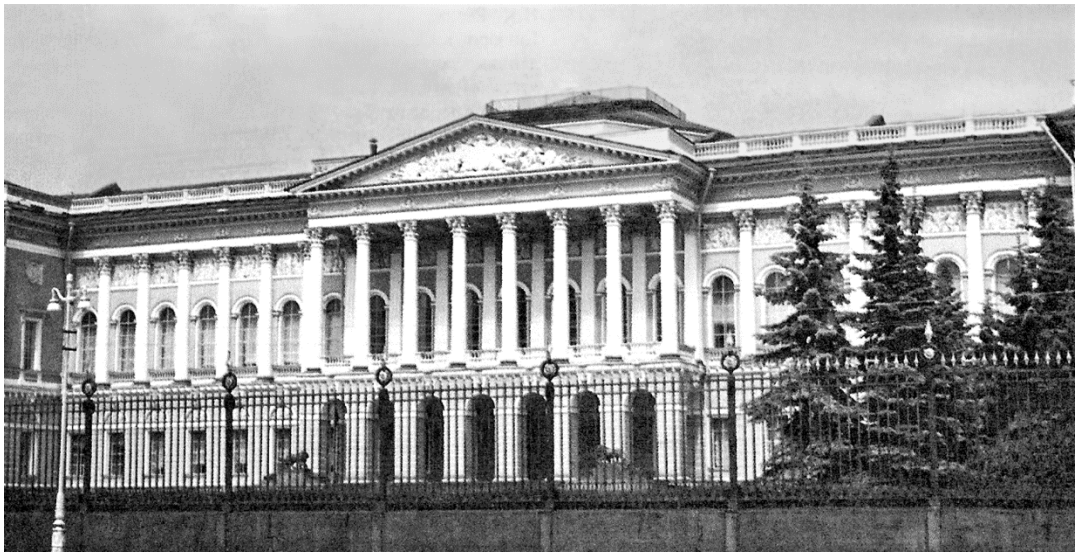
Интересен и избранный автором своеобразный жанр исторического повествования, сочетающий научно достоверную информацию с занимательными легендами, непроверенные свидетельства очевидцев с этнографическими зарисовками и авторскими отступлениями. Всё это, кажется, сознательно делалось В. Х. Кондараки для придания своим описаниям, не случайно названным «универсальными», как можно большей увлекательности, которую, как видно, высоко ценил, считал крайне необходимой и автор [42].

Для наших современников работы В. Х. Кондараки представляют интерес, прежде всего, как конкретное историографическое явление в общем потоке развивающегося исторического познания. Интересны работы В. Х. Кондараки и как этап в развитии крымского краеведения. Может, в меньшей степени они полезны меркантильному исследователю, который ищет возможность сослаться на достоверное свидетельство краеведа XIX века. Но даже и в этом смысле работы В. Х. Кондараки могут быть полезными этнографам. Наконец, это пример подвижничества интеллигента, увлечённого интересным делом.

Эпоха собирательства этнографических данных, ярким представителем которой был В. Х Кондараки, к концу века переходила на новую ступень – музейного собирательства и научной популяризации крымской этнографии. В конце XIX – начале XX века ведущую роль в этом деле сыграл Русский музей императора Александра III, который был учрежден в Санкт-Петербурге указом Николая II 13 апреля 1895 года. Музею был предоставлен Михайловский дворец «со всеми прилегающими флигелями, службами и садом». Сразу же оформилось три отдела: памяти Александра III (рисунки, фотографии, печатные, рукописные и художественные материалы о жизни монарха), художественный и этнографический. С 1897 года появился четвертый – художественно-промышленный отдел. До 1917 года музей находился в ведении Министерства императорского двора. Однако руководящая роль этого министерства не распространялась далее финансирования. В административных и прочих вопросах руководство музея подчинялось Академии художеств. Музеем руководил управляющий (с 1897 по 1917 г. – великий князь Георгий Михайлович). Кроме того, существовала должность директор.

Достаточно полное представление о задачах Этнографического отдела музея дает составленная филологом-славистом, историком, профессором Санкт-Петербургского университета Владимиром Ивановичем Ламанским (1835–1914) «Записка с проектом организации и устройства Этнографического отдела Русского музея» (1898 г.) [43]. Главную свою задачу организаторы видели в том, чтобы «возможно полнее и вернее представить Россию в ее этнографическом разнообразии <…> не только показать Россию в ее племенном многообразии, но и в историческом единстве» [44] ее народов. Крыму планировалось посвятить отдельную экспозицию в шестом разделе «Юг и Юго-Восток страны». Для устроителей музея представляли интерес практически все стороны этнографии: карты, коллекции типических черепов доисторического населения края, коллекции орудий труда, манекены и фотографии представителей различных народов, проживавших здесь, старинные костюмы, макеты жилищ и хозяйственных

построек, обычное народное питание, домашняя птица, виды упряжи, закладки коней, мужской и женский труд, таблицы по статистике края [45].



Русский музей императора Александра III.

Очерчивая грандиозную программу этнографического изучения бескрайних просторов империи, используя различные способы сбора обширных материалов, В. И. Ламанский понимал, что «не в один и не в два года может быть создан такой музей» [46]. Для эффективности работы он настаивал на активном сотрудничестве музея с местными статистическими комитетами, гимназиями (прежде всего с отдельными преподавателями – подвижниками краеведения, которые занимались этнографией края), членами губернских ученых архивных комиссий, старожилами – знатоками своего края [47].

Объявив научной общественности о начале организации Этнографического отдела, сотрудники справедливо считали, что «это предприятие может составить эпоху в истории русской этнографии» [48]. Первоначально в составе отдела предполагались два отделения: описательной этнографии и общего народоведения. Дискутируя о формах сбора материала, этнографы пришли к выводу, что «лучшим, можно сказать, единственным рациональным способом является способ экспедиционный. Посредством экспедиций материал будет собран быстрее и полнее будет соответствовать задачам музея» [49].

Сохранившиеся в фондах Научного архива Российского этнографического музея «Журналы заседаний Этнографического совета Русского музея императора Александра III» свидетельствуют о постоянном интересе музея к этнографии Крыма. При распределении районов страны между сотрудниками общая организация сбора материалов о Крыме и их систематизация были поручены одному из авторитетнейших сотрудников музея историку Востока Константину

Александровичу Иностранцеву (1876–1941) [50]. В отделе сотрудничали, в том числе помогали обрабатывать этнографические материалы из Крыма, старший этнограф Музея этнографии и антропологии Академии наук Дмитрий Александрович Клеменц, директор этого же музея Василий Васильевич Радлов (1837–1918), академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), председатель этнографического отделения Русского географического общества академик Владимир Иванович Ламанский, председатель этого общества Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914), академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), этнограф Алексей Николаевич Харузин (1864–1932) и другие [51].

Никодим Павлович Кондаков.

Для создания экспозиций Этнографическим отделом Русского музея имени Александра III был предпринят ряд крупномасштабных экспедиций в различные области империи, в том числе и в Крым. Одна из первых этнографических поездок на полуостров состоялась весной 1905 года. Руководил ею Константин Александрович Иностранцев. Будущий востоковед родился в Санкт-Петербурге в семье профессора столичного университета, видного ученого-геолога Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). После окончания классической Лазаревской гимназии (1896 г.), факультета восточных языков столичного университета по арабско-персидско-турецко-татарском разряду (1899 г.) он был оставлен для подготовки к профессорскому званию. С 1902 года К. А. Иностранцев − главный хранитель Этнографического отдела Русского музея. С этого же года он − член-сотрудник Восточного отделения Русского археологического общества. В научных кругах К. А. Иностранцев приобрел авторитет историка культуры древнего и мусульманского Востока. Знание источников на арабском и персидском языках позволило ему не только продолжить систематизацию востоковедческой библиографии, начатой Владимиром Густавовичем Тизенгаузеном (1825–1902), но и находить разнообразные сведения историко-культурного характера там, где это не удавалось другим [52].

В Крыму К. А. Иностранцев развернул обширные полевые исследования. Он проводил сбор этнографического материала в Евпаторийском, Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском уездах. В ходе данной экспедиции для музея было приобретено 392 предмета быта на сумму 1.235 рубля 34 копейки. Это вещи болгар, караимов, крымских греков, крымских татар, в том числе образцы вышивок и узорного тканья крымских татар, предметы повседневного быта, полотенца, платки разного назначения, женские нагрудники, покрывала, пояса для вздержки, утварь, музыкальные инструменты, одежда − комплексы и отдельные предметы (среди них

костюмы караимского хаззама (газана), полный костюм болгарки-невесты, старинный женский греческий костюм из Старого Крыма, головные покрывала, утварь глиняная, деревянная, металлическая; сельскохозяйственные орудия), а также 51 фотография с бытовыми сценами и видами, сделанная по маршруту поездки: Перекоп (деревни Мулла-Лар, Тюп-Кенегенез, Тереклы-Абаш) − Симферополь – Евпатория – Бахчисарай – Бахчисарайская волость Ялтинского уезда (деревни: Куру-Узень, Улу-Узень, Туак, Ускут, Лаки, Керменчик, Тавры, Богатыр, Узеньбаш, Фот-Сала, Коккоз) – Алушта – Судак (дер. Куру-Узень, Улу-Узень, Туак, Ускют, Кансехде, Кутлак) – Феодосия и уезд (деревни: Сарай-Мин, Коп-Кочеген, Кыз-Аул, Коп-Тахыл, Таракташ, Токлук, Коз, Капсыхор, Кутлак, Отузы, Коктебель) – Старый Крым – Карасубазар – Симферополь [53].

В 1906 году экспедицию музея в Крым возглавил Петр Николаевич Бекетов (1881–1907) – морской офицер, брат известного академика архитектуры Алексея Николаевича Бекетова (1862–1941). П. Н. Бекетов сотрудничал в Русском географическом обществе. Он имел собственную дачу в Профессорском уголке под Алуштой, рядом с сохранившейся до настоящего времени дачей его брата. В экспедиции он основное внимание уделил сбору этнографических предметов у степных татар (керченских и перекопских). Маршрут для него разработали С. А. Мокржецкий и С. С. Крым. П. Н. Бекетов посетил в Феодосийском уезде деревни Сарай-Мин, Коп-Кочеген, Кыз-Аул, Коп-Тахыл; в Перекопском − Мулла-Лар, Тюп-Кенегез, Тереклы-Абаш. Петр Николаевич доставил в музей 94 предмета, истратив на их приобретение 200 рублей [54]. В письме, адресованном К. А. Иностранцеву 8 апреля 1906 года, П. Н. Бекетов отмечал, что «подозрительность, замкнутость крымских татар не знает предела» [55], а это, по его справедливому замечанию, существенно мешало работе: «<…> нет возможности присматриваться и выбирать». Петр Николаевич привез в Санкт-Петербург комплексы и отдельные предметы женской, мужской и детской одежды крымских татар, головные покрывала, полотенца разного назначения: узорного тканья и с вышивкой; утварь глиняную, деревянную, металлическую, комплект утвари для приема гостей (подставка для подноса, поднос и чашечки) [56]. Петр Николаевич Бекетов стал инициатором подготовки для экспозиции музея макетов жилищ степных и горных татар Крыма. Он же нашел и исполнителя проекта – студента Петербургского горного института, молодого геолога, гидролога Петра Абрамовича Двойченко, который занимался в Крыму исследованием артезианских колодцев.

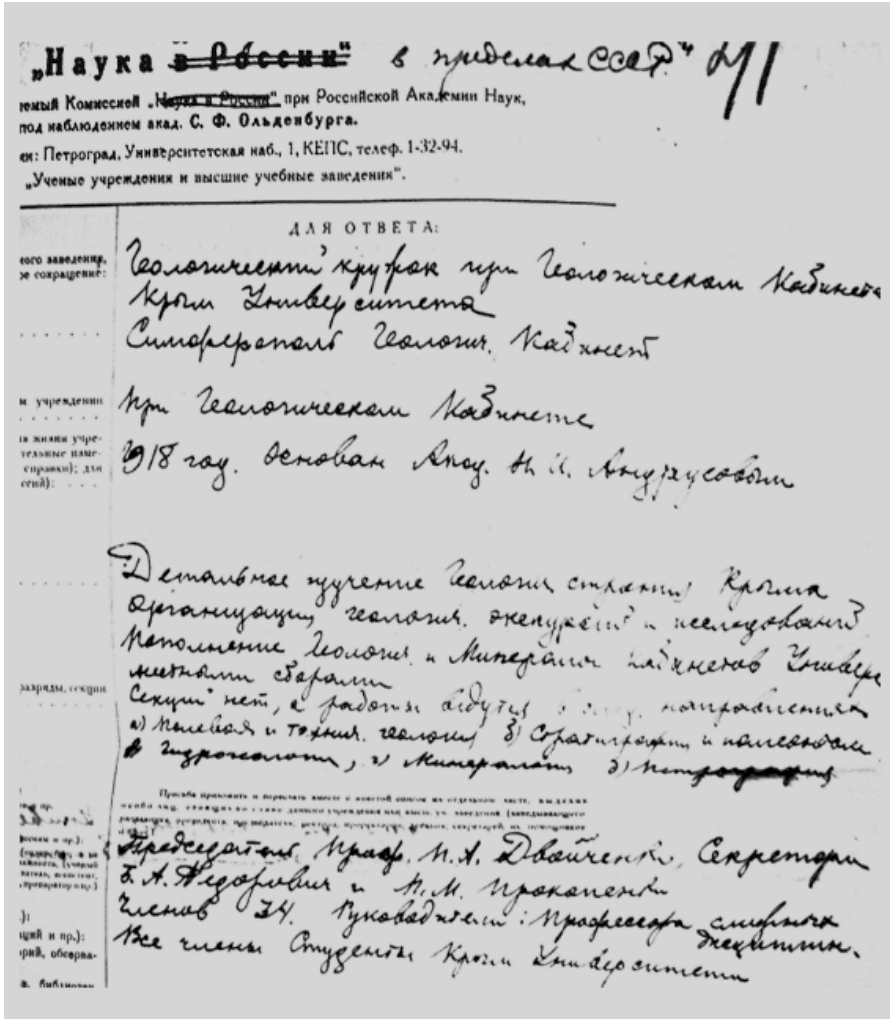
Крупный, но до последнего времени малоизвестный деятель крымоведения – П. А. Двойченко (1893–1945) − геолог, гидролог – активно сотрудничал с Русским музеем в деле этнографических исследований. Родом он из Бердянска. Уже в декабре 1893 года семья переехала в Симферополь. Низшее образование получил в частной школе Архангельской в Симферополе (1890–1892), среднее − в гимназиях Симферополя и Павлограда. В 1902–1908 годах − студент Горного института в Санкт-Петербурге. Специализировался и работал под руководством профессора Е. С. Федорова по кристаллографии и петрографии. После защиты дипломного проекта получил звание горного инженера и диплом I разряда. С 1900 года будущий

Петр Абрамович Двойченко.

ученый занимался репетиторством по математике и естествознанию. В 1903–1904 годах он руководитель общеобразовательных курсов в столице, где читал лекции по геологии и полезным ископаемым. С 1904 го да – «штатный объяснитель» в музее и руднике Горного института. В 1904–1905 годах − читал лекции на общеобразовательных курсах в Симферополе по геологии и минералогии. В 1907–1908 годах − исполнял обязанности ассистента по кафедре палеонтологии Горного института. В 1908–1912 годах − преподавал в Симферопольском народном университете (читал курсы по геологии, гидрологии, минералогии и о полезных ископаемых). В 1912–1914 годах преподавал в Симферопольском техникуме на курсах рабочих-десятников. В феврале 1919 года по предложению академика Н. И. Андрусова П. А. Двойченко был избран приват-доцентом Таврического университета, где читал курсы кристаллографии и минералогии на физико-математическом, агрономическом и медицинском факультетах и заведовал Минералогическим кабинетом. С 1922 года − профессор Крымского университета по кафедре геологии. С 1905 года по приглашению Таврического губернского земства обследовал артезианские воды и колодцы в Перекопском и Евпаторийском уездах. В последние годы − в других районах. В 1913–1920 годах − заведующий Гидрологическим отделом Таврического губернского земства [57].

8 апреля 1906 года П. Н. Бекетов сообщал Константину Александровичу Иностранцеву: «Я нашел в Симферополе сущий клад. Это некто Двойченко − молодой геолог и натуралист, он кончает Горный институт и зимой делает модели всевозможных построек в Мраморном дворце (там есть такая мастерская). Летом он разъезжает по крымским степям для исследования артезианских колодцев. За прошлый год объездил 800 деревень (!). Крымские татары ему известны и близки с детства. Скромность и добросовестность этого молодого человека не имеет пределов. <…> Платно Двойченко не работает и сам предложил просто сделать несколько моделей» [58]. П. Н. Бекетов считал, что для экспозиции музея о крымских татарах нужны макеты горной сакли с двором и печкой, степной феодосийской сакли из камня, степной перекопской сакли из камыша, степной арбы и горной кашары [59].

В 1908 и 1909 годах сбором этнографических коллекций в Таврической губернии по заданию Русского музея занимался П. З. Рябков, который доставил в столицу собрания по рыболовству и предметы земледельческого обихода различных народов Крыма [60]. Собранный в течение 1903–1908 годов материал позволил открыть в музее интересную экспозицию, посвященную крымским татарам.



„Наука ~~в России~~" в пределах ССР" 471

емый Комиссией „~~Наука в России~~" при Российской Академии Наук,
под наблюдением акад. С. Ф. Ольденбурга.

ек: Петроград, Университетская наб., 1, КЕПС, телеф. 1-32-94.

„Ученые учреждения и высшие учебные заведения".

ДЛЯ ОТВЕТА:

Геологический кружок при Геологическом Кабинете Крым Университета

Симферополь Геологич. Кабинет

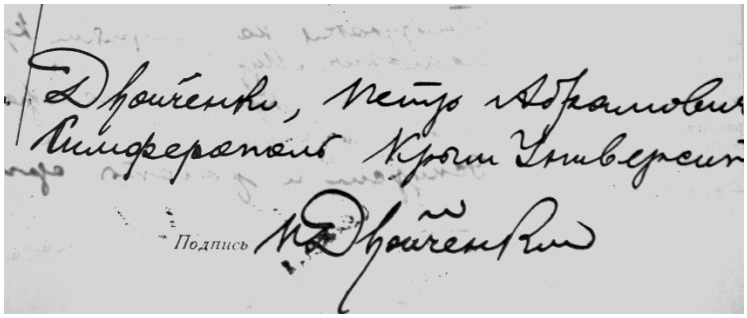
при Геологическом Кабинете

1918 год. Основан Акад. Н. И. Андрусовым

Детальное изучение Геологич. строения Крыма
Организация геологич. экспедиций и исследований
Пополнение Геологич. и Минералог. кабинетов Университета
местными сборами
Секций нет, а работы ведутся по следующим направлениям
а) Полевая и техник. геология б) Стратиграфия и палеонтология
в) Гидрогеология, г) Минералогия д) ~~Петрография~~

Председатель Проф. П. А. Двойченко, Секретари Б. А. Федорович и Н. М. Прокопенко
Членов 34. Руководители: Профессора смирнов, доцент Шин.
Все члены Студенты Крым Университета

Анкета Петра Абрамовича Двойченко.



Двойченко, Петро Абрамович
Симферополь Крым Университ

Подпись П. Двойченко

Автограф Петра Абрамовича Двойченко.

Николай Николаевич Бекетов (в центре) с детьми. Сидят слева направо: Николай, Екатерина, Петр, Алексей, позади стоит Владимир.

В 1909 году на Этнографической выставке в Музее экспонировались крымскотатарские костюмы, промышленная утварь, предметы домашнего обихода, украшения. Отдельно были представлены коллекция старинных ковров из Крыма, мастерские крымскотатарского оружейника и ювелира [61].

В 1912 году по поручению Музея этнографические исследования в Бахчисарае проводил архитектор Сергей Семенович Некрасов. Интересную информацию о ходе сбора им материалов для музея предоставляют его письма [62] к исполняющему обязанности заведующего Этнографическим отделом Русского музея Александру Александровичу Миллеру. С. С. Некрасов сокрушался, что из-за подозрительности крымских татар «нет никакой возможности попасть в татарские дома, приходится покупать из вторых рук, хотя не могу пожаловаться на высокую цену» [63].

10 июля 1912 года С. С. Некрасов сообщал А. А. Миллеру о сделанных закупках. Наиболее интересным экспонатом оказалось «железное копье-дротик с золотой насечкой» [64]. А. А. Миллер давал архитектору четкие указания: сфотографировать дверь в Мамут-Султане, в имении князя Долгорукова под лестницей парадного входа, провести переговоры о покупке этих дверей [65]. 24 августа С. С. Некрасов сообщал в столицу, что удалось найти «много ценного и интересного, к сожалению, не имел возможности приобретать их на наличные средства [66] .

Сбор коллекции был продолжен Сергеем Семеновичем Некрасовым в 1913 году. 1 июля он писал А. А. Миллеру: «Главным образом меня заинтересовали резные и расписные потолки. Если бы иметь рублей 300, можно было бы купить пару целых потолков, а то и всю отделку комнаты» [67]. К письму прилагались фотографии потолков. Архитектор сетовал: «<…> ни слова по-татарски не знаю, хоть бы словарь был» – и просил коллег прислать ему из столицы словарик [68]. 14 августа 1913 года С. С. Некрасов выслал в музей фото сундука и трех ручных зеркал [69]. В течение 1912–1913 годов С. С. Некрасов для музея и сделал зарисовки и фотографии многих уникальных архитектурных крымскотатарских памятников, купил татарские резные и расписные подвесные потолки [70], ручные зеркала в деревянной оправе, женские пояса, отдельные предметы мебели, медную и серебряную утварь [71].

В начале июля 1912 года специальную поездку с целью изучения крымскотатарских жилищ совершил по заданию музея М. Н. Дубровский. Итогом ее стало подробное описание крымскотатарских построек [72], сделанное в сравнении с его предыдущими наблюдениями 1908 года. Этнограф считал, что развитие курортов мешает сохранению этнической самобытности. Представляет бесспорный научный интерес и еще одна статья М. Н. Дубровского, выявленная нами в Научном архиве Российского этнографического музея: «Описание татарского дома в деревне Ай-Серез Феодосийского уезда Таврической губернии» (закончена 13 октября 1912 г.) [73]. Исследования М. Н. Дубровского до сих пор являются важнейшими и востребованными по данному вопросу.

В 1913 году по маршруту Симферополь – Евпатория – Бахчисарай – Фот-Сала с целью сбора этнографического материала проехал Александр Александрович Миллер. Для музея им были приобретены многочисленные фрагменты национальных костюмов, сделаны описания жилищ крымских татар. По данным предоставленного им в Музей отчета в израсходовании аванса в 1000 рублей, он собирал вещи караимов, крымских татар, цыган: предметы одежды (женское платье, жилетка мужская), украшения (броши), предметы быта (курительные трубки) [74].

Значимую в научном плане экспедицию в Крым летом 1916 года по заданию Русского музея совершил Александр Николаевич Самойлович (1880–1938). Его разносторонняя крымоведческая научная и организационная деятельность – предмет отдельного исследования [75].

Коллекция предметов, связанных с культурой и бытом народов Крыма, пополнялась и путем частных пожертвований. Так, 14 мая 1908 года от киевлянки Любови Афанасьевой поступила коллекция одежды: куртка крымского татарина, детский туркменский костюмчик (халат, шапка, тюбетейка, туфли, сандалии) [76]. Зафиксированы поступления от В. П. Шнейдера (двадцать один предмет вышивки и узорного тканья в 1908-м и серебряная подставка для кофейной чаши в 1909 г., купленные в Бахчисарае и на Южном берегу Крыма), С. М. Коровина (шерстяной шарф, украшенный узорным тканьем − 1910 г.), Е. К. Ватель (кисеты, платки, полотенца, предметы одежды, молитвенный коврик − 1912 г., собраны в районах Бахчисарая и Карасубазара), Д. С. Демишова (женские деревянные калоши, инкрустированные перламутром и металлом из Бахчисарая, 1914 г.), А. Бакшимова

(образцы вышивок и украшения для одежды и на стенку, занавески, столик, сосуды для плова, блюда, приобретенные в Керчи и Бахчисарае с уездами) [77].

Кроме сборов этнографических коллекций важной формой исследований народов Крыма, проводимых Русским музеем имени императора Александра III, являлись анкетные опросы. Так, в 1913 году музей провел анкетирование крымчаков, проживавших в Крыму [78]. Анкета включала более сорока вопросов о социальном происхождении, семейном положении, образовании, семейном бюджете: «нет ли в доме каких-то старых крымчакских вещей, если есть, то что именно; есть ли в доме крымчакские рукописи, какие именно; какие предания в вашей семье известны о происхождении крымчаков» [79]. Изучение данных материалов, до настоящего времени не введенных в научный оборот, позволит значительно расширить представление о быте и культуре крымчаков.

Экспедиции Русского музея императора Александра III по изучению этнографии народов Крыма, другие виды этнографических исследований, проведенные этим научным учреждением, сыграли значимую роль в развитии различных направлений крымоведения. Их результаты нашли отражение в научных материалах, издаваемых Русским музеем [80], способствовали сохранению для потомков уникальных этнографических памятников, созданию крупнейшей за пределами полуострова экспозиции, посвященной этнографии народов Крыма.

Бесспорным лидером в области научных этнографических разработок крымских народов в конце XIX начале XX века стал и Лазаревский институт восточных языков, открытый в Москве в 1814 году согласно завещанию, оставленного Иваном Лазаревичем Лазаревым. Довольно скоро обычное учебное заведение преобразовалось в ведущий центр по изучению языка, истории и культуры Востока. Реорганизации учебный процесс подвергся в начале 70-х годов XIX века. По новому уставу (1872 года) Лазаревский институт состоял из гимназии и высших специальных классов: один приготовительный, семь гимназических и три специальных класса. В последних при шести профессорах, одном доценте и двух преподавателях действовали е кафедры: армянскойя словесности, арабской словесности, персидской словесности, турецко-татарского языка, история Востока, русской словесности, грузинского языка, практики персидского и турецкого языков, восточной каллиграфии. По программе и организации учебного процесса, по правам, предоставляемым их выпускникам по окончании, специальные классы Института соответствовали высшему учебному заведению [81].

Агафангел Ефимович Крымский.

Сыграв выдающуюся роль в истории востоковедения, Лазаревский институт

восточных языков стал и центром крымской ориенталистики − экспедиционных и теоретических исследований в области истории, этнографии, интерпретации источников по истории крымских армян, татар, караимов. В стенах этого прославленного заведения обучались, а позже преподавали, определяли направления научных исследований выдающиеся ориенталисты Владимир Александрович Гордлевский, Агафангел Ефимович Крымский, Христофор Иванович Кучук-Иоаннесов и другие деятели крымоведения первой трети XX века. Здесь же обучались деятель, которые вскоре стали выдающимися учеными-крымоведами, в частности создатель Восточного музея в Ялте – Якуб Меметович Якуб-Кемаль.

Владимир Александрович Гордлевский.

Исследования этнографии народов Крыма – неотъемлемая составляющая научной деятельности выдающегося российского и советского тюрколога Владимира Александровича Гордлевского (1876–1956). До последнего времени этот аспект отсутствовал в обзорах творчества академика, подготовленных к его юбилеям и после смерти. Насильственная депортация крымскотатарского народа 1944 года автоматически наложила вето на упоминание сочинений востоковеда, связанных с этнографическим изучением полуострова в первой трети XX века [82].

В начале XX века В. А. Гордлевский плодотворно работал как языковед и фольклорист. Тюркские народные сказки, легенды, песни, пословицы, загадки были для него первостепенным объектом исследования. В подготовленных в 1946 и 1979 годах библиографических списках его работ учтены не все его сочинения, посвященные изучению крымских татар [83]. Их удалось восстановить благодаря изучению составленной А. Е. Крымским еще в досоветское время библиографии исследований В. А. Гордлевского, сохранившейся в рукописном виде [84].

В. А. Гордлевский родился в Свеаборге. Образование получил в Гельсингфорской гимназии, а затем на Историко-филологическом факультете Московского университета и Лазаревском институте восточных языков [85]. В 1904 году молодой ученый совершил первую поездку в Крым и Турцию для практического знакомства с турецкими наречиями. С этого времени в его творчестве прослеживается неослабевающий интерес к фольклору турок и крымских татар. С 1907 года В. А. Гордлевский вступил в авторитетную корпорацию преподавателей Лазаревского института восточных языков. В 1911 году он сдал магистерский экзамен, а в 1916-м получил звание экстраординарного профессора [86].

В первой из крымоведческих публикаций ученого – «Из истории османской пословицы и поговорки» – предложен разбор пестрой вереницы турецких и крымскотатарских пословиц, особенностей фольклора тюркских народов полуострова [87]. Вскоре молодой турколог подготовил и опубликовал на страницах «Живой старины» «Указатель литературы османской сказки», куда была включена развернутая библиография и о крымскотатарских фольклорных памятниках [88]. Ряд его статей содержит критический разбор крымоведческих изданий этнографической тематики. Так, анализируя 50-й выпуск «Известий Таврической ученой архивной комиссии», В. А. Гордлевский отметил, что «выдвигается на очередь и этнографическое исследование Крымского полуострова». Характеризуя деятельность в этом направлении своего ученика А. Н. Морисова, который по программе, составленной В. А. Гордлевским, собирал материал по народной словесности крымских татар [89], и коллеги А. Н. Самойловича, историк продемонстрировал и хорошее знание итогов разработок в области изучения народной словесности крымских татар [90]. Рецензия является интересным источником о роли А. Н. Самойловича в организации лингвистического и этнографического изучения крымскотатарского этноса в 1912–1914 годах.

Доскональному анализу подверг В. А. Гордлевский «Легенды Крыма», собранные местным Никандром Александровичем Марксом. Подвижник краеведения Никандр Александрович Маркс (1851–1921) − генерал, археограф, этнограф-собиратель – родился в семье зажиточного феодосийца Александра Карловича Маркса. Его детские годы прошли в Отузах. Получив военное образование сначала в Воронежской Михайловской гимназии, после − в Санкт-Петербургском Александровском училище, он начал службу в чине унтер-офицера и прошел путь до генерал-лейтенанта. Под влиянием литературных веяний Н. А. Маркс оставил службу и поступил в столичный Археологический институт, который окончил в 1910 году в 49-летнем возрасте с золотой медалью со званием ученого археолога. На страницах периодической печати и в виде трех сборников он опубликовал многочисленные крымскотатарские легенды [91]. В. А. Гордлевский отметил их стилизованность («отбирая между вариантами наиболее интересные»), слабость ориенталистических примечаний, неверная передача транскрипции мусульманских имен («перевраны»), что характеризовало непонимание составителем «духа» турецкого языка («иногда просто вздор, основанный на смешении языков»), и вместе с тем – определенная роль издания в развитии изучения народной словесности крымских татар [92]. Серьезным исследованием крымскотатарского фольклора являются сделанные В. А. Гордлевским «Замечания на «Пословицы крымских татар, изданные П. А. Фалёвым» [93]. В статье характеризуется исследование Али Абдурефиевича Боданинского, дается оценка творчества одного из ведущих этнографов Крыма того периода – П. А. Фалёва, предлагаются рекомендации по методике сбора фольклорного материала. В. А. Гордлевский отдельно остановился на умении находить подход к местному населению для получения фольклорных данных. «Замечания» В. А. Гордлевского имеют значение самостоятельного научного исследования. Работа сразу была высоко оценена специалистами [94].

До настоящего времени не утратили научной значимости и представляют несомненный научный интерес отложившиеся в личном архивном фонде В. А. Гордлевского неопубликованные рукописи ученого, посвященные изучению фольклора караимов и крымских татар в досоветское время. Они имеют вид черновых заметок и набросков к статьям [95]. Неопубликованное наследие ученого свидетельствует, что он на протяжении ряда лет занимался изучением народов в степном и горном Крыму. В связи с этим особенно ценным представляется сохранившийся черновой вариант его статьи «Обломки старых культур у южнобережных татар» [96], где представлен анализ быта и обычаев жителей южнобережных деревень Улу-Узень, Куру-Узень и Кучук-Узень. Уже в 1913 году европейскими коллегами В. А. Гордлевский справедливо назывался первым среди немногочисленных в то время этнографов-крымоведов [97].

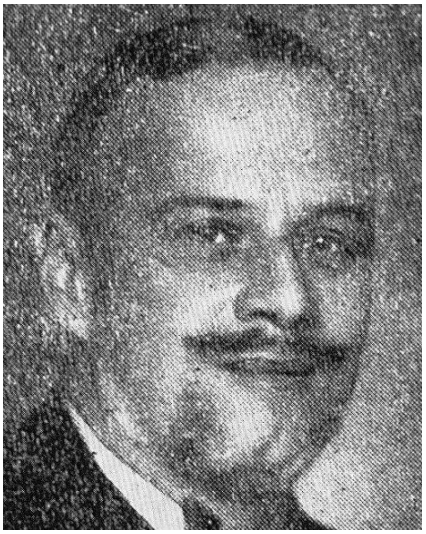
Результаты научных экспедиций В. А. Гордлевского, проведенных в 20-е годы XX века, большей частью не были опубликованы. Они также отложились в личном фонде ориенталиста в Архиве РАН. Среди архивных материалов научный интерес вызывают рукописи «Этнографические мелочи: в Крыму» (12 сентября 1925 г.) [98], «О крымской деревне Ускют» (1929 г.) и «Караимские эпические песни» (без даты). Из опубликованного наследия ученого ценность для восстановления истории крымоведения в этот период представляет статья «Рукописи Восточного музея г. Ялты» [99]. Она освещает историю коллекции крымскотатарских рукописей, деятельность местных подвижников крымоведения О. А. Акчокраклы, У. А. Боданинского, Я. М. Якуба-Кемаля по изучению этнографии крымских татар. Публикация является одним из немногих доступных источников, характеризующих это уникальное музейное собрание, которое затем попало в перечень репрессированных коллекций и было рассыпано среди других собраний крымских музеев. Неслучайно работа сразу же вызвала интерес в кругах европейских ориенталистов [100].

Собранные в Крыму этнографические наблюдения использованы В. А. Гордлевским в сравнительном исследовании «Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции» [101]. В 1936 году в издательстве «Academia» вышел подготовленный В. А. Гордлевским (перевод и комментарии) сборник анекдотов о Ходже Наср-эд-дине (Насреддине). Во вступительной статье тюрколог доказательно обосновал, что данный персонаж – герой не только турецкого фольклора (как было принято считать), но и во многом − крымскотатарского. Исторические сведения о Ходже Насреддине были впервые скрупулезно систематизированы и обобщены. Анекдотические версии даны в сравнении с «его крымским соперником» − Ахметом Ахаем [102]. В новом издании фольклора о Ходже Насреддине (1957 г.), вышедшем уже после кончины ученого, составители сохранили статью В. А. Гордлевского, изменив ее название и убрав фрагменты о крымскотатарском фольклоре [103].

Студенты специальных классов Лазаревского института восточных языков получали практические задания и выезжали в Крым для сбора материалов. В связи с этим знаменательна деятельность этнографа Крыма Алексея Акимовича Олесницкого (1888–1943), который со студенческих лет активно разрабатывал

вопросы этнической истории полуострова. До последнего времени его биография и творчество оставались неизвестными для крымоведов [104].

Восстановить жизненную канву этнографа стало возможным благодаря проведенным нами разысканиям в фонде «Лазаревский институт восточных языков», отложившемся в Центральном историческом архиве Москвы. Из «Личного дела воспитанника специальных классов Олесницкого Алексея Акимовича» стало известно, что он родился 29 сентября 1888 года в Киеве. С 1898 по 1906 год юноша обучался в Третьей киевской гимназии, которую закончил с Серебряной медалью. В 1906 году он поступил в Лазаревский институт восточных языков. После смерти отца семья Олесницких переехала из Киева в Алупку, что во многом объясняет интерес студента к дальнейшим этнографическим изысканиям и выбор места проведения полевых практик. Полный курс специальных классов института Алексей Акимович окончил в июне 1910 года, проявив успехи в арабской, персидской словесности, турецко-татарских языках и истории Востока [105].



Алексей Акимович Олесницкий.

В студенческие годы А. А. Олесницкий неоднократно участвовал в этнографических экспедициях института, а также проводил собственные полевые исследования. Так, в июне–августе 1908 года он был направлен в Турцию, где изучал фольклор и совершенствовал знания языка. Летом 1909 года, во время этнографической экспедиции в Крыму, А. А. Олесницкий собрал несколько десятков песен крымских татар. Совет специальных классов Лазаревского института на заседании 5 марта 1910 года после знакомства с докладом А. А. Олесницкого «Песни крымских турок», обобщавшим результаты данной этнографической экспедиции, принял решение опубликовать собранный студентом материал. Сохранился отзыв В. А. Гордлевского об этой работе, в котором ученый отметил, что впервые фольклорные памятники подобного типа обратили на себя внимание. Указав на высокий научный уровень проведенных работ, В. А. Гордлевский предложил наградить А. А. Олесницкого памятной медалью Лазаревского института восточных языков и выдать ему свидетельство об окончании курса Первого разряда [106]. А. А. Олесницкий взял на себя все издержи по изданию работы [107]. Структурно она была поделена на три части: транскриптированный текст, русский перевод и приложение, в котором помещались ноты. Песни были собраны этнографом только на Южном берегу Крыма, что в некоторой степени снижает лингвистическую и художественную ценность материала. Приток нетюркского населения в этот район в конце XIX – начале XX века способствовал размыванию сложившихся там во времена Крымского ханства фольклорных традиций. Ощущалось здесь и влияние

турков-османов, которые массово приезжали на Южный берег Крыма на заработки. Новаторское исследование юного тюрколога было положительно оценено как российскими, так и европейскими коллегами по цеху ориенталистов [108].

В 1909 году экспедиции Лазаревского института восточных языков по предварительным планам должны были охватить весь полуостров. Однако в Крыму ученые столкнулись с подозрительным отношением к своим поездкам со стороны местной администрации. Из-за отсутствия документа из Института, подтверждающего их научные функции, исследователям запретили посещать татарские кофейни и записывать беседы с местными жителями.

О судьбе этнографа после окончания института мы узнаем из его письма к А. Е. Крымскому от 10 июня 1910 года, выявленном в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского [109], а также из письма наставника А. А. Олесницкого – филолога-языковеда, этнографа-фольклориста Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913), адресованного Валентину Алексеевичу Жуковскому, от 2 июня 1910 года [110]. Из этих документов очевидно, что А. А. Олесницкий собирался продолжить образование в Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел. Всеволод Федорович Миллер рекомендовал его «как прекрасного молодого человека. Он выдающихся способностей, отличных нравственных качеств, трудолюбив и работоспособен» [111].

В 1913 году А. А. Олесницкий опубликовал два варианта крымскотатарской песни про убийство татарином православного священника, которая заинтересовала этнографа. Во вступлении он отметил, что нашел данный памятник устного народного творчества «в одно из моих частых странствий по Тавриде в поисках за материалом по крымскому народному фольклору» [112]. Один вариант текста был записан историком в окрестностях Феодосии, в селении Азбелек-Келечи, у семидесятилетнего татарина Софера Адиль-Гирея, а более правдивый, по мнению исследователя, вариант найден А. А. Олесницким в Санкт-Петербурге у Николая Александровича Султан Крым-Гирея [113]. Известно и источниковедческое исследование А. А. Олесницкого, посвященное крымской истории [114].

Крымоведческие изыскания молодого московского ученого имели весомое научное и культурно-познавательное значение. Принципиальным отличием этих исследований от наработок местных краеведов второй половины XIX − начала XX века (этнографов-собирателей) является строго научный подход к собранным материалам, наличие справочного аппарата, фундаментальная источниковая база, подведенная под выводы [115].

Конец XIX – начало XX века в истории этнографического крымоведения стал периодом активного взаимодействия ученых из крупных академических центров и местных краеведов в области историко-этнографического исследования региона. Результатом этого плодотворного взаимодополняющего сотрудничества стал бурный всплеск исследований, связанных с изучением прошлого, культуры, обычаев, фольклора народов Крыма. Деятельность на ниве крымоведения академика Н. С. Державина (1877–1953) – яркий пример продуктивности такого сотрудничества.

Николай Севастьянович Державин родился в болгарском селе Преслав, Бердянского уезда, Таврической губернии, в семье сельского учителя. В 1888–1896 годы он обучался в Симферопольской мужской гимназии, которую окончил с золотой медалью. Значительное влияние на выбор гимназистом будущей специальности оказал преподаватель словесности и истории Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) – организатор научного крымоведения. Неслучайно юноша выбрал для продолжения образования Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Со второго курса этого вуза он перевелся в Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, где обучался с 1879 по 1900 годы [116].

Находясь на третьем курсе Н. С. Державин подготовил первое научное исследование по этнографии болгар Таврической губернии «Очерки быта южно-русских болгар», которое опубликовано на страницах «Этнографического обозрения» [117]. В работе рассмотрены родинные и свадебные обычаи болгарских колоний, расположенных в Бердянском уезде Таврической губернии, приведены тексты и переводы поверий (без комментариев). Изложенный фольклорный материал был хорошо известен молодому исследователю по жизни родного села. Статья основывалась на личных наблюдениях автора, подвергшихся систематизации и строгой научной обработке. Оканчивая институт, Николай Севастьянович опубликовал этнографическую заметку «У болгар в Таврической губернии», где представил краткий очерк жизни, деятельности и условий развития болгарского народа как новой этнографической единицы юга империи [118].

Н. С. Державин в течение четырех лет работал преподавателем русского языка и литературы в Батумской гимназии. В 1903 году Академия наук командировала молодого этнографа в Турцию и Болгарию для работы в библиотеках и занятий этнографическими исследованиями. Тогда же он был избран членом-корреспондентом Русского археологического института в Константинополе [119]. С этого времени завязывается дружба Н. С. Державина с директором института, крымоведом-византинистом Ф. И. Успенским, в переписке с которым они постоянно дискутировали по различным вопросам исторического краеведения Крыма [120]. В 1904 году Николай Севастьянович переведен в Тифлис, где до 1907 года преподавал в Первой гимназии [121]. К этому периоду творчества относится несколько этнографических исследований ученого. Так, анализу звуковых особенностей говора болгарских колонистов Таврической губернии он посвятил специальную статью, опубликованную в издании Академии наук [122]. Первые этнографические исследования южного региона, ставшие визитной карточкой ученого, способствовавшие его принятию в 1909 году в действительные члены Таврической ученой архивной комиссии [123].

В 1907 году Н. С. Державин был прикомандирован к Санкт-Петербургскому университету для подготовки к профессорскому званию по кафедре славяноведения. Продолжая исследования болгарских колоний как в материковой части Таврической губернии, так и в Крыму, этнограф 7 марта 1907 года на заседании Таврической ученой архивной комиссии выступил с обстоятельным сообщением «Болгарские колонии Новороссийского края: Херсонская и

Таврическая губернии: материалы по этнографии России», которое опубликовано [124]. Предложенный этнографический материал собирался автором в течение нескольких лет в полевых условиях по программе Московского археологического общества. Наряду со своими наблюдениями Н. С. Державин обобщил данные, собранные другими авторами (К. П. Волчан, Ф. Ф. Гервалов, А. Ф. Музыченко). Этнограф привел по введении и полный список своих корреспондентов. Работа открывалась описанием Таврической и Херсонской губерний в топографическом, климатическом и этнографическом отношениях, историей болгарской колонизации Северного Причерноморья и Крыма. При этом были систематизированы обширные статистические данные по численности болгарского населения в регионе. Помещен список болгарских сел. Данный труд стал первым в историографии обобщающим исследованием истории и этнографии болгар России. Научное значение исследования было отмечено не только отечественными, но и европейскими этнографами [125].

В 1909–1910 годах ученый совершил поездку в Бессарабию и Болгарию для сбора этнографического материала. При этом он одним из первых применил для записей фонограф. С помощью фонозаписей исследователь доказал существование в Крыму болгарского говора с редкого для всей болгарской территории «сильно глухого» звука [126].

Итоги этнографических исследований Н. С. Державина в Таврической губернии стали темой для двух сообщений на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе: «Болгарские колонии Таврической и Херсонской губерний в культурно-этнографическом отношении» [127] и отчета о ходе этнографического изучения болгарских колоний в Новороссийском крае [128]. Обе работы, представляющие несомненный интерес, выявлены нами в «Трудах» съезда. Они не вошли в опубликованный указатель трудов Н. С. Державина [129]. В этих статьях исследователь впервые представил новые данные о болгарских поселениях в Феодосийском уезде. Они были собраны еще в 1904 году во время полевых изысканий по программе Московского археологического общества, которая имела целью составить представление о быте крымских болгар.

Исследования в материковых уездах Таврической губернии и в Крыму Н. С. Державин проводил летом 1911 и 1912 годов. До нас дошли достаточно обстоятельные отчеты о проведенных работах [130]. На основе этих материалов и архивных документов ученый подготовил в 1912 году популярный исторический очерк «для народного чтения» «О болгарах и болгарском переселении в Россию» [131]. С 1912 года Н. С. Державин работал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета.

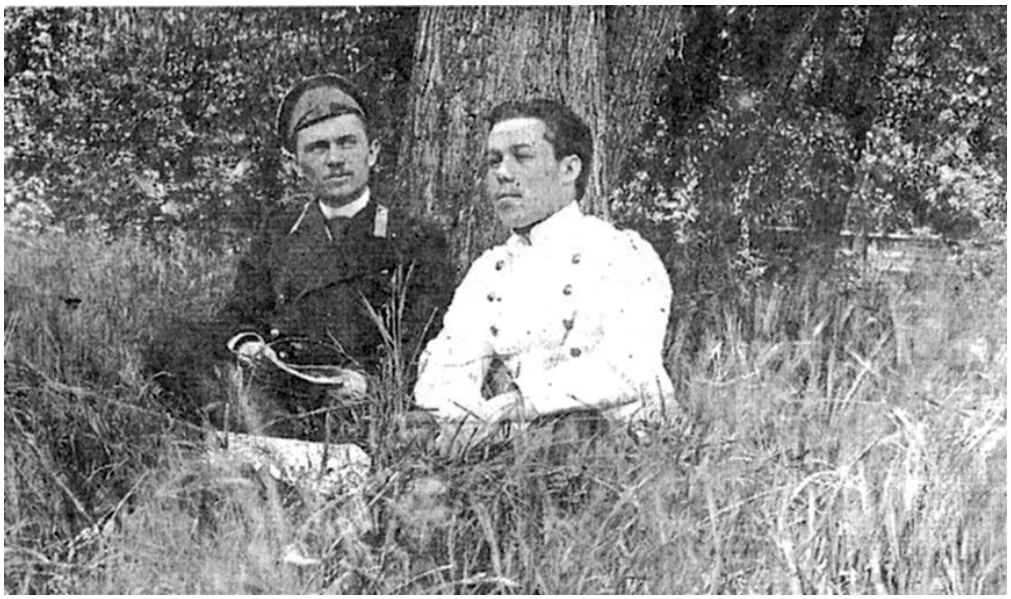
Целой вехой в изучении болгарских колоний Российской империи стал подготовленный Державиным двухтомный труд «Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)», опубликованный в 1914–1915 годах в Софии, который лег в основу его докторской диссертации. Работа была защищена в 1916 году на историко-филологическом факультете Петроградского университета. Она обобщала появившиеся ранее очерки по этнографии, статистике, лингвистике болгар России, а также содержала исследования народного фольклора

и материальной народописи. В последующие годы Н. С. Державин существенно переработал и дополнил этот труд, который предполагалось переиздать вновь. Эти планы не были осуществлены. Рукопись нового варианта работы «Болгары, этнографический очерк» сохранилась в личном архивном фонде ученого [132].

В 1917 году Державин избран профессором по кафедре славяноведения Санкт-Петербургского университета, а с мая 1922 по май 1925 года являлся ректором этого ведущего учебного заведения. С конца 1924 по 1 января 1929 года он работал вторым зам директора Российской Публичной библиотеки, затем до 1931 года – консультантом в библиотеке. Наряду с этим ученый продолжал заниматься разработкой истории болгарских колоний в Крыму. Не все исследования ученого этого периода были опубликованы. В связи с этим особый интерес представляют материалы его личного фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Среди неопубликованных рукописей для изучения истории и этнографии Крыма своим значением выделяется монументальная монография «Българите в Украйне», подготовленная на болгарском языке [133]. Ее написание датируется 1925–1926 годами. Сбор материала производился этнографом в 10-е годы XX века. В работе представлен очерк истории колонизации, описание этнографических особенностей быта и культуры болгар Крыма, их языка, хозяйства. Автор предполагал опубликовать монографию в Харькове, где с 1923 по 1937 годы находилось Государственное издательство национальных меньшинств и Болгарское центральное бюро. План не был реализован.

Исследования Н. С. Державина в области крымской болгаристики значительно развил Александр Федорович Музыченко (1875–1940). Он родился 8(21) августа 1875 года в селе Станиславово Херсонской губернии в семье директора Больше-Токмакского народного училища Федора Ивановича Музыченко. Среднее образование юноша получил в Бердянской гимназии, которую окончил с золотой медалью. В 1895 году Александр успешно сдал экзамен и был зачислен в Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Однако состояние здоровья не позволило ему обучаться в столице, и он исходатайствовал перевод в институт такого же профиля, который находился в лучших климатических условиях. Так судьба привела его в Нежин [134]. Там под руководством филолога-слависта Михаила Несторовича Сперанского (1863–1938) Александр Федорович начал заниматься вопросами истории и этнографии болгарских колоний в Крыму. После окончания третьего курса летом 1898 года во время каникул по заданию М. Н. Сперанского студент Александр Музыченко собирал и систематизировал фольклорные материалы болгарского населения села Кишлау Феодосийского уезда, чтобы «почерпнуть кое-что из богатой сокровищницы болгарских обычаев, обрядов, песен, пословиц, поговорок и других форм, в которые вылились народная жизнь и народный ум» [135]. Собранные фольклорные памятники были затем использованы для семинарских занятий по курсу славянской филологии. Итогом этой первой научной командировки стала публикация А. Ф. Музыченко в «Этнографическое обозрение», которое издавалось Этнографическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Опубликованные молодым этнографом материалы вызвали отклик

профессора словесности Харьковского университета Марина Степановича Дринова (1838–1906), который дал высокую оценку уровню проведенных исследований, отметив их актуальность для изучения юга страны [136]. Научное сотрудничество и дружба двух этнографов продолжались до смерти М. С. Дринова.



Александр Федорович Музыченко и Николай Севастьянович Державин – выпускники. 1900 г.

Во время второй экспедиции к крымским болгарам летом 1899 года А. Ф. Музыченко собирал сведения о свадебных обрядах и истории поселения села Кишлау [137]. После получения диплома с отличием об окончании Историко-филологического института князя Безбородко, «в чем выдан ему аттестат 7 июня 1900 г. № 1135» [138], А. Ф. Музыченко с рекомендательным письмом администрации этого вуза и личной рекомендацией профессора М. Н. Сперанского на имя попечителя Одесского учебного округа переехал в Одессу, где распоряжением министра народного просвещения был назначен на должность учителя русского языка и словесности 4-й Одесской гимназии с 18 июля 1900 года. А. Ф. Музыченко образцово выполнял свои обязанности. Ему неоднократно выражали благодарность от руководства гимназии, повышали по службе, а 27 ноября 1905 года педагог был награжден орденом Св. Станислава III степени [139].

В Одессе продолжались и исследования А. Ф. Музыченко в области этнографии болгар Крыма. 23 марта 1901 года на заседании Византийско-словянского отделения Историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете он сделал доклад «О болгарских переселенцах Крыма». На проходившем в 1902 году в Харькове XII Археологическом съезде А. Ф. Музыченко

выступил с докладом «Наблюдения над народным творчеством крымских болгар» [140]. Этнограф поставил цель проверить существующие в науке мнения о происхождении и развитии поэзии, о личном и коллективном творчестве и о заимствованиях путем наблюдения над современным народно-поэтическим творчеством южных славян-поселенцев Крыма. Толчок для таких исследований был дан еще на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 год), когда к такой работе приглашалась российская интеллигенция Крыма [141]. Автор проследил татарское, русское, греческое языковое влияние в языке крымских болгар на примере колонии Кишлав.

С годами менялись научные пристрастия этнографа. Он все более уходил в изучение вопросов теоретической педагогики. Но свои исследования по крымской этнографии он некоторое время еще продолжал публиковать. До сих пор малоизвестным для специалистов остается этнографическое исследование А. Ф. Музыченко «Рождение и первые годы детства у болгар» [142], разработанное на полевом материале из его крымских экспедиций. Отдельное исследование об истории болгарских колонистов в Крыму и фонетических особенностях говора крымских болгар А. Ф. Музыченко опубликовал в «Известиях Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» [143].

Еще один пример научного изучения крымской этнографии в начале XX века – труды семьи Харузиных. Выходцы из богатого купеческого сибирского рода братья Михаил, Николай, Алексей и их сестра Вера единодушно связали свою жизнь с этнографией.

Николай Николаевич Харузин (1865–1900) после окончания Четвертой московской гимназии в 1885 году он продолжил свое образование на юридическом факультете Московского университета, откуда перевелся в Юрьевский (Дерптский) университет. Уже в те годы он твердо решил стать этнографом. Вместе с братом Михаилом Николаевичем они составили программу для собирания сведений о юридических обычаях народов России [144]. По возвращении в Москву Николай Николаевич отказался от предложения остаться при Московском университете для приготовления к профессорскому званию по международному праву и полностью отдался работе в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, где был редактором «Сборника сведений для изучения быта крестьянского населения России» и самым деятельным сотрудником журнала «Этнографическое обозрение».

Алексей Николаевич Харузин.

Только в 1893 году Н. Н. Харузин сдал экзамены на филологическом факультете Юрьевского университета на степень кандидата

по этнографическо-географическим наукам. В России до начала XX века кафедры этнографии вообще отсутствовали, а сама эта наука «не была п редметом специального обучения» ни в одном из российский университетов [145]. Поступив на службу в архив Министерства юстиции, Н. Н. Харузин вскоре перешел в Исторический музей на должность сверхштатного хранителя коллекций. При содействии профессора Московского университета, председателя Этнографического отдела Общества Всеволода Федоровича Миллера он добился утверждения в должности приват-доцента по этнографии в Московском университете. В то время этот предмет еще не читался ни в одном университете страны. Одновременно с 1898 года Н. Н. Харузин читал этот курс в Лазаревском институте восточных языков [146]. Характеризуя научное наследие Н. Н. Харузина, этнограф Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) писал в 1936 году: «Курс общей этнографии Харузина, насыщенный фактическими материалами, остается до сих пор непревзойденным» [147]. Смерть этого неутомимого и плодовитого ученого в 34-летнем возрасте стала тяжелой утратой для этнографической наук [148].

Н. Н. Харузин активно занимался сбором этнографических данных и археологическими раскопками в Крыму. Его первая научная командировка на полуостров датируется 1886 годом, когда он окончил первый курс Московского университета. Экспедиция проводилась под руководством В. Ф. Миллера. Студент-юрист с увлечением занимался раскопками и сбором этнографического материала в Алуште, регистрировал находки, собирал в татарских деревнях сведения по обычному праву, записывал предания и сказки. По сведениям В. Ф. Миллера, свои материалы об этой экспедиции Н. Н. Харузин опубликовал в «Симферопольских ведомостях» [149]. Речь идет о «Таврических губернских ведомостях». Эта публикация, вместе с тем, не вошла в подготовленный В. Ф. Миллером «Библиографический перечень трудов Н. Н. Харузина» [150]. В «Севастопольском листке» нами выявлена статья «Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях», подписанная «М. Х.». Очевидно, братья участвовали в исследованиях В. Ф. Миллера вместе и Михаил Николаевич взял на себя описание хода раскопок [151]. Экспедиции Николая Николаевича Харузина в Крым повторялись в 1888, 1889 и 1894 годах [152]. Для крымоведения представляет интерес и обстоятельное исследование Н. Н. Харузина «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России» [153].

Всеволод Фёдорович Миллер.

Научной обработкой и публикацией собранных Н. Н. Харузиным материалов занимался его брат – Алексей Николаевич (1864–1932). По окончании Ревельской

губернской гимназии и Естественного отделения Физико-математического факультета Московского университета и получения степени магистра зоологии Дерптского университета он поступил на государственную службу. С 90-х годов XIX века он сменил ряд ответственных постов − чиновник для особых поручений при губернаторе Эстляндии, с 1902 года − управляющий канцелярией Виленского генерал-губернатора, губернатор Бессарабии (с 1905 г.), директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (с 1909 г.), товарищ министра внутренних дел России А. А. Макарова (с 1911 г.), сенатор (с 1913 г.). За несколько лет до революционных событий 1917 года Алексей Николаевич подал в отставку в связи с несогласием с действиями министра Александра Александровича Макарова [154].

До того как А. Н. Харузин посвятил себя административной деятельности, он находил время для глубоко научных этнографических разработок. Осенью 1889 года 25-летнего Алексея Николаевича избрали секретарем Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. В 1890–1891 годах он редактировал «Дневник Антропологического отдела» Общества [155]. Здесь он поместил серию своих исследований, написанных на основе экспедиционного материала в течение 1885–1890 годов.

Основной массив крымоведческих публикаций А. Н. Харузина был посвящен изучению крымских татар. В статье «Заметка о татарах Южного берега Крыма» он привел их внешнее описание, таблицы физических и антропологических данных: рост, форма головы и другие сведения [156]. В отдельном сообщении этнограф остановился на обосновании закономерностей роста татар прибрежной полосы [157]. Собранные за несколько лет морфологические данные были опубликованы А. Н. Харузиным в статье «Татары Гурзуфа», где он вслед за Густавом Ивановичем Радде (1831–1903) применил трехчленную классификацию татар: степные, горные и южнобережные – и попытался проследить процессы ассимиляции, связанные с миграциями населения в Крыму [158]. Итогам археологических разысканий А. Н. и Н. Н. Харузиных в Крыму летом 1889 года посвящена статья «Древние могилы Гурзуфа и Гугуша» [159]. Раскопки были произведены в Гурзуфе. Антропологи исследовали древние захоронения в имениях П. И. Губонина и И. И. Фундуклея. По обнаруженным останкам была предпринята попытка воссоздать этническую историю этих мест. Работа вызвала интерес ученых различных отраслей знания [160]. Значение исследований, проведенных Алексеем Николаевичем на поприще антропологии, было очевидно уже его современникам.

Вопросы этнографического изучения народов Крымского полуострова на протяжении XIX – первой трети XX столетия активно разрабатывались исследователями, которые как самостоятельно, так и действуя по программам, очерченным различными учеными учреждениями, занимались сбором и анализом различной этнографической информации. Итогом стараний крымоведов различного ученого уровня в досоветский период стала подготовка не только обобщающих популярных этнографических обзоров народов полуострова, но и отдельные наработки по доскональному изучению фольклора, фонетики, особенностей говора,

одежды, жилища. Производилась и значительная фотофиксация антропологических особенностей людей различных народностей, одежды, бытовых предметов, жилища. Были собраны и экспонировались в центральных музеях содержательные этнографические коллекции о крымских татарах, караимах, цыганах. Только часть этого богатого наследия, отложившегося сегодня в фондах музеев и личных архивах ученых, введена в научный оборот и используется.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2019.– Т. 5(71), № 2.– С. 21–55.

Nepomnyashchij A. A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: osnovnye vekhi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina HKH veka) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2019.– T. 5(71), № 2.– S. 21–55.

2. Непомнящий А. А., Севастьянов А. В. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза.– 2017.– № 1.– С. 146–150.

Nepomnyashchij A. A., Sevast'yanov A. V. Mozhet li istoriya opravdyvat' politicheskuyu kontseptsiyu? // Istoricheskaya ekspertiza.– 2017.– № 1.– S. 146–150.

3. Михайлов В. В. «Ученый-историк» А. В. Ишин и его «вклад» в российское крымоведение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки.– 2016.– № 5.– С. 134–138.

Mihajlov V. V. «Uchenyj-istorik» A. V. Ishin i ego «vklad» v rossijskoe krymovedenie // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.– 2016.– № 5.– S. 134–138.

4. Непомнящий А. А. Историография крымоведения, которой нет // Крымское историческое обозрение.– 2014.– № 2.– С. 282–292.

Nepomnyashchij A. A. Istoriografiya krymovedeniya, kotoroj net // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2014.– № 2.– S. 282–292.

5. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (далее – ИРЛИ), ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 6.

Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN (dalee – IRLI), f. 265, op. 2, d. 1264, l. 6.

6. Там же, л. 7.

Tam zhe, l. 7.

7. Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 г.– СПб., [Б. г.].− Ч. 2.− Стб. 307; То же ... на 1863–1864 г.– СПб., [Б. г.].− Ч. 2.− Стб. 323–324; То же ... на 1864–1865 г.– СПб., [Б. г.].– Стб. 303.

Adres-kalendar': obshchaya rospis' nachal'stvuyushchih i prochih dolzhnostnyh lits po vsem upravleniyam v Imperii i po glavnym upravleniyam v TSarstve Pol'skom i v Velikom knyazhestve Finlyandskom na 1861–1862 g.– SPb., [B. g.].− CH. 2.− Stb. 307; To zhe ... na 1863–1864 g.– SPb., [B. g.].− CH. 2.− Stb. 323–324; To zhe ... na 1864–1865 g.– SPb., [B. g.].– Stb. 303.

8. ИРЛИ, ф. 583, оп. 1, д. 786, л. 1.

IRLI, f. 583, op. 1, d. 786, l. 1.

9. Кондараки В. Х. Феодосия, 12 июня // Санкт-Петербургские ведомости.–1857.– 3 июля.

Kondaraki V. H. Feodosiya, 12 iyunya // Sankt-Peterburgskie vedomosti.–1857.– 3 iyulya.

10. Крымтаев С. Отзыв крымского мурзы на статью г-на Кондараки о татарах, помещенную в Санкт-Петербургских ведомостях 3 июля 1857 г. // Северная пчела.− 1857.− 23 окт.

Krymtaev S. Otzyv krymskogo murzy na stat'yu g-na Kondaraki o tatarah, pomeshchennuyu v Sankt-Peterburgskih vedomostyah 3 iyulya 1857 g. // Severnaya pchela.− 1857.− 23 okt.

11. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 6.

IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 6.

12. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– С. 296–304.

Nepomnyashchij A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (konets XVIII – nachalo HKH veka).– Simferopol': Dolya, 2001.– S. 296–304.

13. Кондараки В. Х. Ялта // Николаевский вестник.– 1865.– 26 авг.; Кондараки В. Х. Замечательные окрестности Ялты // Там же.–1865.– 4, 15 нояб.; Кондараки В. Х. Древние памятники в Алупке // Одесский вестник.– 1865.– 3 июля; Кондараки В. Х. Свадебные обряды у татар // Полицейский листок Керчь-Еникольского градоначальства.– 1865.– 17 окт.

Kondaraki V. H. Yalta // Nikolaevskij vestnik.– 1865.– 26 avg.; Kondaraki V. H. Zamechatel'nye okrestnosti Yalty // Tam zhe.–1865.– 4, 15 noyab.; Kondaraki V. H. Drevnie pamyatniki v Alupke // Odesskij vestnik.– 1865.– 3 iyulya; Kondaraki V. H. Svadebnye obryady u tatar // Politsejskij listok Kerch'-Enikol'skogo gradonachal'stva.– 1865.– 17 okt.

14. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 11.

IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 11.

15. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. 26, оп. 1, д. 25210, л. 1–3.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. 26, op. 1, d. 25210, l. 1–3.

16. Асанов Ш. А., Гаркавец А. Н., Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь.– Киев: Радянська школа, 1988.– С. 9.

Asanov SH. A., Garkavets A. N., Useinov S. M. Krymskotatarsko-russkij slovar'.– Kiev: Radyans'ka shkola, 1988.– S. 9.

17. Гос. архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 22, оп. 1, д. 1, л. 1–3.

Gos. arhiv Odesskoj oblasti (dalee – GAOO), f. 22, op. 1, d. 1, l. 1–3.

18. Боровский М. П. Исторический очерк пятидесятилетней деятельности императорского Общества сельского хозяйства Южной России с 1828 по 1878 год.− Одесса, 1878.− 275, 76 с.

Borovskij M. P. Istoricheskij ocherk pyatidesyatiletnej deyatel'nosti imperatorskogo Obshchestva sel'skogo hozyajstva YUzhnoj Rossii s 1828 po 1878 god.− Odessa, 1878.− 275, 76 s.

19. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 19, л. 124.

GAOO, f. 93, op. 1, d. 19, l. 124.

20. Там же, л. 127.

Tam zhe, l. 127.

21. Там же, д. 87, л. 137.

Tam zhe, d. 87, l. 137.

22. Там же, д. 4, л. 44.

Tam zhe, d. 4, l. 44.

23. Архив Русского географического общества, разряд 39, оп. 1, д. 10, л. 19.

Arhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva, razryad 39, op. 1, d. 10, l. 19.

24. Там же, л. 19–20.

Tam zhe, l. 19–20.

25. [Редакционная заметка о готовящемся к изданию «Универсальном описании Крыма»] // Новороссийские ведомости.– Одесса, 1870.– 27 марта.

[Redaktsionnaya zametka o gotovyashchemsya k izdaniyu «Universal'nom opisanii Kryma»] // Novorossijskie vedomosti.– Odessa, 1870.– 27 marta.

26. Вакуловский Н. Н. [Рецензия] // Санкт-Петербургские ведомости.– 1873.– 23 сент.− Рец. на кн.: Кондараки В. Х. Универсальное описания Крыма.– Николаев, 1873.– Ч. 1.

Vakulovskij N. N. [Retsenziya] // Sankt-Peterburgskie vedomosti.– 1873.– 23 sent.− Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Universal'noe opisaniya Kryma.– Nikolaev, 1873.– CH. 1.

27. Непомнящий А. А. Крымская краеведческая библиография: важные вехи // Библиография.– 2001.– № 4.– С. 75–80.

Nepomnyashchij A. A. Krymskaya kraevedcheskaya bibliografiya: vazhnye vekhi // Bibliografiya.– 2001.– № 4.– S. 75–80.

28. [Вакуловский Н. Н.] [Рецензия] // Новости.– 1877.– 26 февр.– Рец. на кн.: Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма: в 4-х т.– СПб., 1875.

[Vakulovskij N. N.] [Retsenziya] // Novosti.– 1877.– 26 fevr.– Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Universal'noe opisanie Kryma: v 4-h t.– SPb., 1875.

29. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 18–19.
IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 18–19.
30. Кондараки В. Х. В память столетия Крыма: исторические картины Тавриды.– М., 1883.– С. 3–4.
Kondaraki V. H. V pamyat' stoletiya Kryma: istoricheskie kartiny Tavridy.– M., 1883.– S. 3–4.
31. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 120, оп. 1, д. 800, л. 1.
Rossijskaya natsional'naya biblioteka, otdel rukopisej, f. 120, op. 1, d. 800, l. 1.
32. Центральный исторический архив города Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 2889, л. 1.
Tsentral'nyj istoricheskij arhiv goroda Moskvy, f. 459, op. 2, d. 2889, l. 1.
33. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1264, л. 16.
IRLI, f. 265, op. 2, d. 1264, l. 16.
34. Извлечение от статутите на царските болгарски ордени и правильник за наградяване с тех.– София, 1924.– С. 11; Борисов В. А. О некоторых вопросах истории наградной системы Болгарии, 1879–1944 // Геральдика: материалы и исследования: сб. науч. тр. / Гос. Эрмитаж.– Л., 1983.– С. 27–46; Frost Z. Y. Die Ritter-und Verdienst-Orden, Ehren Yeichen und Medaillen aller Souveräne und Staaten seit Beginn des XIX Jahrhundertg.– Wien; Leipzig, 1910.– S. 112.
Izvlechenie ot statutite na tsarskite bolgarski ordeni i pravil'nik za nagradyavane s tekh.– Sofiya, 1924.– S. 11; Borisov V. A. O nekotoryh voprosah istorii nagradnoj sistemy Bolgarii, 1879–1944 // Geral'dika: materialy i issledovaniya: sb. nauch. tr. / Gos. Ermitazh.– L., 1983.– S. 27–46; Frost Z. Y. Die Ritter-und Verdienst-Orden, Ehren Yeichen und Medaillen aller Souveräne und Staaten seit Beginn des XIX Jahrhundertg.– Wien; Leipzig, 1910.– S. 112.
35. Кондараки В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.− М., 1885.− III, 160, IV с.
Kondaraki V. H. Novyj obstoyatel'nyj putevoditel' po Krymu.− M., 1885.− III, 160, IV s.
36. Приезжий. Новый путеводитель по Крыму // Севастопольский справочный листок.− 1885.− 2 авг.; [Рецензия] // Новь.– 1885.– № 17, отд. «Мозаика».– С. 317.– Рец. на кн.: Кондараки В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.− М., 1885.− III, 160, IV с.; [Рецензия] // Крымский вестник.− 1888.− 30 марта.− Рец. на кн.: Кондараки В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.− М., 1885.− III, 160, IV с.
Priezzhij. Novyj putevoditel' po Krymu // Sevastopol'skij spravochnyj listok.− 1885.− 2 avg.; [Retsenziya] // Nov'.– 1885.– № 17, otd. «Mozaika».– S. 317.– Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Novyj obstoyatel'nyj putevoditel' po Krymu.− M., 1885.− III, 160, IV s.; [Retsenziya] // Krymskij vestnik.− 1888.− 30 marta.− Rets. na kn.: Kondaraki V. H. Novyj obstoyatel'nyj putevoditel' po Krymu.− M., 1885.− III, 160, IV s.
37. Коцюбинский С. Д. О сказках крымских татар // Сказки и легенды татар Крыма: фольклорный сборник № 1 / Алупкинский гос. дворец-музей; тексты записаны фольклорной бригадой Алупкинского музея под рук. Я. П. Бирзгала; подг. текста С. Д. Коцюбинский, Н. Л. Эрнст; вступ. ст. С. Д. Коцюбинский; предисл. Я. П. Бирзгал; прим. Н. Л. Эрнст.– Симферополь: госиздат Крымской АССР, 1936.– С. 27.
Kotsyubinskij S. D. O skazkah krymskih tatar // Skazki i legendy tatar Kryma: fol'klornyj sbornik № 1 / Alupkinskij gos. dvorets-muzej; teksty zapisany fol'klornoj brigadoj Alupkinskogo muzeya pod ruk. Ya. P. Birzgala; podg. teksta S. D. Kotsyubinskij, N. L. Ernst; vstup. st. S. D. Kotsyubinskij; predisl. Ya. P. Birzgal; prim. N. L. Ernst.– Simferopol': gosizdat Krymskoj ASSR, 1936.– S. 27.
38. Там же.− С. 30.
Tam zhe.− S. 30.
39. Коцюбинский С. [Д.] Оджа Насреддин и его место в крымском фольклоре // Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахае: фольклорный сборник № 2 / Алупкинский гос. дворец-музей; подг. текста и вступ. ст. С. Д. Коцюбинский; отв. ред. Я. П. Бирзгал.– Симферополь: госиздат Крым АССР, 1937.− С. 53.
Kotsyubinskij S. [D.] Odzha Nasreddin i ego mesto v krymskom fol'klore // Anekdoty o Hodzhe Nasreddine i Ahmet Ahae: fol'klornyj sbornik № 2 / Alupkinskij gos. dvorets-muzej; podg. teksta i vstup. st. S. D. Kotsyubinskij; otv. red. YA. P. Birzgal.– Simferopol': gosizdat Krym ASSR, 1937.− S. 53.
40. Там же.
Tam zhe.

41. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период / подг. А. Н. Кононов.− 2-е изд.: перераб.– М.: Наука, 1989.– С. 129-130.

Biobibliograficheskij slovar' otechestvennyh tyurkologov: dooktyabr'skij period / podg. A. N. Kononov.− 2-e izd.: pererab.– M.: Nauka, 1989.– S. 129-130.

42. Непомнящий А. А. Подвижник крымского краеведения: Василий Христофорович Кондараки // Историческое наследие Крыма.– 2003.– № 1.– С. 27–43.

Nepomnyashchij A. A. Podvizhnik krymskogo kraevedeniya: Vasilij Hristoforovich Kondaraki // Istoricheskoe nasledie Kryma.– 2003.– № 1.– S. 27–43.

43. Российский этнографический музей, научный архив (далее – РЭМ), ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 1–8.

Rossijskij etnograficheskij muzej, nauchnyj arhiv (dalee – REM), f. 1, op. 1, d. 6, l. 1–8.

44. Там же, л. 2 об.

Tam zhe, l. 2 ob.

45. Там же, л. 5 об.–7 об.

Tam zhe, l. 5 ob.–7 ob.

46. Там же, л. 10.

Tam zhe, l. 10.

47. Непомнящий А. А. Малоизвестные страницы деятельности Русского музея императора Александра III: крымоведение // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2016.– Т. 2(68), № 2.– С. 27–38.

Nepomnyashchij A. A. Maloizvestnye stranitsy deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III: krymovedenie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2016.– T. 2(68), № 2.– S. 27–38.

48. Смирнов И. Несколько слов по вопросу об организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III // Известия имп. Академии наук.– 1901.− Т. 15, № 2.− С. 225.

Smirnov I. Neskol'ko slov po voprosu ob organizatsii Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III // Izvestiya imp. Akademii nauk.– 1901.− T. 15, № 2.− S. 225.

49. Там же.− С. 235.

Tam zhe.− S. 235.

50. РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 44.

REM, f. 1, op. 1, d. 14, l. 44.

51. Там же, л. 32–33.

Tam zhe, l. 32–33.

52. Васильева Н. Е. Константин Александрович Иностранцев (1876–1941) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: докл. и сообщ., 1985: в 2-х ч.− М.: Наука, 1986.− Ч. 1.− С. 10–15.

Vasil'eva N. E. Konstantin Aleksandrovich Inostrantsev (1876–1941) // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka: HKH Godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR: dokl. i soobshch., 1985: v 2-h ch.− M.: Nauka, 1986.− CH. 1.− S. 10–15.

53. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1905 год.– СПб., [Б. г.].– С. 18–19.

Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1905 god.– SPb., [B. g.].– S. 18–19.

54. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1906 год.– СПб., [Б. г.].– С. 23.

Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1906 god.– SPb., [B. g.].– S. 23.

55. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 5.

REM, f. 1, op. 2, d. 30, l. 5.

56. Крымские татары: каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова.− Л., 1989.− С. 8.

Krymskie tatary: katalog kollektsij / Gos. muzej etnografii narodov SSSR; sost. E. G. Torchinskaya, E. B. Kochetova.− L., 1989.− S. 8.

57. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307, оп. 10, д. 342, л. 33–36; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 155, оп. 2, д. 212, л. 1–7.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii, f. A-2307, op. 10, d. 342, l. 33–36; Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN, f. 155, op. 2, d. 212, l. 1–7.

58. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 3–4.
REM, f. 1, op. 2, d. 30, l. 3–4.
59. Там же, л. 4.
Tam zhe, l. 4.
60. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1909 год.– СПб., [Б. г.].– С. 32.
Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1909 god.– SPb., [B. g.].– S. 32.
61. Этнографическая выставка музея Александра III // Этнографическое обозрение.– 1909.− № 4.− С. 157.
Etnograficheskaya vystavka muzeya Aleksandra III // Etnograficheskoe obozrenie.– 1909.− № 4.− S. 157.
62. РЭМ, ф.1, оп. 2, д. 430.
REM, f.1, op. 2, d. 430.
63. Там же, л. 15.
Tam zhe, l. 15.
64. Там же, л. 3.
Tam zhe, l. 3.
65. Там же, л. 10–11.
Tam zhe, l. 10–11.
66. Там же, л. 15.
Tam zhe, l. 15.
67. Там же, л. 27.
Tam zhe, l. 27.
68. Там же.
Tam zhe.
69. Там же, л. 30.
Tam zhe, l. 30.
70. Там же, л. 27.
Tam zhe, l. 27.
71. Крымские татары: каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова.− Л., 1989.− С. 6.
Krymskie tatary: katalog kollektsij / Gos. muzej etnografii narodov SSSR; sost. E. G. Torchinskaya, E. B. Kochetova.− L., 1989.− S. 6.
72. Дубровский М. Жилища крымских татар // По Крыму: сборник 1.– Симферополь, 1914.– С. 1–2; То же.– 2-е изд.– Симферополь, 1914.– 21 с.
Dubrovskij M. ZHilishcha krymskih tatar // Po Krymu: sbornik 1.– Simferopol', 1914.– S. 1–2; To zhe.– 2-e izd.– Simferopol', 1914.– 21 s.
73. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 243, л. 1–14.
REM, f. 1, op. 2, d. 243, l. 1–14.
74. Там же, д. 402, л. 70–75.
Tam zhe, d. 402, l. 70–75.
75. Непомнящий А. А. Крымоведение и крымоведы в судьбе академика А. Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.– Казань, 2016.– № 9.– С. 163–185.
Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie i krymovedy v sud'be akademika A. N. Samojlovicha // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya: nauchnyj ezhegodnik / In-t istorii im. SH. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan.– Kazan', 2016.– № 9.– S. 163–185.
76. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 22, л. 1.
REM, f. 1, op. 2, d. 22, l. 1.
77. Крымские татары: каталог коллекций…− С. 9.
Krymskie tatary: katalog kollektsij…− S. 9.
78. РЭМ, ф.1, оп. 2, д. 785–837.
REM, f.1, op. 2, d. 785–837.
79. Там же, оп. 1, д. 785, л. 5–6.
Tam zhe, op. 1, d. 785, l. 5–6.

80. Материалы по этнографии России: в 2-х т. / Этнографический отдел Русского музея императора Александра III; под ред. Ф. К. Волкова.– СПб., 1910–1914.

Materialy po etnografii Rossii: v 2-h t. / Etnograficheskij otdel Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III; pod red. F. K. Volkova.– SPb., 1910–1914.

81. Архив Российской академии наук (далее – АРАН), ф. 688, оп. 1, д. 75, л. 1–5; Исторический обзор Лазаревского института восточных языков, составленный по указанию и под руководством их превосходительств Ивана и Христофора Екимовичей Лазаревых.− М., 1914.− XXV, 57 с.

Arhiv Rossijskoj akademii nauk (dalee – ARAN), f. 688, op. 1, d. 75, l. 1–5; Istoricheskij obzor Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov, sostavlennyj po ukazaniyu i pod rukovodstvom ih prevoskhoditel'stv Ivana i Hristofora Ekimovichej Lazarevyh.− M., 1914.− XXV, 57 s.

82. Непомнящий А. А. Неизвестный Владимир Гордлевский: крымоведческие страницы деятельности // Крымское историческое обозрение.– 2017 № 1.– С. 43–56.

Nepomnyashchij A. A. Neizvestnyj Vladimir Gordlevskij: krymovedcheskie stranitsy deyatel'nosti // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2017 № 1.– S. 43–56.

83. Библиография печатных трудов члена-корреспондента АН СССР профессора В. А. Гордлевского: к 70-летию со дня рождения / Московский ин-т востоковедения.– Москва, 1946.– 52 с.; Базиянц А. П. Владимир Александрович Гордлевский.– М.: Наука, 1979.– 80 с.– (Серия: «Русские путешественники и востоковеды»).

Bibliografiya pechatnyh trudov chlena-korrespondenta AN SSSR professora V. A. Gordlevskogo: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya / Moskovskij in-t vostokovedeniya.– Moskva, 1946.– 52 s.; Baziyants A. P. Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij.– M.: Nauka, 1979.– 80 s.– (Seriya: «Russkie puteshestvenniki i vostokovedy»).

84. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины (далее – ИРНБУВ), ф. 1, оп. 1, д. 25531, л. 1–10.

Institut rukopisi Natsional'noj biblioteki Ukrainy imeni V. I. Vernadskogo NAN Ukrainy (dalee – IRNBUV), f. 1, op. 1, d. 25531, l. 1–10.

85. Бертельс Е. Э. Владимир Александрович Гордлевский // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст.– М.: Изд-во АН СССР, 1953.– С. 5.

Bertel's E. E. Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij // Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k ego semidesyatipyatiletiyu: sb. st.– M.: Izd-vo AN SSSR, 1953.– S. 5.

86. АРАН, ф. 688, оп. 2, д. 1, л. 1–9.

ARAN, f. 688, op. 2, d. 1, l. 1–9.

87. Гордлевский В. А. Из истории османской пословицы и поговорки // Живая старина.– 1909.– Вып. 2/3.– С. 106–124.

Gordlevskij V. A. Iz istorii osmanskoj poslovitsy i pogovorki // ZHivaya starina.– 1909.– Vyp. 2/3.– S. 106–124.

88. Гордлевский В. А. Указатель литературы османской сказки // Живая старина.− 1912.− Вып. 2/4.− С. 538–551. См. также: Михайлов М. С. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии // Вопросы языка и литературы стран Востока / Ин-т международных отношений; под ред. Ю. В. Рождественского.− М., 1958.− С. 275–320.

Gordlevskij V. A. Ukazatel' literatury osmanskoj skazki // ZHivaya starina.− 1912.− Vyp. 2/4.− S. 538–551. Sm. takzhe: Mihajlov M. S. Ob izuchenii turetskoj literatury v otechestvennoj tyurkologii // Voprosy yazyka i literatury stran Vostoka / In-t mezhdunarodnyh otnoshenij; pod red. YU. V. Rozhdestvenskogo.− M., 1958.− S. 275–320.

89. Базиянц А. П. Из истории тюркологии в Лазаревском институте // Краткие сообщения Института народов Азии.− М., 1961.− Т. 30.− С. 111.

Baziyants A. P. Iz istorii turkologii v Lazarevskom institute // Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii.− M., 1961.− T. 30.− S. 111.

90. [Гордлевский В. А.] [Рецензия] // Этнографическое обозрение.– 1914.– № 1/2.– С. 244.– Рец. на кн.: Известия Таврической ученой архивной комиссии.– 1913.– № 50.– 316 с.

[Gordlevskij V. A.] [Retsenziya] // Etnograficheskoe obozrenie.– 1914.– № 1/2.– S. 244.– Rets. na kn.: Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii.– 1913.– № 50.– 316 s.

91. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX − начале XX века.− Симферополь: Таврида, 1998.− С. 151–154.

Nepomnyashchij A. A. Ocherki razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryma v XIX − nachale HKH veka.− Simferopol': Tavrida, 1998.− S. 151–154.

92. Гордлевский В. А. [Рецензия] // Этнографическое обозрение.– Москва, 1915.– Вып. 3/4.– С. 119.– Рец. на кн.: Маркс Н. А. Легенды Крыма: в 3-х вып.– М., 1913.– Вып. 1.– 44 с.; 1914.– Вып. 2.– 63 с.

Gordlevskij V. A. [Retsenziya] // Etnograficheskoe obozrenie.– Moskva, 1915.– Vyp. 3/4.– S. 119.– Rets. na kn.: Marks N. A. Legendy Kryma: v 3-h vyp.– M., 1913.– Vyp. 1.– 44 s.; 1914.– Vyp. 2.– 63 s.

93. Гордлевский В. А. Замечания на «Пословицы крымских татар», изданные П. А. Фалевым, с прим. А. Н. Самойловича // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества.– 1921.– Т. 25: 1917–1920 годы.– С. 89–132.

Gordlevskij V. A. Zamechaniya na «Poslovitsy krymskih tatar», izdannye P. A. Falevym, s prim. A. N. Samojlovicha // Zapiski Vostochnogo otdeleniya imp. Russkogo arheologicheskogo obshchestva.– 1921.– T. 25: 1917–1920 gody.– S. 89–132.

94. Бороздин И. [Н.] [Рецензия] // Новый Восток.− 1922.− № 1.− С. 406–408.− Рец. на: Записки Восточного отделения Русского археологического общества.− 1921.− Т. 25, вып. 1/4.− 464 с. См. также рукописные замечания Н. К. Дмитриева о фольклорно-этнографических разработках В. А. Гордлевского: АРАН, ф. 1568, оп. 1, д. 39, л. 1–17.

Borozdin I. [N.] [Retsenziya] // Novyj Vostok.− 1922.− № 1.− S. 406–408.− Rets. na: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva.− 1921.− T. 25, vyp. 1/4.− 464 s. Sm. takzhe rukopisnye zamechaniya N. K. Dmitrieva o fol'klorno-etnograficheskih razrabotkah V. A. Gordlevskogo: ARAN, f. 1568, op. 1, d. 39, l. 1–17.

95. АРАН, ф. 688, оп. 2, д. 46, л. 1–2; д. 48, л. 1.

ARAN, f. 688, op. 2, d. 46, l. 1–2; d. 48, l. 1.

96. Там же, д. 90.

Tam zhe, d. 90.

97. Menzel T. Russishe Arbeiten über turkishe litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki // Der Islam.– Strasbourg; Berlin, 1913.– Bd. 4.– S. 123–136. См. также: Дмитриев Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии // Николай Константинович Дмитриев: к 100-летию со дня рождения / ред. колл. Г. Ф. Благова и др.− М.: Наука, 2001.− С. 166–177; Крачковский И. Ю. Владимир Александрович Гордлевский // Труды Московского института востоковедения.− М., 1947.− Сборник 4.− С. 3–6.

Menzel T. Russishe Arbeiten über turkishe litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki // Der Islam.– Strasbourg; Berlin, 1913.– Bd. 4.– S. 123–136. Sm. takzhe: Dmitriev N. K. Trudy russkih uchenyh v oblasti tyurkologii // Nikolaj Konstantinovich Dmitriev: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya / red. koll. G. F. Blagova i dr.− M.: Nauka, 2001.− S. 166–177; Krachkovskij I. Yu. Vladimir Aleksandrovich Gordlevskij // Trudy Moskovskogo instituta vostokovedeniya.− M., 1947.− Sbornik 4.− S. 3–6.

98. АРАН, ф. 688, оп. 1, д. 90, л. 23–31.

ARAN, f. 688, op. 1, d. 90, l. 23–31.

99. Гордлевский В. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219–224.

Gordlevskij V. Rukopisi Vostochnogo muzeya g. Yalty // Doklady Akademii nauk SSSR.– 1927.– № 10.– S. 219–224.

100. Deny J. [Рецензия] // Journal Asiatique.– Paris, 1930.– № 2.– P. 345.– Рец. на кн.: Fekete L. в т.ч. о ст.: Гордлевский В. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219–224.

Deny J. [Retsenziya] // Journal Asiatique.– Paris, 1930.– № 2.– R. 345.– Rets. na kn.: Fekete L. v t.ch. o st.: Gordlevskij V. Rukopisi Vostochnogo muzeya g. YAlty // Doklady Akademii nauk SSSR.– 1927.– № 10.– S. 219–224.

101. Гордлевский В. А. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции // Известия Академии наук СССР.− 1927.− № 10.– С. 1171–1194.

Gordlevskij V. A. Dervishi Ahi Evrana i tsekhi v Turtsii // Izvestiya Akademii nauk SSSR.− 1927.− № 10.– S. 1171–1194.

102. Гордлевский В. [А.] Ходжа Наср-эд-дин // Анекдоты о Ходже Наср-эд-дине / пер. с турецк., вступ. ст. и комм. В. А. Гордлевского.− М.; Л.: Academia, 1936.− С. IX–XXX.

Gordlevskij V. [A.] Hodzha Nasr-ed-din // Anekdoty o Hodzhe Nasr-ed-dine / per. s turetsk., vstup. st. i komm. V. A. Gordlevskogo.− M.; L.: Academia, 1936.− S. IX–XXX.

103. Гордлевский В. А. Ходжа Насреддин // Анекдоты о Ходже Насреддине / Пер. с тур. В. А. Гордлевского; предисл. И. Брагинского.− М.: Восточная литература, 1957.− С. 242–258.

Gordlevskij V. A. Hodzha Nasreddin // Anekdoty o Hodzhe Nasreddine / Per. s tur. V. A. Gordlevskogo; predisl. I. Braginskogo.− M.: Vostochnaya literatura, 1957.− S. 242–258.

104. Непомнящий А. А. Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения // Крымское историческое обозрение.– 2015.– № 1.– С. 30–57.

Nepomnyashchij A. A. Istochniki dlya vosstanovleniya istoriko-etnograficheskogo korpusa dovoennogo krymovedeniya // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2015.– № 1.– S. 30–57.

105. Центральный исторический архив города Москвы (далее – ЦИАМ), ф. 213, оп. 2, д. 1064, л. 19, 29.

Tsentral'nyj istoricheskij arhiv goroda Moskvy (dalee – TSIAM), f. 213, op. 2, d. 1064, l. 19, 29.

106. Там же, л. 11–12.

Tam zhe, l. 11–12.

107. Олесницкий А. А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка / под ред. и предисл. В. А. Гордлевского // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков.– М., 1910.– Вып. 32.– XII, 150, 10 с.

Olesnitskij A. A. Pesni krymskih turok: tekst, perevod i muzyka / pod red. i predisl. V. A. Gordlevskogo // Trudy po vostokovedeniyu, izdavaemye Lazarevskim institutom vostochnyh yazykov.– M., 1910.– Vyp. 32.– XII, 150, 10 s.

108. Самойлович А. Н. Песнь о крымских событиях // ИТУАК.− Симферополь, 1913.− № 50.− С. 81–98; Menzel T. Russische Arbeiten über turkische litteretur und Folkloristik (Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki) // Der Islam.− Strasbourg; Berlin, 1914.− Bd. 4.− S. 136–138; [Schrader F.] [Рецензия] // Osmanischen Lloyd.− [Istanbul].− 1910.− № 183.− Изд. под псевд.: F. S.− Рец. на кн.: Олесницкий А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка / под ред. и предисл. В. А. Гордлевского.− М., 1910.− XII, 151 с.

Samojlovich A. N. Pesn' o krymskih sobytiyah // ITUAK.− Simferopol', 1913.− № 50.− S. 81–98; Menzel T. Russische Arbeiten über turkische litteretur und Folkloristik (Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki) // Der Islam.− Strasbourg; Berlin, 1914.− Bd. 4.− S. 136–138; [Schrader F.] [Retsenziya] // Osmanischen Lloyd.− [Istanbul].− 1910.− № 183.− Izd. pod psevd.: F. S.− Rets. na kn.: Olesnitskij A. Pesni krymskih turok: tekst, perevod i muzyka / pod red. i predisl. V. A. Gordlevskogo.− M., 1910.− XII, 151 s.

109. ИРНБУВ, ф. 36, оп. 1, д. 409, л. 1–2.

IRNBUV, f. 36, op. 1, d. 409, l. 1–2.

110. ЦИАМ, ф. 213, оп. 2, д. 1064, л. 4.

TSIAM, f. 213, op. 2, d. 1064, l. 4.

111. Там же.

Tam zhe.

112. Олесницкий А. А. Материалы по изучению крымской народной поэзии.1) Песня о Сейд-Амете // Восточный сборник.– СПб., 1913.– Кн. 1.– С. 44.

Olesnitskij A. A. Materialy po izucheniyu krymskoj narodnoj poezii.1) Pesnya o Sejd-Amete // Vostochnyj sbornik.– SPb., 1913.– Kn. 1.– S. 44.

113. Там же.− С. 44–53.

Tam zhe.− S. 44–53.

114. Олесницкий А. А. О неисследованном старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года: из рукописного собрания А. Е. Крымского // Древности восточные: труды Восточной комиссии имп. Московского археологического общества.– Москва, 1913.– Т. 4.– С. 1–14.

Olesnitskij A. A. O neissledovannom starejshem spiske puteshestviya Antiohijskogo patriarha Makariya 1654 goda: iz rukopisnogo sobraniya A. E. Krymskogo // Drevnosti vostochnye: trudy Vostochnoj komissii imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva.– Moskva, 1913.– T. 4.– S. 1–14.

115. Непомнящий А. А. Забутий кримський етнограф О. Олесницький // Народна творчість та етнографія.– 2007.– № 2.– С. 47–48.

Nepomnyashchij A. A. Zabutij krims'kij etnograf O. Olesnits'kij // Narodna tvorchist' ta etnografiya.– 2007.– № 2.– S. 47–48.

116. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – СПФАРАН), ф. 827, оп. 2, д. 40, л. 3 об.–4.

Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj Akademii nauk (dalee – SPFARAN), f. 827, op. 2, d. 40, l.3 ob.–4.

117. Державин Н. С. Очерки быта южно-русских болгар. 1. Родинные и свадебные обычаи. 2. Поверья // Этнографическое обозрение.– 1898.– № 3.– С. 97–62; № 4.– С. 113–125.

Derzhavin N. S. Ocherki byta yuzhno-russkih bolgar. 1. Rodinnye i svadebnye obychai. 2. Pover'ya // Etnograficheskoe obozrenie.– 1898.– № 3.– S. 97–62; № 4.– S. 113–125.

118. Державин Н. У болгар в Таврической губернии: этнографическая заметка // Этнографическое обозрение.– 1900.– № 4.– С. 52–67.

Derzhavin N. U bolgar v Tavricheskoj gubernii: etnograficheskaya zametka // Etnograficheskoe obozrenie.– 1900.– № 4.– S. 52–67.

119. Голубева О. Д. Державин Николай Севастьянович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь: в 2-х т.– СПб.: Алетейя, 1999.– Т. 2: Российская Публичная библиотека в Ленинграде, 1918–1930.– С. 244.

Golubeva O. D. Derzhavin Nikolaj Sevast'yanovich // Sotrudniki Rossijskoj natsional'noj biblioteki – deyateli nauki i kul'tury: biograficheskij slovar': v 2-h t.– SPb.: Aletejya, 1999.– T. 2: Rossijskaya Publichnaya biblioteka v Leningrade, 1918–1930.– S. 244.

120. СПФАРАН, ф. 116, оп. 2, д. 103.

SPFARAN, f. 116, op. 2, d. 103.

121. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, 1901–1912: преподаватели и воспитанники.– Нежин, 1913.– 98 с.

Istoriko-filologicheskij institut knyazya Bezborodko v Nezhine, 1901–1912: prepodavateli i vospitanniki.– Nezhin, 1913.– 98 s.

122. Державин Н. С. Звуковые особенности говора болгар-переселенцев Бердянского уезда Таврической губернии // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.– 1902.– Т. 7, кн. 1.– С. 136–152.

Derzhavin N. S. Zvukovye osobennosti govora bolgar-pereselentsev Berdyanskogo uezda Tavricheskoj gubernii // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk.– 1902.– T. 7, kn. 1.– S. 136–152.

123. СПФАРАН, ф. 827, оп. 2, д. 3.

SPFARAN, f. 827, op. 2, d. 3.

124. Державин Н. Болгарские колонии Новороссийского края: Херсонская и Таврическая губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии.– 1908.– № 41.– С. 1–237.

Derzhavin N. Bolgarskie kolonii Novorossijskogo kraya: Hersonskaya i Tavricheskaya gubernii // Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii.– 1908.– № 41.– S. 1–237.

125. Niederle L. Puvod a pocatky slovanu jiznich. Slovanske starozitnosti. Dil. 2. Svazl. v Praze, 1906 // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.– 1908.– Т. 13, кн. 2.– С. 456–464.

Niederle L. Puvod a pocatky slovanu jiznich. Slovanske starozitnosti. Dil. 2. Svazl. v Praze, 1906 // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk.– 1908.– T. 13, kn. 2.– S. 456–464.

126. Берков П. Н. Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности [Н. С. Державина] // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 1: Николай Севастьянович Державин.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.– С. 11.

Berkov P. N. Kratkaya harakteristika nauchnoj, pedagogicheskoj i obshchestvennoj deyatel'nosti [N. S. Derzhavina] // Materialy k biobibliografii uchenyh SSSR. Seriya literatury i yazyka. Vyp. 1: Nikolaj Sevast'yanovich Derzhavin.– M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.– S. 11.

127. Державин Н. С. Болгарские колонии Таврической и Херсонской губерний в культурно-этнографическом отношении // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе, 1905.– М., 1908.– Т. 2.– С. 251–253.

Derzhavin N. S. Bolgarskie kolonii Tavricheskoj i Hersonskoj gubernij v kul'turno-etnograficheskom otnoshenii // Trudy trinadtsatogo Arheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave, 1905.– M., 1908.– T. 2.– S. 251–253.

128. Державин Н. С. Предварительный отчет об исследовании болгарских колоний в Новороссийском крае // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе. 1905.– М., 1908.– Т. 2.– С. 97–99.

Derzhavin N. S. Predvaritel'nyj otchet ob issledovanii bolgarskih kolonij v Novorossijskom krae // Trudy trinadtsatogo Arheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave. 1905.– M., 1908.– T. 2.– S. 97–99.

129. Асафьева Н. М. Библиография трудов [Н. С. Державина] // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. литературы и языка. Вып. 1: Николай Севастьянович Державин.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.– С. 25–70.

Asaf'eva N. M. Bibliografiya trudov [N. S. Derzhavina] // Materialy k biobibliografii uchenyh SSSR. Ser. literatury i yazyka. Vyp. 1: Nikolaj Sevast'yanovich Derzhavin.– M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.– S. 25–70.

130. Державин Н. С. Отчет о летней командировке в 1911 г. в Таврическую губернию для изучения болгарских говоров // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук на 1911 год.– СПб., 1911.– С. 24–32; Его же. Отчет о командировке в Херсонскую и Таврическую губернии летом 1912 г. // Там же… за 1912 год.– СПб., 1912.– С. 64–65.

Derzhavin N. S. Otchet o letnej komandirovke v 1911 g. v Tavricheskuyu guberniyu dlya izucheniya bolgarskih govorov // Otchet o deyatel'nosti Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoj Akademii nauk na 1911 god.– SPb., 1911.– S. 24–32; Ego zhe. Otchet o komandirovke v Hersonskuyu i Tavricheskuyu gubernii letom 1912 g. // Tam zhe… za 1912 god.– SPb., 1912.– S. 64–65.

131. Державин Н. С. О болгарах и болгарском переселении в Россию: краткий исторический очерк для народного чтения.– Бердянск; Кочеров, 1912.– 31 с.

Derzhavin N. S. O bolgarah i bolgarskom pereselenii v Rossiyu: kratkij istoricheskij ocherk dlya narodnogo chteniya.– Berdyansk; Kocherov, 1912.– 31 s.

132. СПФАРАН, ф. 827, оп. 1, д. 125.

SPFARAN, f. 827, op. 1, d. 125.

133. Там же, д. 580.

Tam zhe, d. 580.

134. Мартиненко Л. О. Ніжинський період у житті професора О. Ф. Музиченка // Наукові записки. Психолого-педагогічні науки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя.– Ніжин, 2000.– С. 171.

Martinenko L. O. Nizhins'kij period u zhitti profesora O. F. Muzichenka // Naukovi zapiski. Psihologo-pedagogichni nauki / Nizhins'kij derzh. ped. un-t im. Mikoli Gogolya.– Nizhin, 2000.– S. 171.

135. Музыченко А. Ф. Быт болгар-поселенцев Феодосийского уезда // Этнографическое обозрение.– 1899.– № 4.– С. 37.

Muzychenko A. F. Byt bolgar-poselentsev Feodosijskogo uezda // Etnograficheskoe obozrenie.– 1899.– № 4.– S. 37.

136. Дринов М. С. Этнографические наблюдения А. Ф. Музыченко над болгарскими колонистами Феодосийского уезда // Записки имп. Харьковского университета.– Харьков, 1902.– № 7.– С. 1–7.

Drinov M. S. Etnograficheskie nablyudeniya A. F. Muzychenko nad bolgarskimi kolonistami Feodosijskogo uezda // Zapiski imp. Har'kovskogo universiteta.– Har'kov, 1902.– № 7.– S. 1–7.

137. Непомнящий А. А. К истории этнографических исследований в Крыму: А. Ф. Музыченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. История.– 2003.– Т. 16(55), № 1.– С. 30–37.

Nepomnyashchij A. A. K istorii etnograficheskih issledovanij v Krymu: A. F. Muzychenko // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoriya.– 2003.– T. 16(55), № 1.– S. 30–37.

138. Отдел Гос. архива Черниговской области в городе Нежине (далее – ОГАЧОН), ф. 1105, оп. 1, д. 1482, л. 75 об.

Otdel Gos. arhiva CHernigovskoj oblasti v gorode Nezhine (dalee – OGACHON), f. 1105, op. 1, d. 1482, l. 75 ob.

139. Там же, л. 77 об.–78.

Tam zhe, l. 77 ob.–78.

140. Музыченко А. Ф. Наблюдения над народным творчеством крымских болгар // Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове, 1902.– Москва, 1905.– Т. 2.– С. 446–460; Т. 3.– С. 350–351.

Muzychenko A. F. Nablyudeniya nad narodnym tvorchestvom krymskih bolgar // Trudy dvenadtsatogo Arheologicheskogo s"ezda v Har'kove, 1902.– Moskva, 1905.– T. 2.– S. 446–460; T. 3.– S. 350–351.

141. Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования на всероссийских Археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2002.– Вып. 9.– С. 579–590.

Nepomnyashchij A. A. Krymovedcheskie issledovaniya na vserossijskih Arheologicheskih s"ezdah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy.– Simferopol', 2002.– Vyp. 9.– S. 579–590.

142. Музыченко А. Рождение и первые годы детства у болгар // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.– 1903.– № 3, декабрь.– С. 18–27; 1904.– № 4, январь.– С. 14–24.

Muzychenko A. Rozhdenie i pervye gody detstva u bolgar // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva.– 1903.– № 3, dekabr'.– S. 18–27; 1904.– № 4, yanvar'.– S. 14–24.

143. Музыченко А. Ф. История поселения и фонетические особенности говора крымских болгар: памяти профессора Марина Степановича Дринова // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.– 1907.– Т. 12, кн. 2.– С. 72–139.

Muzychenko A. F. Istoriya poseleniya i foneticheskie osobennosti govora krymskih bolgar: pamyati professora Marina Stepanovicha Drinova // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk.– 1907.– T. 12, kn. 2.– S. 72–139.

144. Сперанский М. Н. Н. Н. Харузин // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине.– 1900.– Т. 3.– С. 122.

Speranskij M. N. N. N. Haruzin // Sbornik Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Institute knyazya Bezborodko v Nezhine.– 1900.– T. 3.– S. 122.

145. Керимова М. М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // Этнографическое обозрение.– 2003.– № 4.− С. 92.

Kerimova M. M. Sem'ya etnografov Haruzinyh i ih epistolyarnoe nasledie // Etnograficheskoe obozrenie.– 2003.– № 4.− S. 92.

146. Анучин Д. Николай Николаевич Харузин: некролог // Землеведение.– 1900.– Кн. 1.– С. 108.

Anuchin D. Nikolaj Nikolaevich Haruzin: nekrolog // Zemlevedenie.– 1900.– Kn. 1.– S. 108.

147. СПФАРАН, ф. 849, оп. 1, д. 763, л. 1.

SPFARAN, f. 849, op. 1, d. 763, l. 1.

148. Довнар-Запольский М. В. † Н. Н. Харузин: некролог // Древности: труды Археографической комиссии имп. Московского археологического общества / Под ред. М. В. Довнар-Запольского.– М., 1900.– Т. 2, вып. 1.– Стб. 189; Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков, 1872–1902: памятная книжка, изданная на средства почетного попечителя Лазаревского института С. С. Абамемелек-Лазарева.– М., 1903.– С. 116.

Dovnar-Zapol'skij M. V. † N. N. Haruzin: nekrolog // Drevnosti: trudy Arheograficheskoj komissii imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva / Pod red. M. V. Dovnar-Zapol'skogo.– M., 1900.– T. 2, vyp. 1.– Stb. 189; Tridtsatiletie spetsial'nyh klassov Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov, 1872–1902: pamyatnaya knizhka, izdannaya na sredstva pochetnogo popechitelya Lazarevskogo instituta S. S. Abamemelek-Lazareva.– M., 1903.– S. 116.

149. Миллер В. [Ф.] Николай Николаевич Харузин // Этнографическое обозрение.– 1900.– № 2.– С. 3.

Miller V. [F.] Nikolaj Nikolaevich Haruzin // Etnograficheskoe obozrenie.– 1900.– № 2.– S. 3.

150. Миллер В. [Ф.] Библиографический перечень печатных трудов Н. Н. Харузина // Этнографическое обозрение.− 1900.− № 2.− С. 12–14.

Miller V. [F.] Bibliograficheskij perechen' pechatnyh trudov N. N. Haruzina // Etnograficheskoe obozrenie.− 1900.− № 2.− S. 12–14.

151. [Харузин М. Н.] Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях // Севастопольский листок.− 1886.− № 72.− 20 июня; № 73.− 22 июня; № 74.− 25 июня; № 76.− 29 июня; № 77.− 2 июля.

[Haruzin M. N.] Arheologicheskie razvedki v Alushte i ee okrestnostyah // Sevastopol'skij listok.− 1886.− № 72.− 20 iyunya; № 73.− 22 iyunya; № 74.− 25 iyunya; № 76.− 29 iyunya; № 77.− 2 iyulya.

152. Миллер В. [Ф.] Николай Николаевич Харузин...− С. 4.

Miller V. [F.] Nikolaj Nikolaevich Haruzin...− S. 4.

153. Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение.– 1896.– Кн. 28, № 1.– С. 1–53; 1897.– Кн. 29/30, № 2/3.– С. 1–71; То же.− М., 1896.− IV, 124 с.

Haruzin N. Istoriya razvitiya zhilishcha u kochevyh i polukochevyh tyurkskih i mongol'skih narodnostej Rossii // Etnograficheskoe obozrenie.– 1896.– Kn. 28, № 1.– S. 1–53; 1897.– Kn. 29/30, № 2/3.– S. 1–71; To zhe.− M., 1896.− IV, 124 s.

154. Керимова М. М., Наумова О. Б. Алексей Николаевич Харузин − этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин.− 2-е изд.− М.: Восточная литература, 2002.− С. 165–166.

Kerimova M. M., Naumova O. B. Aleksej Nikolaevich Haruzin − etnograf i antropolog // Repressirovannye etnografy. Vyp. 1 / sost. i otv. red. D. D. Tumarkin.− 2-e izd.− M.: Vostochnaya literatura, 2002.− S. 165–166.

155. [Богданов А.] Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1888), собранные Анатолием Богдановым, председателем Зоологического отделения Общества. Т. 3 // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Московском университете.− 1891.− Т. 70.− Л. 32, табл. 35; Императорское Московское археологическое общество в первое десятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина: в 2-х т.− М., 1915.− Т. 2.– С. 387.

[Bogdanov A.] Materialy dlya istorii nauchnoj i prikladnoj deyatel'nosti v Rossii po zoologii i soprikasayushchimsya s neyu otraslyam znaniya, preimushchestvenno za poslednee tridtsatipyatiletie (1850–1888), sobrannye Anatoliem Bogdanovym, predsedatelem Zoologicheskogo otdeleniya Obshchestva. T. 3 // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri imp. Moskovskom universitete.− 1891.− T. 70.− L. 32, tabl. 35; Imperatorskoe Moskovskoe arheologicheskoe obshchestvo v pervoe desyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.) / pod red. P. S. Uvarovoj, I. N. Borozdina: v 2-h t.− M., 1915.− T. 2.– S. 387.

156. Харузин А. Н. Заметки о татарах Южного берега Крыма // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Московском университете.– 1890.– Т. 68: Дневник Антропологического отдела, вып. 2.– Стб. 59–62.

Haruzin A. N. Zametki o tatarah YUzhnogo berega Kryma // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri imp. Moskovskom universitete.– 1890.– T. 68: Dnevnik Antropologicheskogo otdela, vyp. 2.– Stb. 59–62.

157. Харузин А. Н. О росте татар Южного берега Крыма // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при имп. Московском университете.– 1890.– Т. 68: Дневник Антропологического отдела, вып. 3.– Стб. 80–87.

Haruzin A. N. O roste tatar Yuzhnogo berega Kryma // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchem pri imp. Moskovskom universitete.– 1890.– T. 68: Dnevnik Antropologicheskogo otdela, vyp. 3.– Stb. 80–87.

158. Харузин А. Н. Татары Гурзуфа // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при имп. Московском университете.– 1890.– Т. 68: Дневник Антропологического отдела, вып. 7.– Стб. 249–270; Вып. 8.– Стб. 303–322.

Haruzin A. N. Tatary Gurzufa // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchem pri imp. Moskovskom universitete.– 1890.– T. 68: Dnevnik Antropologicheskogo otdela, vyp. 7.– Stb. 249–270; Vyp. 8.– Stb. 303–322.

159. Харузин А. Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша: на Южном берегу Крыма // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при имп. Московском университете.– 1890.– Т. 64: Труды Антропологического отдела, т. 11, вып. 1.– Стб. 1–102 с.

Haruzin A. N. Drevnie mogily Gurzufa i Gugusha: na Yuzhnom beregu Kryma // Izvestiya imp. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchem pri imp. Moskovskom universitete.– 1890.– T. 64: Trudy Antropologicheskogo otdela, t. 11, vyp. 1.– Stb. 1–102 s.

160. [Рецензия] // Русский вестник.– 1891.– № 6.– С. 304–306.– Рец. на кн.: Харузин А. Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша.– М., 1891.− 103 с.

[Retsenziya] // Russkij vestnik.– 1891.– № 6.– S. 304–306.– Rets. na kn.: Haruzin A. N. Drevnie mogily Gurzufa i Gugusha.– M., 1891.− 103 s.

Nepomnyashchy A. A. Formation and development of the historiography of history of the Crimea: ethnographers and expeditions (the XIX century – the beginning of the XX century)

This article continues the historical sketch published in the 2nd journal number for the current year. Issues of ethnographic studying of the people of the Crimean peninsula throughout the XIX century– the first third of the XX century were actively developed by researchers who as independently, and, working according to the programs outlined by various scientific institutions collected also the analysis of various ethnographic information. At the first stage ethnographers-scientific collectors (V. H. Kondaraki, N. A. Marx, etc.) did a great job on collecting folklore, records of traditions and household sketches of various Crimean people. The role in these ethnographic developments of the Russian Museum of the emperor Alexander III and the Lazarev Institute of Oriental Languages is also considerable. Preparation not only the generalizing popular ethnographic reviews of the people of the peninsula became a result of efforts of researchers of the Crimea of various scientific level during the pre-Soviet period. But also and separate practices on thorough studying of folklore, phonetics, features of a dialect, clothes, the dwelling. They made also considerable photofixation of anthropological features of people of various nationalities, clothes, dwellings, household objects. As a result, were collected by researchers and substantial ethnographic collections about the Crimean Tatars, Karaites, Roma were exhibited at the central museums. Only a part of this rich heritage postponed today in funds of the museums and personal archives of scientists is introduced for scientific use and is used nowadays.

Keywords: historiography, Crimean studies, ethnography, P. N. Beketov, V. A. Gordlevsky, N. S. Derzhavin, V. H. Kondaraki, A. F. Muzychenko, A. A. Olesnitsky.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 5 (71), № 4. 2019 г.

УДК 378.4(477.75) «1941»

ИЮНЬ 1941-ГО: ВЫПУСКНИКИ ФАКУЛЬТЕТА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КРЫМСКОГО ПЕДИНСТИТУТА

Орехова Л. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: la.orehova@gmail.com

Впервые представлены хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым рукописные административные документы Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе о распределении на педагогическую работу выпускников факультета русского языка и литературы предвоенного 1940–1941 учебного года. Кроме того, на основании архивных документов восстанавливаются новые факты воинской и преподавательской биографий выпускницы Б. Б. Трахтенберг, а также выпускника 1941 г. Б. Н. Перзеке, вернувшихся в 1945 г. в Пединститут и долгие годы работавших на филологическом факультете.

Ключевые слова: 1941 год, Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Великая Отечественная война, Б. Б. Трахтенберг, Б. Н. Перзеке.

Цель статьи – представить документ, относящийся к первым дням Великой Отечественной войны и хранящийся в Государственном архиве в Республике Крым, – список выпускников Крымского пединститута, составленный отделом кадров вуза в связи с распределением молодых специалистов на работу. Кроме того, в статье представлены и другие документы, содержащие сведения о военных судьбах выпускников 1941-го Б. Б. Трахтенберг и Б. Н. Перзеке, впоследствии долгие годы работавших на филологическом факультете нашего университета.

Папка из отдела кадров Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе «Протоколы и планы по распределению молодых специалистов, окончивших институт в 1940 <учебном> году» [5] насчитывает 77 листов, среди которых большая часть – машинописные. Но список выпускников факультета русского языка и литературы 1941 г. составлен от руки. Точнее, представляет собой машинописный бланк, заполненный перьевой ручкой по форме: порядковый номер, фамилия, имя и отчество студента, графа «Куда назначен на работу», номер удостоверения, расписка в получении документа и дата. Таким образом, документ сохраняет, по сути дела, главные сведения о выпускниках, что делает возможным дальнейший архивный поиск.

Что знаем мы о судьбах людей, чьи фамилии читаем в документе? Это было поколение родившихся в Гражданскую войну и отдавших свою молодость и жизни в войне Великой Отечественной.

Список составлен не по алфавиту, а в соответствии с датами, когда студент приходил за удостоверением о направлении на работу и расписывался в получении. Сотрудник отдела кадров, как положено, разборчивым почерком записывал

необходимые сведения. Как видим, удостоверения были выданы в период с 30 июня по 5 августа 1941 г. [5, л. 68–68 об.]:

№№ ПН	Фамилия, имя и отчество	Куда назначен на работу	№ удостоверения	Расписка в получении
I	2	3	4	5
1.	Рахимова Нурие Юсуфовна	Ленинский р-н. Ак-Мамайская тат. сш.	13097	Подпись 30. VI. 1941
2	Карпов Иван Иванович	Красноперекоп. р-н, Бромзавод.	13091	Подпись 30. VI. 1941
3	Орлов Владимир Ефимович	Кировский р-н, Дальние Камыши	13092	Подпись 30. VI. 1941
4	Чолак Исфирь Соломоновна	Куйбышевск. р-н, Озенбашск. сш.	13306	30. VI. 1941
5	Егорцев Александр Никитич	Симферопольск. р-н, Мамут-Султанск. сш.	13088	30. VI. 1941
6	Шопперт Элеонора Фридриховна	Куйбышевск. р-н, Коккозск. сш.	13307	1. VII. 1941
7	Голосовская Ида Григорьевна	Бахчисарай, сш. № 2	13087	1. VII. 1941
8	Плош Мария Петровна	Ялтинск. р-н, Гурзуфск. сш.	13095	1. VII. 1941
9	Славина Анна Израилевна	Пос. Саки. сш. № 2	13301	1. VII. 1941
10	Палатникова Белла Наумовна	Симферопольск. р-н, с/х Красный.	13093	1. VII. 1941
11	Туршу Зоя Сергеевна	Севастополь, Качинск. сш.	13304	2. VII. 1941
12	Перзеке Борис Николаевич	Севастополь, Кача.	13094	2. VII. 1941
13	Хуркулу Елена Константиновна	Алуштинск. р-н, Кучук-Узень.	13305	3. VII. 1941
14	Трахтенберг Белла Борисовна	Керчь, Камыш-Бурунск. сш.	13303	4. VII. 1941
15	Порубиновская Мария Алексеевна	Азербайдж. ССР.	13096	22. VII. 1941
16	Шток Александр Яковлевич	ДВЖД, ст. Бира.	633	22. VII. 1941
17	Туканева Тамара Михайловна	Сев.-Донецкая ЖД, ст. Купянск.	631	23. VII. 1941
18	Сердюк Ольга Ивановна	г. Севастополь. Сш. № 12.	13100	24. VII. 1941

19	Харьковая Зинида Павловна	Юж.-Донецкая ЖД, ст. Авдеевка.	632	24. VII. 1941
20	Котляр Энта Вульфовна	г. Алма-Ата, Турк.-сибир. ЖД.	629	25. VII. 1941
21	Срединская Виктория Андреевна	Сев.-Донецкая ЖД, ст. Черпухино.	630	25. VII. 1941
22	Татишвили-Томилина Надежда Васильевна	г. Судак, сш.	13302	26. VII. 1941
23	Рябова-Голуб Лия Абрамовна	Ленинград, ГорОНО.	13099	26. VII. 1941
24	Ковалев Кузьма Михайлович	г. Карасубазар, сш.	13090	28. VII. 1941
25	Гольдебаев Иван Васильевич	Сейтлерск. р-н, Тамакск. сш.	13086	5. VIII. 1941

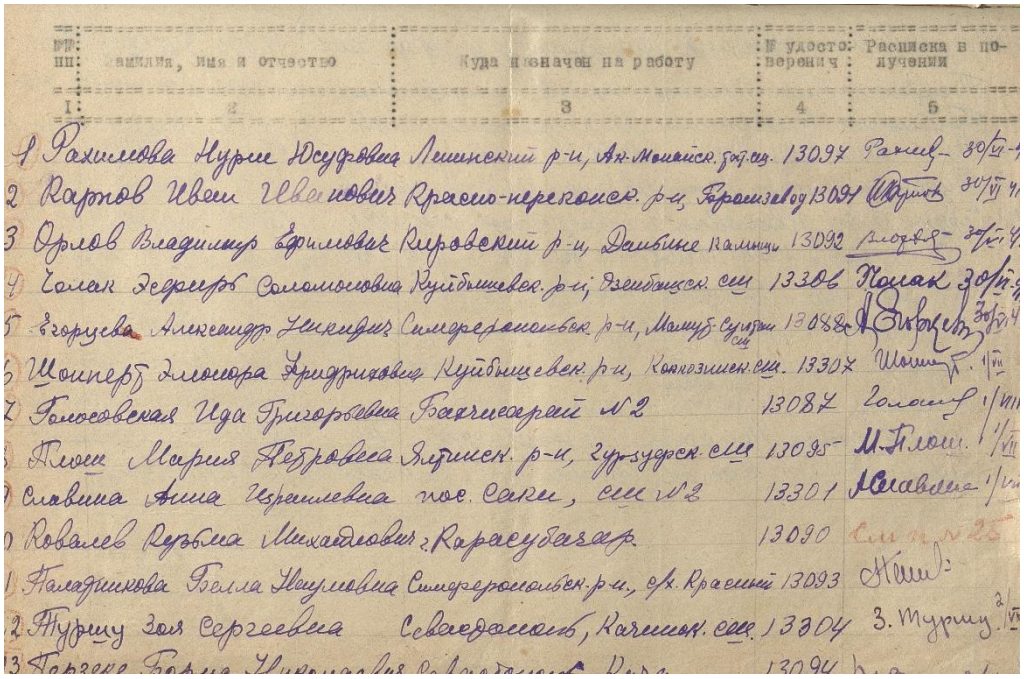
Государственные экзамены были сданы досрочно. Дипломы об окончании вуза с присвоением звания учителя средней школы в 1941 году датированы 30 июня.

Факультет русского языка и литературы имел самый высокий набор студентов, в 1940 г. здесь на всех курсах обучалось 238 человек. Для сравнения: на географическом факультете училось 145 чел., на факультете естествознания – 122, на историческом – 151, физическом – 174, математическом – 56, на факультете татарского языка и литературы, открытом в 1938 году, – 74 студента [10]. В 1940–1941 учебном году на I курс факультета русского языка и литературы поступило 62 студента, на II курсе обучалось 70 человек, на III-ем – 73, на IV курсе готовилось к выпуску 33 будущих учителя [4, л. 1]. Но по представленному списку видно, что по каким-то причинам, связанным с начавшейся войной, «учительского» распределения не получили 8 студентов. Возможно, кому-то выдали удостоверение позже.

Работа по изучению потребностей крымских школ начиналась задолго до государственных экзаменов. Учитывались как заявки из школ Крыма, так и необходимость в молодых специалистах в тех районах страны, где жили выпускники до поступления в пединститут, а также личные обстоятельства студентов.

Как видим из списка, большинство молодых специалистов получили распределение на учительскую работу в сельские средние школы Крыма, 3 человека – на юго-восток Украинской ССР, 1 – на Дальневосточную железную дорогу Хабаровского отделения (ст. Бира); 1 выпускник – в Казахстан, 1 – в Азербайджан, выпускница Л. А. Рябова-Голуб – в ГорОНО Ленинграда. Как сложилась ее судьба? Как сложились судьбы уехавших на Украину? Разъехались ли выпускники по крымским школам?

Два выпускника из представленного списка вернулись с войны в свой пединститут и долгие годы работали здесь: Белла Борисовна Трахтенберг (1 сентября 1919, Днепропетровск – 2003, Симферополь) и Борис Николаевич Перзеке. (01.08.1912, Симферополь – 10.10.1990, Симферополь).



№№ пп	Фамилия, имя и отчество	Куда назначен на работу	№ удостоверения	Расписка в получении
1	2	3	4	5
1	Рахимова Нурие Исуповна	Ленинский р-н, Ак-Монайск. сш	13097	
2	Карпов Иван Иванович	Красно-перекопск. р-н, Бромзавод	13091	
3	Орлов Владимир Ефимович	Кировский р-н, Данбине	13092	
4	Чолак Эдгиерь Соломоновна	Куйбышевск. р-н, Эзенбашск. сш	13306	
5	Егорусева Александр Никифор	Симферопольск. р-н, Мазыр-Сулдин сш	13088	
6	Шонперъ Элеонора Фридриховна	Куйбышевск. р-н, Колхозинск. сш	13307	
7	Голосовская Ида Григорьевна	Бахчисарай № 2	13087	
8	Плош Мария Петровна	Ялтинск. р-н, Гурзуфск. сш	13095	
9	Славина Анна Ефимовна	пос. Саки, сш № 2	13301	
10	Ковалев Давыда Михайлович	г. Карасубазар	13090	
11	Гладышева Белла Наумовна	Симферопольск. р-н, с/х. Красный	13093	
12	Турину Зоя Сергеевна	Севастополь, Качинск. сш	13304	
13	[illegible]	[illegible]	13094	

Рис. 1. Список выпускников факультета русского языка и литературы 1941 г. (ГАРК. Р-21. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 68.

В самом начале войны всем казалось, что она продлится недолго; продолжал работать пединститут [9, с. 85]. Общая уверенность в победе звучит в статьях Б. Б. Трахтенберг, опубликованных в первые дни войны в республиканской газете «Красный Крым». 26 июня 1941 г. опубликована ее статья «На уборку урожая». На следующий день, 27 июня, она выступает со статьей «Женщина-героиня в борьбе за отчизну» и приводит в пример современникам «героических русских женщин, мужественно боровшихся за свою Отчизну»: старостиху Василису, Дашу Севастопольскую, Авдотью Скрыпникову, Веру Зарубину, Прасковью Графову. 8 июля появляется третья ее статья «Любовь к Родине – священное чувство», написанная на сильном душевном подъеме.

В августе положение стало крайне тревожным. К этому сроку значительная часть студентов и преподавателей пединститута уже была на фронте [1]. Был призван и директор вуза В. В. Куликовский (1904–1941). Начались оборонно-строительные работы. Институт готовился к эвакуации [9, с. 86].

В этой обстановке Б. Б. Трахтенберг вступает в ряды армии; в анкете военкомата она написала: «Свободно пишу, читаю, говорю по-немецки» [2, л. 1]. С 28 августа 1941 г. она служит военным переводчиком в сформированной в Крыму в августе 1941 г. 51-ой отдельной армии, а с 6 ноября 1941 г. – в штабе 2-го района партизан Крыма. Волевой и ответственный характер, широкое филологическое дарование определили всю ее дальнейшую судьбу.

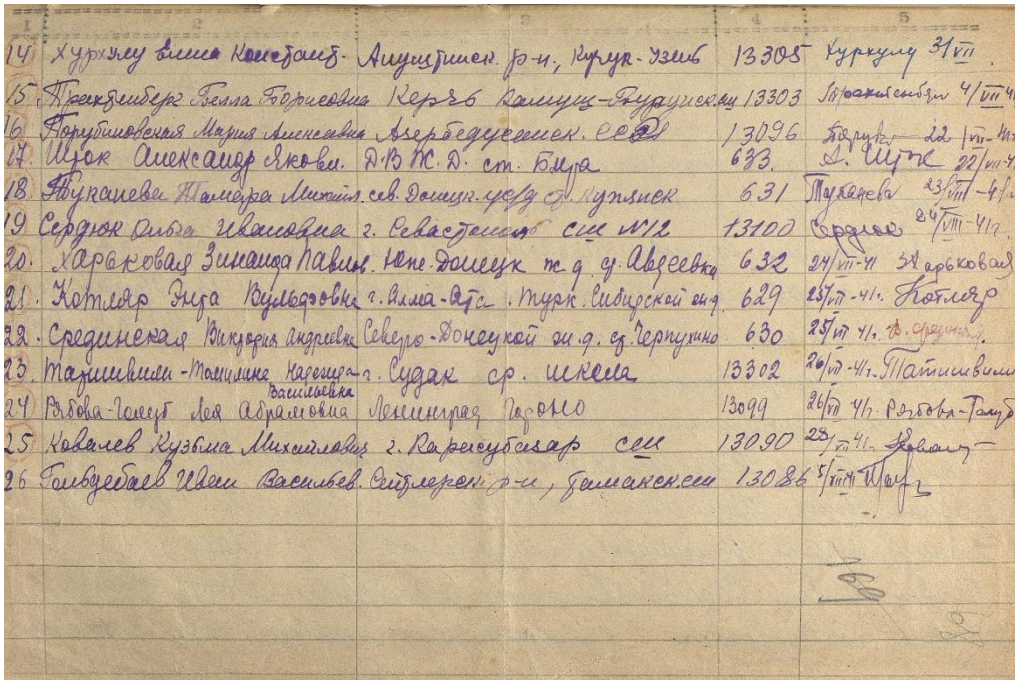


Рис. 2. Продолжение списка выпускников 1941 года (ГАРК. Р-21. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 68 об.)

Белла Борисовна Трахтенберг была Сталинской стипендианткой, пединститут закончила с отличием, получила рекомендацию в аспирантуру на кафедру литературы и, как следует из списка распределений, направление на работу в Керчь. Война изменила ход событий; ее, как человека надежного и талантливого, крымское партийное руководство направило в редакцию «Красного Крыма». Ей 22 года. Но она не остается работать в газете, не едет в эвакуацию. Она идет на фронт.

Личный архив Б. Б. Трахтенберг, к большому сожалению, не сохранился. Но важнейшие события ее жизни отразились в архивных документах Государственного архива в Республике Крым (ГАРК), в архивах Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского и Военного комиссариата города Симферополь Республики Крым (отделение офицеров запаса г. Симферополя Железнодорожного, Киевского, Центрального р-нов). Приведем некоторые из этих документов и, в частности, автобиографию 1951 года из личного дела в архиве Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Белле Борисовне 30 лет):

«Автобиография

Родилась в сентябре 1919 года в г. Днепропетровске. Отец, Трахтенберг Борис Ефимович, до 1917 года и по настоящее время – служащий. Работает главным бухгалтером на каком-то из предприятий Ташкента. С 1926 года со мной не живет. Мать – Трахтенберг Екатерина Яковлевна – домохозяйка, живет со мной.

В 1921 году с родителями я переехала в Киев, в 1931 году с матерью – в Симферополь. В 1937 закончила десятилетнюю школу и поступила в Крымпединститут, на факультет русского языка и литературы. С 1935 по 1939 состояла в ВЛКСМ. В 1939 поступила в кандидаты, в 1940 – в члены ВКП(б). В 1941 закончила институт и была направлена на работу в редакцию газеты «Красный Крым» в качестве литсотрудника. Оттуда месяца через полтора была переведена на работу в Обком ВКП(б) Крыма в качестве инструктора отдела агитации и пропаганды. В ОК ВКП(б) работала очень недолго (меньше месяца) в связи с уходом в армию. В августе-сентябре 1941 ушла в армию в качестве переводчика Особого Отдела 48-ой дивизии 51 Отдельной армии, действовавшей в Крыму. В ноябре 1941 года дивизия перешла на партизанский образ действий, и с ноября 41 г. по 28-ое сентября 1942 я работала переводчиком Штаба 2-го района партизан Крыма. 19 сентября 1942 была вывезена в Сочи, где находилась в госпитале до декабря 1942. В декабре 1942 была взята на работу в качестве переводчика Разведотдела Штаба Черноморского флота. Здесь работала до демобилизации в мае 1945 года.

После демобилизации вернулась в Симферополь и с октября 1945 года работаю в качестве преподавателя на кафедре русской литературы Крымпединститута.

Репрессированных в семье нет. Родственников за границей нет. Мать вспоминает, что в семье когда-то рассказывали об уехавшем еще до русско-японской войны дальнем родственнике. Фамилии его мать не помнит, точно пункта, куда он уехал, не знает, связи с ним никогда не имела. Считает, что по старости он уже давно должен был умереть.

18. 06. 51 год. Б. Трахтенберг.

Диплом с отличием № 509406

Присвоено звание учителя средней школы, 30 июня 1941 года» [8, л. 3].

В деле указан домашний адрес: ул. Ленина, 17, кв. 18. Это была маленькая комната, где Белла Борисовна жила с больной мамой, Екатериной Яковлевной, 1883 г. р. [8, л. 1].

Более точную, чем в Автобиографии, датировку «штатских» рабочих мест Б. Б. Трахтенберг содержит послужной список в Личном листке по учету кадров:

с 24. 06. 1941 г. по 15. 08. 1941 г. работала литсотрудником отдела пропаганды в редакции газеты «Красный Крым»,

с 15. 08. 41 г. по 27. 08. 41 г. являлась инструктором отдела агитации и пропаганды Крымского ОБКОМа ВКП(б),

с 1. 12. 1945 г. – ассистент, преподаватель русской литературы; аспирантура при Крымском пединституте,

с мая по декабрь 1939 г. являлась депутатом Новгородского райсовета г. Симферополя [8, л. 1 об.].

В Личном деле сохранилась и характеристика Б. Б. Трахтенберг, составленная и подписанная в 1946 г. деканом факультета русского языка и литературы, доцентом А. И. Германовичем. Заметно, что характеристика хорошо обдумана:

«Белла Борисовна Трахтенберг, бывшая Сталинская стипендиантка, окончила с отличием институт в 1941 году и кафедрой литературы была рекомендована

кандидатом в аспирантуру. Она резко выделялась из среды студентов не только своими способностями, живым восприятием, но и интересом к научной работе, высокой культурностью.

Рис 3. Крымские партизаны на излечении в Сочи (октябрь-ноябрь 1942 г.). Б. Б. Трахтенберг – сидит вторая справа (ГАРК)

Великая Отечественная война повернула все ее стремления к защите Родины. О ее труде в рядах Красной Армии говорят отличные характеристики командования, отзывы партизанского штаба, награждения.

С августа 1945 года она вернулась в институт и начала подготовку к аспирантским экзаменам, а потом и аспирантскую работу.

За отсутствием преподавателей ей был поручен курс древнерусской литературы, с чтением которого, по словам профессора Е. В. Петухова, она справляется блестяще.

В связи с отсутствием аспирантской вакансии по кафедре литературы она назначена ассистентом кафедры.

20. 06. 1946 год. Декан факультета А. Германович» [8, л. 6].

Великая Отечественная война для всех стала этапом проверки на преданность Отечеству. Воинская биография Б. Б. Трахтенберг записана буквально по числам (ГАРК):

«Присягу приняла 5. 12. 41 г.

27. 08. 41 – 6. 11. 41 – военпереводчик, 48 кавдивизия, 51 отд. армии

6. 11. 41 – 28. 09. 42 – переводчик штаба 2-го района партизан Крыма

09. 42 – 12. 42 – на излечении, Эвакогоспиталь г. Сочи

30. 12. 42 – 17. 10. 44 – в распоряжении Разведывательного отдела Штаба Черноморского Флота

17. 10. 44 – 7. 05. 45 – военный переводчик 1-го разряда, Разведывательный отдел Штаба Черноморского флота

7. 05. 45 г. – уволена в запас по ст. 43 п. «а». Положения о прохождении службы Командным и начальствующим составом РККА. Военнообязанная, мл. лейтенант админ. службы.

03. 01. 1970 г. Исключена с воинского учета по возрасту» [7, л. 27].

Государственный Архив в Республике Крым хранит и уникальный документ – характеристику партизанки-переводчицы Беллы Трахтенберг, написанную 5 ноября 1942 г. секретарем бюро парторганизации ЦК ВКП(б) штаба Второго района партизан Крыма А. П. Щетининым (приводим в стилистике оригинала):

«Характеристика

на техник-интенданта 1 ранга Трахтенберг Б. Б.

Тов. Трахтенберг Белла Борисовна, 1919 года рождения, член ВКП(б) с 1940, партбилет №3938597, образование – высшее, состояла членом парторганизации штаба 2 района партизан Крыма. За время нахождения в парторганизации проявила себя как активный член организации, много помогавшая росту парторганизации. Вела по заданию и самостоятельно, воспитательную работу среди партизан, по вовлечению в ряды ВКП(б).

Среди членов организации и партизанов отряда 2 района Крыма пользовалась авторитетом. Идеологически выдержана, партвзысканий не имела. Дисциплинирована, решительна, хорошо знает немецкий язык.

Секретарь бюро парторганизации ЦК ВКП(б) штаба 2 района партизан Крыма (Щетинин). 4.11.42 г., г. Сочи» [7, л. 29].

В ГАРК сохранился и фотографический снимок группы крымских партизан, эвакуированных на излечение в конце сентября 1942 г. в Сочи.

Студентке факультета славянской филологии и журналистики нашего университета Таисии Кутузовой удалось почерпнуть некоторые сведения о Б. Б. Трахтенберг из ее Личного дела в архиве Военного комиссариата города Симферополь Республики Крым. На предоставленной папке написано: «Личное дело Беллы Борисовны Трахтенберг. Военкомат. Т-403845 [номер военного жетона]. Техник-интендант 1 ранга. Дата: 23. 7. 42». Все записи по-военному лаконичны, содержат четкую хронологию армейской службы. Здесь же боевая характеристика Б. Б. Трахтенберг:

«*СЕКРЕТНО*

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Находясь весь аттестуемый период на МТС-1 ЧФ в должности военного переводчика и занимаясь по совместительству секретным делопроизводством, показала себя преданной делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине. Политически развита хорошо. Военную тайну хранить умеет. Общекультурное развитие хорошее. Свою специальность знает и любит, постоянно в ней совершенствуясь. Регулярно работает над повышением своего политического и

культурного уровня. Лишения переносить может. Работоспособна, исполнительна. Начатое дело стремится довести до конца. Общественные интересы ставит выше личных. Лично дисциплинирована, аккуратна и честна. Требовательна к себе. Приказания выполняет энергично и к старшим начальникам относится с уважением. Недостаточно внешней воинской выправки. У личного состава пользуется авторитетом. К товарищам относится чутко и с уважением. В политической жизни части принимает активное участие» [2].

Рис 4. Партизанка Б. Б. Трахтенберг.

Рис 5. Б. Б. Трахтенберг.

Рис 6. Б. Б. Трахтенберг на празднике Победы.

Рис. 7. Б. Н. Перзеке в студенческие годы.

Рис. 8. Б. Н. Перзеке

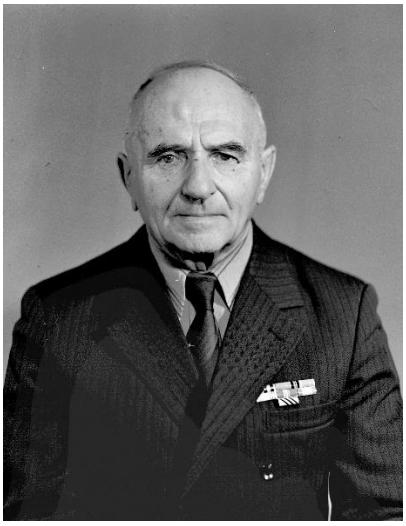


Рис. 9. Доцент Б. Н. Перзеке

Б. Б. Трахтенберг была награждена медалью «За оборону Кавказа» (8 июня 1945 г.), медалью «Партизану Великой Отечественной войны» II ст. (1947 г.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Мне довелось работать на одной кафедре с Беллой Борисовной. Она была цельной, незаурядной личностью. Умела переносить и трудности, и боль. Деликатна, отзывчива, и при этом обладала независимым характером. Хорошо знала историю, тонко чувствовала литературу. Но, работая в пединституте, почему-то не защищала диссертацию. Может быть, на этот вопрос в какой-то мере ответит характеристика Беллы Борисовны, написанная 20 октября 1971 г. деканом филологического факультета Крымского пединститута доцентом В. М. Ронгинским:

«<…> Кандидатская диссертация Б. Б. Трахтенберг была рекомендована кафедрой и Ученым Советом к защите. Кроме того, на диссертацию получен внешний положительный отзыв из Воронежского университета, где должна быть защита. Однако выехать для обсуждения диссертации Б. Б. Трахтенберг не может в силу трудных семейных обстоятельств.

Б. Б. Трахтенберг ведет большую общественную работу в институте и г. Симферополе. В течение последнего пятилетия избиралась членом партийного бюро факультета, партгруппоргом. Тов. Трахтенберг – активный член Общества по распространению политических и научный знаний. Вместе с другими членами кафедры выступает с лекциями в помощь учителям школ.

Тов. Трахтенберг Б. Б. пользуется авторитетом среди студентов и в коллективе преподавателей института» [8, л. 14].

Б. Б. Трахтенберг ушла на пенсию 27 января 1983 г. [8, л. 1], но еще несколько лет преподавала на подготовительных курсах нашего университета.

Рис. 10. Б. Б. Трахтенберг (слева) и Б. Н. Перзеке на демонстрации в годовщину Октябрьской революции (1950-е годы)

Старшим по возрасту в военном выпуске литературного факультета (так называли в студенческом просторечье факультет русского языка и литературы) был Борис Николаевич Перзеке. Как сложился его жизненный путь?

Основные сведения о Б. Н. Перзеке предоставлены его сыновьями, доктором филологических наук А. Б. Перзеке и доцентом нашего университета, кандидатом экономических наук Н. Б. Перзеке.

Коренной симферополец, Б. Н. Перзеке, закончив среднюю школу, работал сначала в крымском совхозе (абитуриенты из семей интеллигентов для поступления в вуз должны были иметь рабочий стаж), затем в геологической экспедиции в Поволжье, на Дальнем Востоке. Был призван в армию, служил в летных войсках, где получил военную специальность стрелка-радиста. Когда поступил в Крымский пединститут, то, по действующей в предвоенное время программе ускоренной подготовки военных кадров, он, с периодическим отрывом от основной учебы, закончил Армавирское летное училище; сдал государственные экзамены, получив специальность летчика-штурмана тяжелой бомбардировочной авиации и звание младшего лейтенанта.

Боевой путь начался в 40-ом полку тяжелых бомбардировщиков ТБ-3, который базировался на Канатовском аэродроме в Кировоградской области. Бомбить вражеские объекты приходилось на своей, оккупированной противником территории. После того, как в полку выбыли из строя все боевые машины, личный состав был отправлен на усиление пехоты под Одессу, где в это время происходили

жестокие бои и где недавний штурман Б. Н. Перзеке сражался в окопах в составе пулеметного расчета.

Через некоторое время уцелевших летчиков и авиатехников забрали с передовой и отправили для переформирования и получения новой техники. Шли тяжелые месяцы осени 1941 года, приходилось отступать. Часть, в которой воевал Б. Н. Перзеке, теряла аэродромы, периодически оказывалась почти в окружении, люди пробирались к своим группками, имея при себе только документы и личное оружие. Во время вражеского налета на аэродром Борис Николаевич получил тяжелую контузию и без сознания был отправлен санитарным эшелоном в тыловой госпиталь. После многих месяцев преодоления контузии (последствия которой полностью у него уже никогда не проходили) продолжил воинскую службу в качестве преподавателя тактики авиации на Высших стрелковых курсах. В 1945 г. в звании старшего лейтенанта был демобилизован и вернулся в Симферополь. Судьбоносной для вчерашнего военного, еще не успевшего надеть гражданскую одежду, стала встреча с заведующим кафедрой литературы профессором Е. В. Петуховым [11], который предложил ему поступать аспирантуру. В 1948–1949 учебном году, когда возникла кадровая необходимость, Борис Николаевич занял должность ассистента по кафедре русского языка [10; 6, л. 2], но вскоре был переведен на кафедру русской и зарубежной литературы, где несколько десятилетий работал рядом с коллегами-фронтовиками П. И. Степановым, В. Д. Павличенко, однокурсницей Б. Б. Трахтенберг. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию «Дооктябрьская проза К. А. Тренева» в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина; получил ученое звание доцента.

Я училась у Бориса Николаевича в 1971–1975 гг., а потом работали вместе на кафедре русской и зарубежной литературы. Он владел лекторским искусством, читал содержательно, ярко, любил живое аудиторное общение со студентами, интерес в их глазах. Он жил своей работой, не мыслил себя без работы и завершил свой трудовой путь лишь за несколько месяцев до окончания в октябре 1990 года земного пути.

Среди боевых наград Б. Н. Перзеке медали «За оборону Одессы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орден Отечественной войны II ст.

Думается, обнародование списка выпускников Крымского пединститута 1941 года и новые биографические сведения о воинском пути выпускников Б. Б. Трахтенберг и Б. Н. Перзеке помогут в архивном поиске при написании истории университета, в музейной работе по сохранению памяти о «Бессмертном полке» нашего вуза.

Список использованных источников и литературы

1. Багров Н. В., Чуян Е. Н., Орехов В. В. На пороге столетия. От Таврического университета – до Крымского федерального. История в документах и фотографиях / Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 360 с.

Bagrov N. V., Chuyan E. N., Orekhov V. V. Na poroge stoletiya. Ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo. Istoriya v dokumentakh i fotografiyakh / N. V. Bagrov, E. N. Chuyan, V. V. Orekhov. – Simferopol': IT «ARIAL», 2015. – 360 s.

2. Военный комиссариат города Симферополь Республики Крым. (Отделение офицеров запаса г. Симферополя Железнодорожного, Киевского, Центрального р-нов). Т-403845. Трахтенберг Б. Б.

Voennyi komissariat goroda Simferopol' Respubliki Krym. (Otdelenie ofitserov zapasa g. Simferopolya Zheleznodorozhnogo, Kievskogo, Tsentral'nogo r-nov). T-403845. Trakhtenberg B. B.

3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК) Ф. Р-21. – Оп. 1. – Д. 1825.

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. – F. R-21. – Op. 1. – D. 1825.

4. ГАРК. Ф. Р-21. – Оп. 1. – Д. 1826.

GARK. F. R-21. – Op. 1. – D. 1826.

5. ГАРК. Р-21. – Оп. 3. – Д. 2.

GARK. R-21. – Op. 3. – D. 2.

6. ГАРК. Ф. Р-21. – Оп. 3. – Д. 59.

GARK. F. R-21. – Op. 3. – D. 59.

7. ГАРК. – Ф. Р-21. – Оп.. 3. – Д. 156.

GARK. – F. R-21. – Op.. 3. – D. 156.

8. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Архив. Фонд «Симферопольский государственный университет». – Д. 826.

Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo. Arkhiv. Fond «Simferopol'skii gosudarstvennyi universitet». – D. 826.

9. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А., Бебешко Е. В. «Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4(70). – № 3. – С. 84–105.

Nepomnyashchii A. A., Lomakin D. A., Bebeshko E. V. «Rabotali nesmotrya ni na chto»: Krymskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. V. Frunze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: po materialam fondov Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – T. 4(70). – № 3. – S. 84–105.

10. Орехова Л. А. Профессор В. Н. Мигирин в истории Крымского педагогического института (1939-1971) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. – Т. 4(70). – № 4. – С. 105–123.

Orekhova L. A. Professor V. N. Migirin v istorii Krymskogo pedagogicheskogo instituta (1939-1971) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2018. – T. 4(70). – № 4. – S. 105–123.

11. Орехова Л. А. Дубровский А. В. Профессор Крымского пединститута Е. В. Петухов и его дневник в фондах ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур. VI Международная научно-практическая конф. (9-11 октября 2018 г.) / Под ред В. В. Орехова, Е. Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 23–26.

Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. Professor Krymskogo pedinstituta E. V. Petukhov i ego dnevnik v fondakh OR IRLI (Pushkinskii Dom) RAN // Dialog kul'tur. Teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literatur. VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konf. (9–11 oktyabrya 2018 g.) / Pod red. V. V. Orekhova, E. Ya. Titarenko. – Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – S. 23–26.

Orekhova L. A. June 1941: graduates of the Russian language and literature faculty of the Crimean State Pedagogical Institute

The article for the first time publishes handwritten administrative documents of the Crimean State Pedagogical Institute named after M. V. Frunze, which are stored in the State Archives in the Republic of Crimea and contain information about the distribution to the pedagogical work of graduates of the Russian language and literature faculty of the prewar 1940–1941 school year. In addition, the article promulgates new facts that are obtained from archival documents and make it possible to restore the military and pedagogical biography of two graduates of the faculty of the Russian language and literature. This is a graduate B. B. Trakhtenberg, as well as a 1941 graduate B. B. N. Perzeke. Both of them in 1945 returned to Pedagogical Institute and for many years worked at the Faculty of Philology.

Keywords*:* 1941, Crimean Pedagogical Institute, Great Patriotic War, B. B. Trakhtenberg, B. N. Perzeke.

УДК 94 (470) «1950/1990»

«С ПАМЯТЬЮ В СЕРДЦЕ»: ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОРОДАХ-ГЕРОЯХ СЕВАСТОПОЛЬ, КЕРЧЬ И НОВОРОССИЙСК (1950–1980-Е ГГ.)[1]

Попов А. Д.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: rushistcfu@mail.ru

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников охарактеризованы основные формы и методы патриотического воспитания в Севастополе, Керчи и Новороссийске, которые были связанны с памятью о Великой Отечественной войне. На основе сравнительного анализа основных институциональных форм (мемориальной, музейной, поисковой, зрелищной, туристической, экскурсионной, спортивной) и ритуализованных практик коммеморации, автор приходит к выводу о том, что воспитательно-патриотическая работа в городах-героях Причерноморья отличалась массовой вовлеченностью различных поколений и категорий населения, системностью, разнообразием, общностью взглядов на события прошлого. Период резкой активизации такой деятельности приходится на вторую половину 1960-х гг. В целом патриотическое воспитание и мемориальные традиции во всех рассмотренных городах развивались в рамках общего канона, несмотря на то, что с 1954 г. в административно-территориальном отношении они относились к двум разным союзным республикам и официально получили статус городов-героев в разные годы.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, город-герой, воспитание, патриотизм, мемориальная культура, СССР.

7 апреля 1968 г. в Новороссийске, тогда ещё не получившим статус города-героя, состоялось знаменательное событие. По инициативе городского патриотического клуба подростков «Шхуна ровесников», созданного в 1965 г. журналистом газеты «Новороссийский рабочий» Константином Подымой, на дно Цемесской бухты была спущена замурованная в бетонный саркофаг капсула с посланиями потомкам, которую предполагалось извлечь в 2017 году [1, с. 102–121; 2, с. 82–83]. Несмотря на то, что такие послания в ходе мероприятий по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции закладывались и во многих других советских городах, новороссийский случай всё же является особенным. Помимо оригинального способа закладки капсулы примечательно то, что она содержала 144 артефакта. Кроме 62 писем потомкам от разных авторов сюда были также помещены рисунки, газеты, фотографии, тексты песен, магнитофонные записи, пластинки, кинофильм и даже вещи-реликвии (например, гвардейский значок времен Великой Отечественной войны, найденный «красными следопытами»). Авторство помещенных в капсулу писем очень разнообразно и, во-первых, ярко иллюстрирует преемственность поколений, а во-вторых, показывает широту и разнообразие круга общения новороссийских «шхунатиков». Так, письмо

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576.

от имени 2-летней девочки Аллы Корниенко написали её молодые родители. Школьники и студенты писали письма не только от своего имени, но и от имени героев, погибших в Новороссийске в 1942–1943 гг. Также имелись послания от представителей среднего поколения и ветеранов, в том числе от 63-летнего летчика-испытателя, дважды Героя Советского Союза Константина Коккинаки. На просьбу юных новороссийцев прислать письма и материалы для закладки в капсулу откликнулись адмиралы Лев Владимирский и Георгий Холостяков, поэты Михаил Матусовский и Лев Ошанин, композитор Оскар Фельцман, диктор Юрий Левитан, актриса Ружена Сикора и другие известные в стране личности, а также представители военно-патриотических клубов Москвы, Перми, Туапсе, Феодосии, Харькова. Кроме того, в технических процессах по изготовлению, подготовке и закладке капсулы на общественных началах участвовали специалисты практически всех крупных предприятий Новороссийска [3, л. 2–9].

Этот и многие другие примеры свидетельствуют о наличии особой духовно-культурной атмосферы, которая существовали в ряде городов Причерноморья (Севастополе, Новороссийске, Керчи) и формировалась во многом благодаря индивидуальной и коллективной памяти о героических событиях прошлого. Не случайно все эти города были удостоены высшего звания отличия «город-герой», но в случае Севастополя фактически это произошло в 1945 г., а юридически – в 1965 г., тогда как Керчь и Новороссийск получили данный статус в 1973 году. Уже существует несколько исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных феномену особого городского менталитета жителей Севастополя [4–5] и Новороссийска [6–9] – городов, которые (как и Керчь) в 1941–1944 гг. из-за интенсивных боев были практически полностью разрушены, а после освобождения в буквальном смысле «возрождались из руин». Однако до настоящего времени не предпринималось попыток проанализировать взаимосвязь воспитательных практик и мемориальных традиций в названных выше городах-героях не только в ретроспективной динамике, но и в сравнительной перспективе. Именно поэтому целью данной статьи является характеристика основных форм и методов патриотического воспитания, практиковавшихся в послевоенные годы в Севастополе, Керчи и Новороссийске и связанных с памятью о Великой Отечественной войне. В качестве основных источников будут использованы документы центральных и местных архивов, а также тексты публичного дискурса – публикации в советской прессе, справочно-информационные и методические издания.

Ключевыми объектами для проведения гражданско-патриотических мероприятий для разных социально-профессиональных категорий и возрастных групп населения являлись памятники и мемориальные комплексы, которые в послевоенный советский период выполняли целый комплекс общественно значимых функций [подробнее см.: 10]. Помимо праздничных митингов и политических собраний, рядом с мемориалами проводились торжественные ритуалы приема в пионеры и комсомольцы, вручения паспортов, проводов в армию [см., например: 11], появилась традиция их посещения молодоженами в день бракосочетания. В тексте одной из популярных среди севастопольцев песен были

такие слова: «На Малахов курган мы сегодня пришли, / Знамя наших отцов мы сюда принесли. / Перед знаменем этим и Вечным огнем, / Присягая Отчизне, мы клятву даем…» [12, с. 23].

Вечный огонь на Малаховом кургане в Севастополе, первый в Крыму и один из первых в стране, был зажжен 22 февраля 1958 г. Вскоре, 15 сентября 1958 г., Вечный огонь был зажжен на Площади Героев в Новороссийске и 9 мая 1959 г. – на горе Митридат в Керчи. Во время празднования 25-летия Победы в 1970 году на Сапун-горе появился второй в Севастополе Вечный огонь. По примеру города-героя Волгограда, у Вечных огней и других крупных мемориальных комплексов были организованы школьные Посты № 1, причем право участвовать в почетном карауле получали только лучшие учащиеся. В Севастополе такой постоянно действующий мемориальный Пост № 1 появился в 1973 г., причем находился не на Малаховом кургане или на Сапун-горе, а в общественном центре города – у Мемориала участникам героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. на площади Нахимова [12, с. 13].

Появлялись и другие мемориальные традиции, многие из которых возникли во второй половине 1960-х гг., после инициированного Л. И. Брежневым повышения символического статуса Великой Отечественной войны в советской исторической политике. Именно тогда активизируется процесс, который британский исследователь Эрик Хобсбаум называет «изобретением традиций», понимая под этим термином появление общественных практик ритуального и символического характера, целью которых является внедрение определенных ценностей и норм, а средством достижения цели – регулярное повторение [13, с. 48]. Так, с 1966 г. у новороссийской молодежи возникла традиция водружения красного флага на возвышающейся над городом вершине Сахарная голова – там, где в 1942 г. погиб получивший посмертную известность молодой советский поэт Павел Коган [14]. В ночь с 3 на 4 февраля 1968 г. в Новороссийске по инициативе уже упоминавшегося клуба «Шхуна ровесников» впервые состоялась ставшая уникальной по своему масштабу и общественной значимости военно-патриотическая акция «Бескозырка» [8, с. 36–39]. Керченская традиция ежегодно совершать массовое факельное шествие на гору Митридат вечером 8 мая появилась в 1967 г., когда оно было впервые проведено участниками областного комсомольского слета [15]. Такие ритуалы, как факельное шествие в Керчи, новороссийская акция «Бескозырка», почетный караул у Поста №1 на площади Нахимова в Севастополе, сохраняются до наших дней и давно воспринимаются как необъемлемая часть городской жизни. В то же время, опыт проведения факельного шествия в Севастополе во время празднования Дня Победы в 1966 г. [16] стал единичной акцией и не перерос в традицию.

Ещё одним типом мемориальных объектов являлись исторические музеи, панорамы, диорамы, картинные галереи. Для рассматриваемых городов-героев была характерна тенденция постепенного укрупнения музейно-выставочных учреждений на муниципальном уровне, что имело не только определенные преимущества в административно-хозяйственном отношении, но и позволило повысить уровень научно-исследовательской, методической, просветительской и издательской

деятельности по сохранению и презентации военного прошлого. В 1960 г. создается Музей героической обороны и освобождения Севастополя, который объединил географически рассредоточенные по территории города объекты показа военно-исторической направленности: Панораму «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» (в годы войны композиция была значительно повреждена и восстановлена только к 1954 г.), Диораму «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» (открыта в 1959 г., реконструирована в 1975 г.), Оборонительную башню Малахова кургана (музеефицирована в 1960 г.). В 1967 г. в состав Музея героической обороны и освобождения Севастополя был также включен Дом-музей севастопольских подпольщиков [17, с. 50–54]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Керчи. Здесь как отдел (филиал) Керченского историко-археологического музея с 1967 г. действовал Музей истории обороны Аджимушкайских каменоломен, а в 1985 г. было открыто два новых обособленных подразделения – картинная галерея народного художника РСФСР Н. Я. Бута «Герои Аджимушкая» и Музей истории Эльтигенского десанта 1943 года [18, с. 60–63].

Кроме того, определенное количество мемориально-исторических музеев и музейных комнат действовало на предприятиях и в учебных заведениях, причём создание большинства из них также прошлось на вторую половину 1960-х гг. В Керчи первые музеи истории предприятий были созданы в 1967 г. на металлургическом комбинате им. П. Л. Войкова и в Керченском торговом порту, а в 1970 г. начал функционировать музей истории стеклотарного завода [19, л. 2]. Тогда же было создано около 30 школьных музеев и музейных комнат. Например, учащиеся керченской школы № 17 имени Героя Советского Союза Веры Белик в 1966 г., за счет самостоятельно собранных средств, установили памятник погибшей в годы войны летчице, а также организовали посвященный ей школьный музей [20, л. 4].

Во всех учебных заведениях и трудовых коллективах регулярно проводились встречи с ветеранами, ставшими источниками «живой памяти» о Великой Отечественной войне [6, с. 21]. Имена некоторых ветеранов и активных участников воспитательной работы с молодежью (например, Марии Байды, Бориса Борисова, Антонины Сариной в Севастополе) стали не просто известными, но и легендарными. В период «перестройки», когда многие прежние идеологические устои советского общества были поставлены под сомнение, ветераны войны по-прежнему старались играть роль духовных наставников подрастающего поколения. Например, обращаясь к севастопольской молодежи в 1988 г. Герой Советского Союза М. К. Байда призывала: «Активно участвуйте в борьбе за светлое будущее, разделите с нами ответственность за завтрашний день страны и своего родного города. В труде и только в труде постарайтесь выразить себя» [12, с. 144].

В поздний советский период среди молодежи широкое распространение получило поисковое («следопытское») движение [подробнее см.: 21], в которое были вовлечены учащиеся всех типов учебных заведений. Ему предшествовала практика неорганизованного сбора военных артефактов детьми и подростками в местах наиболее интенсивных боев, которая началась в 1940-е гг., однако только спустя два десятилетия была постепенно поставлена под определенный контроль и

использована для патриотического воспитания в рамках движения «красных следопытов». С 1960-х гг. было обращено более серьезное внимание на идентификацию обнаруженных останков бойцов Красной Армии, а найденные при них документы и военные реликвии стали передаваться в коллекции школьных, общественных и государственных музеев [см., например: 22]. В 1970–1980-е гг. широкий размах приобрела деятельность героико-патриотических клубов «Поиск» (Севастополь) и «Эльтиген» (Керчь). Найденные экспонаты не только пополняли школьные музеи и комнаты боевой славы, но и становились основой для самостоятельных экспозиций, как было с Музеем истории Эльтигенского десанта [23, с. 177–181]. Также «красные следопыты» активно участвовали в постановке на государственный учет и благоустройстве мест захоронения, расположенных в удаленных, труднодоступных местах, воспринимая это как свой гражданский долг перед павшими героями. Развитие следопытского движения было одним из проявлений местного гражданского активизма, иногда вступавшего в противоречие с государственной политикой памяти и, в определенной степени, способствовало формированию локальной идентичности [21, с. 23].

С 1972 г. Аджимушкайские каменоломни стали местом проведения ежегодной поисковой экспедиции, которая задумывалась как областная, но практически сразу приобрела всесоюзный масштаб. В её организации принимал участие Керченский историко-археологический музей и редакция журнала «Вокруг света», а общее кураторство осуществлял ЦК ВЛКСМ. Определенные материально-технические вопросы функционирования экспедиции обеспечивались армейскими подразделениями Одесского военного округа и рядом керченских предприятий. Активное участие в ней в разное время принимали группы энтузиастов из Керчи, Москвы, Днепропетровска, Одессы, Липецка, Миасса, Ростова-на-Дону, Свердловска, Симферополя и других городов. Участники экспедиции, которая, пережив многие организационные трансформации и исторические коллизии, продолжается до наших дней, постепенно совершенствовали методику исследования и обнаружили огромное количество останков защитников каменоломен, военных реликвий и документов [24, с. 260–272]. 15 мая 1982 г. состоялось торжественное открытие величественной мемориальной композиции у входа в Центральные каменоломни. Как вспоминает один из руководителей экспедиции в 1980–2000-е гг. Владимир Щербанов, именно в 1982 г. он впервые приехал в Аджимушкай из Ростова-на-Дону с целью принять участие в поисковых раскопках во время летних студенческих каникул. Вот как он описывает эту веху своей биографию, ставшую для него переломной: «Выйдя из музея, я… в десяти метрах от подземного заповедника оказался на «дикой» части каменоломен. Два метра от входа – и меня встретили пустые глазницы скелета, скрючившегося у стены. Рядом полуистлевшая лента от бескозырки, обломки оружия, осколки от гранат, минометные мины! <…> Тогда в 1982 г. во мне умер мальчик-идеалист, влюблённый в армию. Умер тяжело, в муках! Умер мальчик-идеалист, но родился Стыд перед погибшими. Вот так я попал в Аджимушкай!» [25, с. 77, 80].

Развивались и весьма специфические формы поисковой работы, например, деятельность по реставрации найденной боевой техники (самолеты, танки,

«Катюши», десантные катера) периода Великой Отечественной войны. Такая практика, требующая специального оборудования и профессиональных навыков, была в большей степени характерна для трудовых коллективов, а не учебных заведений. Например, в Новороссийске энтузиасты из числа рабочих судоремонтного завода подняли со дна Цемесской бухты и восстановили аутентичный внешний вид подбитого в годы войны советского самолета-штурмовика «Ил-2», который в 1980 г. был установлен на постаменте в непосредственной близости от мемориального комплекса «Малая земля» [26, с. 25–26].

Значительное количество мемориальных мероприятий было связано с искусством. Особенно активной была такая деятельность в связи с годовщинами и юбилеями памятных дат. Например, во время празднования 30-летия Победы в мае 1975 г., в Новороссийске был проведен Всесоюзный фестиваль военно-патриотической песни «Вставай, страна огромная» в котором приняли участие известные поэты, композиторы, солисты, вокальные, вокально-инструментальные и хоровые коллективы страны [27, л. 193–195]. Основной формой работы библиотек являлась организация книжных выставок и читательских конференций [см., например: 28, л. 51]. В ходе празднования 40-летия Победы в Севастополе городские кинотеатры не только демонстрировали большое количество художественных и документальных фильмов о Великой Отечественной войне, но также организовывали творческие встречи с создателями некоторых из этих кинопроизведений и даже создавали специальные клубы зрителей, имевшие героико-патриотическую направленность («К защите Родины – готов!», «Мы севастопольцы», «Великий Подвиг бессмертен!», «Воин – герой экрана») [29, л. 38–39].

Особый интерес вызывали мероприятия военно-патриотической направленности, связанные со спортом, туризмом и экскурсионным делом. С 1960-х гг. молодежь Новороссийска проводит традиционные походы по местам партизанских боев (т.н. «комсомольские поляны»). Активными участниками военно-исторических мероприятий были юные моряки Севастопольской детской морской флотилии [12, с. 104–111]. Регулярно проводились военно-патриотические игры школьников «Зарница» и «Орленок» [30, л. 6].

Большую работу не только с приезжими, но и с местными жителями проводили городские экскурсионные организации. Севастопольское бюро путешествий и экскурсий (СевБПиЭ) по масштабам своей деятельности занимало одно из ведущих мест среди аналогичных организаций СССР. Например, в 1977 г. Бюро было обслужено 3,5 млн. экскурсантов [31, с. 29]. Коллективом СевБПиЭ было разработано в общей сложности более 150 экскурсионных маршрутов, значительная часть которых имела историко-патриотическую направленность. Многие из которых были посвящены событиям Великой Отечественной войны: «Город-герой Севастополь», «Корабли Черноморского флота в обороне Севастополя», «Дорогами славы отцов», «Их подвиги бессмертны», «250 дней в огне», «Герои коммунистического подполья», «Славный путь севастопольской пионерии», «Огонь ведут гвардейцы 35-й», «Летчики-черноморцы», «Солдаты Дзержинского на

рубежах Севастополя» и др. [см.: 32]. Особое внимание уделялось обслуживанию детских и молодежных групп. Системная экскурсионная работа велась также среди личного состава военно-морского флота, курсантов военно-морских учебных заведений [33, л. 10].

Керченское экскурсионное бюро также организовывало многочисленные экскурсии военно-исторической и героико-патриотической тематики («Керчь – город-герой», «Огненная земля Эльтигена», «Герои Аджимушкая», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Пионер-герой Володя Дубинин», «По местам боев северо-восточнее Керчи», «Герои и подвиги бессмертны» и др.) [34, с. 101]. В 1974 г. по таким военно-историческими маршрутами в Керчи прошло свыше 40 тыс. экскурсантов, причем специально к 30-летию освобождения Крыма был разработан новый маршрут «Керчь и Новороссийск – города-побратимы» [33, л. 49, 52].

Одной из особенностей советской официальной мемориальной политики являлось то, что память о войне активно использовалась для трудовой мобилизации, направленной на увеличение производительности труда. Лучшим производственным бригадам предприятий и спущенным на воду морским судам присваивались имена погибших в годы войны героев. В 1965 г. возникла инициатива присваивать производственным бригадам предприятий имена погибших в годы войны героев, а также символически включать их в трудовой коллектив с перечислением начисленной зарплаты в Фонд мира. Одними из первых этот почин поддержали работницы Севастопольской швейной фабрики имени Героя Советского Союза Нины Ониловой [35, л. 25]. Память о героях Великой Отечественной войны увековечивалась также благодаря памятникам и памятным доскам, музеям и комнатам боевой славы на предприятиях. Регулярно проводились трудовые «вахты памяти», субботники по благоустройству мемориальных объектов [см., например: 12, с. 95]. Однако данная проекция исторической памяти носит специфический характер и, на наш взгляд, требует самостоятельного исследования.

Впрочем, было бы необъективно рассматривать данный вид деятельности исключительно в идиллическом контексте. В реальности, безусловно, имели место случаи формализма и попыток искусственного завышения количественных показателей, связанных с проведением военно-патриотических мероприятий. Также имели место случаи, когда отдельные представители молодежи городов-героев, на которых была направлена основная воспитательная деятельность, совершали откровенно антиобщественные поступки. В 1969 г. Комитетом государственной безопасности (КГБ) в городе Севастополе была выявлена тайная антисоветская группа – «Организация прогрессивной севастопольской молодежи». Молодые участники группы в возрасте 17–20 лет выступали за либерализацию общественной жизни в СССР и не только тайно распространяли соответствующие листовки, но и «намеревались осуществить поджог портретов руководителей партии и правительства, а также праздничной трибуны на майских торжествах» [36, л. 38–39]. Причём лидером этой группы являлась Мария Виргинская – дочь контр-адмирала В. Н. Виргинского и внучка адмирала, Героя Советского Союза Ф. С. Октябрьского, который командовал Черноморским военно-морским флотом в период Великой Отечественной войны.

Осенью 1970 г. двое керчан того же возраста захватили следовавший по маршруту Керчь – Краснодар пассажирский самолет и осуществили посадку на территории Турции, где сдались местным властям и попросили политического убежища. Как утверждал автор одной из докладных записок, подготовленных советскими органами власти в связи с этим инцидентом, «вышеуказанное преступление являлось следствием влияния … буржуазной пропаганды через заграничные радиостанции и выставки, а также упущений в их воспитании» [37, л. 24]. Но всё же такие факты были единичными и в целом не ставят под сомнение эффективность той колоссальной воспитательно-патриотической работы, которая проводилась среди севастопольцев, керчан и новороссийцев в рассматриваемый период.

Таким образом, связанная с коллективной памятью о Великой Отечественной войне воспитательно-патриотическая работа в городах-героях Причерноморья, которая резко активизировалась с середины 1960-х гг., отличалась массовой вовлеченностью различных поколений и категорий населения, системностью, разнообразием, общностью взглядов на события прошлого, в основном совпадавших с основными трендами государственной мемориальной политики. Также в значительной степени можно говорить о ритуализации мемориальных практик, когда всё связанное с героической памятью о Великой Отечественной войне приобретало явные признаки «светской сакральности». Такие общие тенденции имели место во всех рассмотренных нами приморских городах, несмотря на то, что с 1954 г. в административно-территориальном отношении они относились к разным союзным республикам (РСФСР и Украинской ССР) и официально получили статус городов-героев в разное время.

Список использованных источников и литературы

1. Подыма К. И. Счастливого плавания, «Шхуна ровесников»! – М.: Детская литература, 1975. – 127 с.

Podyma K. I. Schastlivogo plavanija, «Shhuna rovesnikov»! – M.: Detskaja literatura, 1975. – 127 s.

2. Емельянов С. Военная тайна Мальчиша-Кибальчиша // Родина. – 2017. – № 11. – С. 82–87.

Emel'janov S. Voennaja tajna Mal'chisha-Kibal'chisha // Rodina. – 2017. – № 11. – S. 82–87.

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 34, д. 196.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. M-1, op. 34, d. 196.

4. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. – 188 p.

5. Сибиряков И. В. Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. – 2016. – Т. 1, № 10. – С. 197–208.

Sibirjakov I. V. Sevastopol' i sevastopol'cy: problemy lokal'noj sovetskoj identichnosti // Diskursologija: metodologija, teorija, praktika. – 2016. – T. 1, № 10. – S. 197–208.

6. Кринко Е. Ф. Войны XX века в исторической памяти Юга России // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 17–25.

Krinko E. F. Vojny XX veka v istoricheskoj pamjati Juga Rossii // Pamjat' i vremja: vlijanie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Penza: Izd-vo PGU, 2016. – S. 17–25.

7. Попов А. Д. Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Причерноморья: советский опыт и преемственность традиций // История и современное развитие Причерноморья в

контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей Российской цивилизации: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 498–502.

Popov A. D. Pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v gorodah-gerojah Prichernomor'ja: sovetskij opyt i preemstvennost' tradicij // Istorija i sovremennoe razvitie Prichernomor'ja v kontekste formirovanija patriotizma i ukreplenija cennostej Rossijskoj civilizacii: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2018. – S. 498–502.

8. Юрина Т. И. Новороссийский феномен восприятия действительности через призму военной памяти // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 35–39.

Jurina T. I. Novorossijskij fenomen vosprijatija dejstvitel'nosti cherez prizmu voennoj pamjati // Pamjat' i vremja: vlijanie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Penza: Izd-vo PGU, 2016. – S. 35–39.

9. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. – London: I.B. Taurus, 2018. – 351 p.

10. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Исторические науки и археология». – 2019. – № 2. – С. 55–62.

Popov A. D., Roman'ko O. V. Pamjatniki Velikoj Otechestvennoj vojny v pozdnij sovetskij period: mnogoobrazie social'nyh funkcij i praktik // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki i arheologija». – 2019. – № 2. – S. 55–62.

11. Белая С. «Все, что было не со мной, помню» // Новороссийский рабочий. – 1974. – 6 сентября.

Belaja S. «Vse, chto bylo ne so mnoj, pomnju» // Novorossijskij rabochij. – 1974. – 6 sentjabrja.

12. Равнение на подвиг: Сборник / Авт.-сост. Кузьмина В. Г., Орлова Г. В., Ищенко Г. Г. – Симферополь: Таврия, 1988. – 144 с.

Ravnenie na podvig: Sbornik / Avt.-sost. Kuz'mina V. G., Orlova G. V., Ishhenko G. G. – Simferopol': Tavrija, 1988. – 144 s.

13. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

Hobsbaum Je. Izobretenie tradicij // Vestnik Evrazii. – 2000. – № 1. – S. 47–62.

14. Подольский А. Автору «Бригантины» // Литературная газета. – 1968. – 25 декабря.

Podol'skij A. Avtoru «Brigantiny» // Literaturnaja gazeta. – 1968. – 25 dekabrja.

15. Поженян Г. Камни Аджимушкая // Известия. – 1967. – 24 октября.

Pozhenjan G. Kamni Adzhimushkaja // Izvestija. – 1967. – 24 oktjabrja.

16. Ищенко Г. Севастополь // Правда. – 1966. – 10 мая.

Ishhenko G. Sevastopol' // Pravda. – 1966. – 10 maja.

17. Никитина И. В. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. История становления и развития музейного комплекса // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 116. – С. 50–55.

Nikitina I. V. Muzej geroicheskoj oborony i osvobozhdenija Sevastopolja. Istorija stanovlenija i razvitija muzejnogo kompleksa // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 116. – S. 50–55.

18. Музеи Крыма: Путеводитель / Сост. В.Н. Барбух. – Симферополь: Таврия, 1988. – 144 с.

Muzei Kryma: Putevoditel' / Sost. V.N. Barbuh. – Simferopol': Tavrija, 1988. – 144 s.

19. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-2865, оп. 2, д. 306.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-2865, op. 2, d. 306.

20. ГАРК, ф. Р-2865, оп. 2, д. 247.

GARK, f. R-2865, op. 2, d. 247.

21. Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. – 2018. – № 37. – С. 20–53.

Mel'nikova E. A. Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-h gg. v SSSR // Antropologicheskij forum. – 2018. – № 37. – S. 20–53.

22. Иконников Ю. Сергей Надтока «Может одни мы только и знаем о нем…» // Смена. – 1975. – № 1. – С. 1–3.

Ikonnikov Ju. Sergej Nadtoka «Mozhet odni my tol'ko i znaem o nem…» // Smena. – 1975. – № 1. – S. 1–3.

23. Славин Н. А. Эльтиген. Взгляд сквозь десятилетия. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – 184 с.

Slavin N. A. Jel'tigen. Vzgljad skvoz' desjatiletija. – Simferopol': Krymuchpedgiz, 2004. – 184 s.

24. Демиденко О. И., Симонов В. В. Военно-поисковая экспедиция «Аджимушкай»: страницы истории // Открывая тайны Аджимушкая: сборник / Под ред. В. К. Щербанова. – Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 2012. – С. 257–272.

Demidenko O. I., Simonov V. V. Voenno-poiskovaja jekspedicija «Adzhimushkaj»: stranicy istorii // Otkryvaja tajny Adzhimushkaja: sbornik / Pod red. V. K. Shherbanova. – Rostov-na-Donu: Prof-Press, 2012. – S. 257–272.

25. Щербанов В. Вхождение в тайну // Там же. – С. 73–81.

Shherbanov V. Vhozhdenie v tajnu // Tam zhe. – S. 73–81.

26. Орлов В. Слово – часовым истории // Техника – молодежи. – 1981. –№ 2. – С. 22–26.

Orlov V. Slovo – chasovym istorii // Tehnika – molodezhi. – 1981. – № 2. – S. 22–26.

27. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 883.

RGASPI, f. M-1, op. 34, d. 883.

28. ГАРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 498.

GARK, f. R-3319, op. 1, d. 498.

29. Там же, ф. П-1, оп. 10, д. 211.

Tam zhe, f. P-1, op. 10, d. 211.

30. Там же, ф. П-220, оп. 1, д. 420.

Tam zhe, f. P-220, op. 1, d. 420.

31. Шувалова З. Е. Использование экскурсионно-туристической работы в системе патриотического воспитания трудящихся // Экскурсии миллионов: актуальные задачи экскурсионной работы в свете решений XXV съезда КПСС. – Киев: Реклама, 1978. – С. 29–33.

Shuvalova Z. E. Ispol'zovanie jekskursionno-turisticheskoj raboty v sisteme patrioticheskogo vospitanija trudjashhihsja // Jekskursii millionov: aktual'nye zadachi jekskursionnoj raboty v svete reshenij XXV s'ezda KPSS. – Kiev: Reklama, 1978. – S. 29–33.

32. Севастополь: перечень экскурсий, маршрутов выходного дня и путешествий. – Севастополь: Б. и., 1983. – 63 с.

Sevastopol': perechen' jekskursij, marshrutov vyhodnogo dnja i puteshestvij. – Sevastopol': B. i., 1983. – 63 s.

33. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 474.

GARK, f. R-3512, op. 1, d. 474.

34. Славич С. К. Город-герой Керчь: очерк-путеводитель. Изд. 2-е, доп. – Симферополь: Таврия, 1976. – 104 с.

Slavich S. K. Gorod-geroj Kerch': ocherk-putevoditel'. Izd. 2-e, dop. – Simferopol': Tavrija, 1976. – 104 s.

35. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 32, д. 1193.

RGASPI, f. M-1, op. 32, d. 1193.

36. ГАРК, ф. П-1, оп. 4, д. 503.

GARK, f. P-1, op. 4, d. 503.

37. Там же, д. 633.

Tam zhe, d. 633.

Popov A. D. «With memory in heart»: patriotic education and memorial traditions in the hero cities Sevastopol, Kerch and Novorossiysk (1950-1980)

In the article on the basis of a wide range of the archival and published sources the main forms and methods of the patriotic education in Sevastopol, Kerch and Novorossiysk which were connected with the memory of the Great Patriotic War are characterized. On the basis of the comparative analysis of the main institutional forms (memorial, museum, search, spectacular, tourist, excursion, sports) and the ritual practices of a commemoration, the author comes to a conclusion that educational and patriotic work in the hero cities of Black Sea Coast differed in the mass involvement of various generations and categories of the population, system, a variety, similarity of views of past events. The period of acute activation of such activity occurs in

the second half of the 1960s. In general, the patriotic education and memorial traditions in all mentioned cities developed within the general canon in spite of the fact that since 1954 in the administrative-territorial relation they belonged to two different federal republics and officially received the status of hero cities in different years.

Keywords: historical memory, Great Patriotic War, Hero City, education, patriotism, memorial culture, USSR.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 5 (71), № 4. 2019 г.

УДК 339.1

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК БЕРНГАРД БОРИСОВИЧ КАФЕНГАУЗ И ЕГО «ОЧЕРКИ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА»

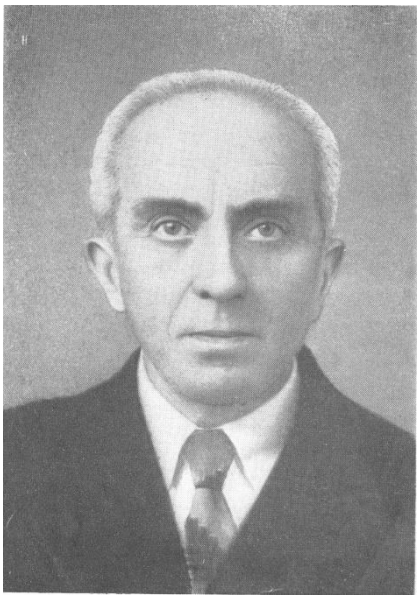
Раздорский А. И.

Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: razdor@nlr.ru

В статье представлены краткие биографические сведения о советском историке Бернгарде Борисовиче Кафенгаузе (1894–1969), показана сфера его научных интересов, перечислены основные исследования. Подробным образом проанализирована одна из главных научных работ ученого – монография «Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века», подготовленная по материалам таможенных книг различных регионов России.

Ключевые слова*:* источниковедение, историография, экономическая история, история торговли, таможенные книги, Кафенгауз Бернгард Борисович

Жизнь и труды большого ученого всегда являются частью
истории науки и строкой в истории страны, ее народа.
А. А. Преображенский



Выдающийся советский историк Бернгард (Борис) Борисович Кафенгауз родился 1 (13) июля 1894 г. в г. Проскуров Подольской губернии (ныне г. Хмельницкий, Украина) в еврейской семье. С трехлетнего возраста будущий ученый жил в Москве. Его отец – мелкий торговый служащий – принял лютеранство и крестил сына. После окончания 4-й Московской гимназии Бернгард поступил в 1913 г. на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1920 г. Будучи студентом он вынужден был подрабатывать: сначала в качестве статистика при Московской городской управе, а после Октябрьской революции – в той же должности в Моссовете. Учась в университете Кафенгауз специализировался по русской истории, посещал семинары М. М. Богословского, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева. По окончании курса он был оставлен при университете для подготовки к научно-педагогической деятельности, затем поступил в аспирантуру

Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Одновременно занимался краеведением, работал в Москве экскурсоводом, трудился даже педагогом-воспитателем Воздвиженской детской колонии. Позднее служил статистиком-экономистом в Наркомторге СССР и РСФСР, а затем стал старшим научным сотрудником научно-исследовательского института, подведомственного тому же Наркомату. «Большая деятельность в качестве статистика-экономиста, отмечал Л. В. Черепнин, пробудила в Бернгарде Борисовиче интерес к истории народного хозяйства, к социальной проблематике и воспитала в нем точность исследовательской методики, осторожность в обобщениях, которые он всегда возводил на твердом фундаменте массового материала, подкрепляя их цифровыми показателями» [20, с. 196]. Опыт, полученный Кафенгаузом в ходе занятий торговой статистикой, впоследствии пригодился ему при подготовке монографии о внутрироссийском рынке XVIII в., о которой пойдет речь ниже.

Формирование интереса к историко-экономической проблематике и выработка склонности к статистическим методам обработки исторических источников у Бернгарда Борисовича, помимо собственной профессиональной деятельности в качестве статистика, происходили, вероятно, не без влияния его старшего брата Льва (Леона) (1885–1940) – известного ученого-экономиста и политического деятеля. В 1917 г. Л. Б. Кафенгауз успел побывать товарищем министра торговли и промышленности в последнем составе Временного правительства, а после Октябрьской революции работал в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ), где заведовал центральным отделом статистики. В 1920-е гг. он выпускал ежегодник «Промышленность СССР», редактировал ежемесячный статистический бюллетень ВСНХ, в 1930-е гг. читал лекции в Московском промышленно-экономическом институте, а с 1937 г. работал в Институте экономики АН СССР (см. о нем: [11]).

В 1930 г. Б. Б. Кафенгауз был принят на должность доцента в Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. С 1936 г. он доцент МГУ (с 1948 г. – профессор). В 1940 г. Бернгард Борисович был зачислен в штат Института истории АН СССР, в котором проработал до выхода на пенсию в 1965 г. В 1938 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству известного публициста первой четверти XVIII в. Ивана Посошкова (годом ранее ученый осуществил первую подлинно научную публикацию написанной Посошковым «Книги о скудости и богатстве» [13]). В 1946 г. Кафенгауз защитил докторскую диссертацию о хозяйстве промышленников Демидовых в XVIII столетии, материалы для которой он собирал в московских, а также в уральских архивах во время Великой Отечественной войны. В 1949 г. это капитальное исследование было издано в виде монографии [5]. До конца жизни ученый готовил материалы для ее второго тома, посвященного XIX в., но завершить работу над ним не успел.

Круг научных интересов Б. Б. Кафенгауза отличался значительной широтой как в тематическом, так и в хронологическом плане. Ученый занимался различными аспектами социально-экономической истории страны в XVIII в., истории общественной мысли России, а также уделял внимание вопросам источниковедения

и историографии. Излюбленной темой его научных штудий на протяжении всей жизни являлась история Пскова. Бернгард Борисович принимал участие в подготовке таких фундаментальных изданий как «Очерки истории СССР», «Очерки истории исторической науки в СССР», «История Москвы», «Письма и бумаги Петра Великого». Он обращался к изучению таких разных по происхождению источников как Русская Правда, Псковская судная грамота, новгородские берестяные грамоты, купеческие мемуары. К 1964 г. ученым было опубликовано 170 научных работ (список публикаций за 1923–1963 гг. см.: [17]). Большинство из них, даже самые ранние (например, вышедшая еще в 1923 г. статья «Строительные архивы как источник краеведения»), сохраняют свою актуальность по сию пору.

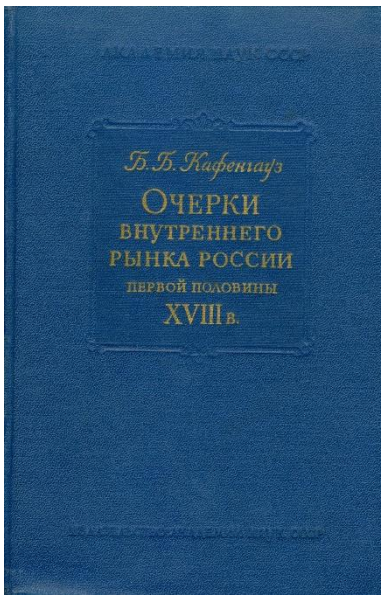
Бернгард Борисович был разносторонней личностью. Он проявил себя и как драматург, написав пьесу «Радищев – рабства враг» (а также подготовив на ее основе сценарий для кинофильма), и как художник, увлеченно рисовавший в редкие минуты отдыха пейзажи, натюрморты и портреты.

Б. Б. Кафенгауз скончался 27 июня 1969 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище столицы[1].

Архив ученого находится в Архиве РАН (ф. 1580).

* * *

В 1958 г. Кафенгауз опубликовал монографию «Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен)» [6]. Источниковую базу этой работы составили несколько таможенных книг 1710–1730-х гг., относящихся к различным регионам Европейской части страны – Северо-Западу, Поволжью, Северу, Югу, а также некоторые таможенные книги Москвы. Помимо документов XVIII в., ученый привлек к исследованию также книги Московской Большой таможни 1693/94 г.



В «Археографическом ежегоднике» за 1957 г., вышедшем в том же 1958 г., Кафенгауз опубликовал источниковедческий обзор 143 таможенных книг XVIII в., хранящихся в фонде Камер-коллегии Центрального государственного архива древних актов (ныне это фонд 273 Российского государственного архива древних актов – РГАДА). Наиболее подробно им были охарактеризованы таможенные книги, использованные при подготовке рассматриваемой монографии [7].

Следует отметить, что монографию о внутренней торговле России в XVIII в., основанную на материалах таможенных книг, Кафенгауз предполагал подготовить в качестве кандидатской диссертации еще до войны, однако, затем отложил эту тему [20, с. 197]. Позднее ученый рассматривал

[1] Биографические сведения о Б. Б. Кафенгаузе приведены по: [12, 14, 20].

возможность вернуться к данной проблематике уже при подготовки докторской диссертации[1], но в итоге принялся все же за разработку «демидовской» темы (это было сделано по настоятельной рекомендации заместителя директора Института истории АН СССР А. М. Панкратовой, полагавшей, что находившийся в эвакуации на Урале историк должен сделать что-то полезное именно для этого региона) [20, с. 198].

Во вводной главе монографии представлен краткий обзор таможенных книг из фонда Камер-коллегии[2]. Здесь же помещены сведения по истории таможенной системы, действовавшей в первой половине XVIII в. в России, в частности, классифицированы виды таможенных выписей, выдававшихся торговцам, указаны размеры существовавших таможенных сборов и описан порядок их уплаты.

Во второй главе изложены результаты изучения таможенной книги Новгорода 1714 г. «Эта таможенная книга, отмечал Кафенгауз, представляет большой интерес не только для изучения тех изменений, которые внесло в русский рынок присоединение Прибалтики, но и сама по себе как источник по истории Новгорода» [6, с. 33]. Кроме того, этот документ дает некоторое представление о товарных потоках, направлявшихся в Петербург. Рассмотрение книги 1714 г. предваряет анализ «Новгородской» книги Московской Большой таможни 1693/94 г. Отметив, что данный источник был основательно изучен Д. И. Тверской в ее еще неопубликованной на тот момент диссертации (она вышла в свет только через год после издания монографии Кафенгауза [19]), автор подчеркнул, что счел необходимым вновь выполнить разработку данного документа в части привоза в Москву новгородских товаров. В его работе приведены сведения о количестве таможенных явок и товарных партий, зарегистрированных в «Новгородской» книге в течение 1693/94 г., численности упомянутых в ней купцов, совокупной стоимости проданных товаров, показано распределение числа явок и общей стоимости товаров по пунктам отправления (таможням), обозначен объем привоза в столицу железа и цветных металлов.

Таможенная книга 1714 г. состоит из нескольких частей («книг»). По данным «товарной» книги, в которой фиксировались привезенные в город товары, Кафенгаузом определено число товарных партий и установлена совокупная стоимость товарного привоза. Автором рассмотрены сезонные колебания в поставках товаров (распределение количества явок и общей стоимости товаров по месяцам и кварталам), товарный ассортимент (общие суммы продажи и покупки отдельных видов товаров), объемы поставок различных товаров. Проанализирована география товарного привоза, отмечены районы, откуда преимущественно поступали те или иные товары, показано количество товарных партий и их общая стоимость по отдельным городам. Изучен социальный состав торговцев (приведено

[1] Некоторые подготовленные им в этот период материалы нашли отражение, в частности, в статье о географии внутренней торговли России, опубликованной в 1950 г. (см.: [4]).

[2] Подробная количественная, хронологическая и географическая характеристика таможенных книг XVIII в., хранящихся в различных фондах РГАДА (в том числе фонде 273), представлена в специальной статье автора настоящей работы [16].

распределение явок и общей стоимости товаров между представителями различных социальных групп), прослежено распределение товарных партий в их стоимостном выражении. Данные о продаже товаров, купленных в Новгороде на «явленные» деньги, проанализированы за три месяца (март, октябрь, декабрь). Кафенгауз отметил, что эти сведения «позволяют выяснить в отдельных случаях разницу между суммой, затраченной на покупку товара на месте, и продажной стоимостью его. В эту разницу входили как торговые и транспортные расходы, так и торговая прибыль» [6, с. 68]. В книге с распределением по городам (или группам городов) представлены показатели о количестве таможенных записей, в которых зафиксированы подобные торговые операции, преобладающий ассортимент товаров, общие суммы покупки и продажи и нормы прибыли к покупной цене.

По материалам «хлебной» книги Кафенгауз проанализировал различные аспекты торговли хлебом в Новгороде в январе и мае 1714 г. (остальные месяцы были исключены из статистической разработки ввиду ее трудоемкости): географию хлебных поставок, в частности, распределение числа хлебных явок и общей стоимости доставленного хлеба между новгородскими пятинами и другими уездами в январе, соотношение числа явок, стоимости и объема хлебного привоза между отдельными населенными пунктами в мае; социальный статус хлеботорговцев (распределение явок, объема и стоимости привоза между различными социальными группами в мае и сентябре); группировку хлебных партий, доставленных крестьянами новгородских пятин и жителями других регионов, по объему в мае. Автор сопоставил суммы продажи и покупки хлеба в торговых операциях отдельных купцов и определил нормы полученной ими прибыли (приняв во внимание социальный статус торговцев и пункты закупки хлеба). Кроме того, были прослежены сезонные колебания в хлебной торговле в течение всего года (количество явок и совокупная стоимость хлебных партий по месяцам).

На основе «весчей» книги Кафенгаузом были установлены объем и общая стоимость привоза в Новгород в течение 1714 г. отдельных видов подлежащих взвешиванию на казенных весах товаров: воска, меда, хмеля, икры, мяса, сахара, металлов и др., проанализированы сезонные колебания в данной сфере рыночных операций, показано распределение числа товарных партий и их общей стоимости по пунктам отправки, выявлена товарная специализация регионов в поставках различных «весчих» товаров.

Обработав содержащиеся в новгородской таможенной книге 1714 г. записи сбора пошлин «с пригонных продажных лесов и тесу и дров и уголья с реки Вишеры и с реки Мсты» автор определил объем и общую стоимость доставленных в город леса и лесоматериалов, а по записям о взимании пошлин с мелочной уличной торговли вывел результаты о суммах этих сборов по месяцам.

По итогам выборочного изучения «отпускной» книги товаров из Новгорода в 1714 г. (проанализированы данные за май, сентябрь и декабрь) были установлены совокупная стоимость отдельных видов товаров, отправленных в другие места и показано распределение отпущенных товарных партий (с указанием их общей стоимости) по пунктам назначения. Автор проанализировал также количество отправленных товарных партий по месяцам за весь год, а также привел данные об

«отъявочных товарах», отпущенных из Новгорода в Архангельск, Петербург и Ярославль и проданных в течение следующего 1715 г.

В заключительной части главы, посвященной торговле Новгорода в 1714 г., приведены данные о ценах на рожь, ржаную и пшеничную муку, жито и овес по месяцам, а также о стоимости ряда других товаров (скот, лен, пенька, ткани, железо и др.). При этом автор отметил, что «сведения таможенной книги о ценах требуют осторожного отношения ввиду возможного стремления торговцев уменьшить сумму продажи в целях снижения пошлин» [6, с. 106]. В отдельной таблице представлены итоги товарооборота по каждой из составных частей таможенной книги 1714 г.

Третья глава монографии посвящена Макарьевской ярмарке. Кафенгауз привлек к исследованию две таможенные книги этой ярмарки за 1720 г. Первая книга объединяет сшитые вместе 21 часть («книгу») по регистрации внутренних пошлин в Большой таможне Макарьевской ярмарки, вторая – содержит 4 «книги» делопроизводства Рыбной ярмарочной таможни. Автор отметил, что анализ общей суммы таможенных сборов на ярмарке 1720 г. по данным таможенной книги и ведомости Камер-коллегии свидетельствует о том, что в таможенной книге зафиксировано только 3/4 ярмарочного товарооборота. В монографии по документам Камер-коллегии представлены сведения об итоговых суммах пошлинных сборов на ярмарке с 1700 по 1728 г. с подразделением на таможенные, соляные и рыбные, прослежена их динамика в связи с изменениями военно-политической и социально-экономической ситуации в стране.

Кафенгауз установил ассортимент и совокупную стоимость отдельных групп товаров «московского привоза», проследил цены, по которым товары закупались в Москве и сбывались на ярмарке, проанализировал ярмарочный товарооборот по «книгам» провинциальных городов центра страны, северной и южной окраин (подсчитаны количество явок, суммы привоза по выписным ценам и суммы продажи по выписным и ярмарочным ценам, стоимость непроданных товаров), показал распределение по стоимости привоза отдельных групп товаров, доставленных из разных городов, сделал обзор географии товарных поставок, выделив города, из которых на ярмарку везли наиболее значительные в стоимостном выражении партии товаров.

По словам автора монографии, исключительное значение в оборотах Макарьевской ярмарки имел привоз из Астрахани, регистрировавшийся в особых «книгах». Исследователем были проанализированы три «книги» Большой ярмарочной таможни, специально посвященные астраханскому привозу, и четыре «книги» Рыбной таможни по продаже на ярмарке астраханской рыбы. На основании этих документов были установлены число явок «астраханских» товаров и их совокупная стоимость по выписным ценам, сумма продажи по выписным и продажным ценам, общая стоимость непроданных товаров и суммы собранных пошлин. Кафенгауз рассмотрел ассортимент товаров, доставлявшихся из Астрахани, показал распределение основных групп товаров по общей стоимости, привел примеры торговых операций крупнейших рыботорговцев (с указанием их социального статуса, пунктов отправки товара, его выписной и продажной цены и нормы прибыли), проанализировал распределение партий рыбы в стоимостном

выражении. Прослежены также торговые операции на ярмарке торговцев из Ярославля и Вологды, Яренска и Каргополя (количество доставленных товарных партий, общая стоимость привоза, выписные и продажные цены, размер собранных пошлин), а также рассмотрен «сибирский привоз» (число явок и общая стоимость товаров по пунктам отправки, состав товарооборота по отдельным группам товаров, география поставок). Интерес представляют приведенные в книге данные о продаже на ярмарке лодок и стругов.

В числе итоговых показателей товарной продажи на ярмарке в книге Кафенгауза представлены общее количество таможенных явок, совокупная стоимость проданных товаров и сумма взятых с них пошлин, показано распределение оборота продажи по важнейшим товарным группам (текстиль, продовольствие, металлы и изделия из них и др.), а также по губерниям и по отдельным городам (пунктам отправки).

Особо рассмотрены закупочные операции и отпуск товаров с Макарьевской ярмарки. Автором приведены сведения о количестве явок, общих суммах покупки и размерах взятых с покупателей пошлин по четырем статьям: на явленные деньги, на товарные деньги, рыба, товары без выписи. Проанализировано распределение основных групп скупленных товаров по их совокупной стоимости, обозначены основные пункты отправки товаров с ярмарки (Свинская ярмарка, Москва, Астрахань), выявлен товарный ассортимент и указаны объемы отправки отдельных видов товаров. Отдельно приведены данные об отпуске с ярмарки рыбы: группировка закупочных операций по суммам оборотов, число покупок рыбы крестьянами (с распределением по уездам), распределение совокупной стоимости скупленной рыбы по губерниям и по отдельным городам. Автором сделан также обзор рыночных цен на ярмарке в 1720 г.

В четвертой главе монографии представлены итоги изучения нескольких таможенных книг Москвы 1720–1730-х гг. Кафенгауз отметил, что к 1754 г. в Московской Большой таможне одновременно велись 48 таможенных книг. В пяти других столичных таможнях велось еще 19 книг: в таможне, взимавшей пошлины с «мягкой рухляди» и кож, – 5 книг, в Мытейной таможне, где регистрировался скот, – 3 книги, в Померной таможне, взимавшей сборы с хлеба, – 2 книги, в таможне «хмелевого, медового, холщевого и протчих сборов» – 5 книг, в Хомутной таможне, производившей клеймение хомутов и ведавшей наймом подвод и купцов – 4 книги. Всего, таким образом, к середине XVIII в. комплекс столичной таможенной делопроизводственной документации включал 67 книг [6, с. 192]. В рассматриваемой работе использованы материалы четырех московских таможенных книг – трех книг привоза сибирских и российских товаров за 1726 г. и книга отпуска товаров с московского гостиного двора за 1737 г.

По данным таможенной книги сибирского привоза 1726 г. (большая часть записей в ней относится к январю, февралю и декабрю) установлены количество товарных партий и их совокупная стоимость, объемы поставок и совокупная стоимость отдельных товаров, проанализирована группировка товарных партий в стоимостном выражении, прослежена географическая принадлежность купцов, доставлявших товары из Сибири в Москву. На основании книг привоза товаров

отечественного происхождения, содержащих сведения за первые три месяца 1726 г., выявлены общее количество явок, объемы и совокупная стоимость поставок отдельных товаров, география привоза, рассмотрены данные о привозе рыбы и икры с Поволжья (число партий и их общая стоимость с распределением по пунктам отправки), кож и мехов, железа, тканей (география поставок, состав и объем отдельных товарных партий). В монографии показано распределение совокупной закупочной стоимости привезенных в Москву товаров по губерниям, в которых они были приобретены, проанализирован социальный состав торговцев, группировка товарных партий по их стоимости, а также рыночные цены.

«Книга записная спускным ерлыкам з Гостина двора» 1737 г., по словам Кафенгауза, интересна прежде всего в том отношении, что содержит сведения «о продукции крупных московских промышленных предприятий, об их сбыте, а также о снабжении их сырьем и материалами». Автором установлено общее число внесенных в книгу ярлыков, показано распределение таможенных явок по месяцам. В работе подробным образом рассмотрены сведения за два месяца – за июнь и декабрь. При этом были прослежены социальный состав купцов, отправлявших товары с гостиного двора, маршруты отправки товаров, распределение товарных партий по пунктам отправки (в декабре).

Пятая глава посвящена изучению хлебного рынка Москвы[1]. Для раскрытия этой темы Кафенгаузом были использованы пять таможенных книг столичной Померной таможни – за 1723, 1728, 1731, 1735 и 1737 гг. Исследователь проанализировал привоз хлеба в 1723 г. (количество явок и совокупная стоимость привезенного хлеба с распределением товарных партий по способу доставки – водой и гужом), социальный состав торговцев, доставивших хлеб гужом в октябре–декабре 1723 г., группировку хлебных партий в стоимостном выражении (с подразделением поставщиков по социальному признаку – на крестьян и помещиков) и распределение привоза хлеба крестьянами в зависимости от их местожительства (число явок, объемы и стоимость продажи) в тот же период. За 1728 г. показано количество явок и совокупная стоимость хлеба, доставленного водой и гужом, прослежено соотношение в поставках крестьянского и помещичьего хлеба. Из книги 1731 г. извлечены данные только за сентябрь и декабрь. Автор проанализировал группировку хлебных партий по социальному составу торговцев (за сентябрь и декабрь), совокупную стоимость продажи хлеба с распределением по культурам (за декабрь), географический состав крестьян-хлеботорговцев (число явок, объем и стоимость поставок) (за декабрь). За январь 1735 г. установлены объемы продажи хлеба, в частности, выявлены последствия неурожая, а также прослежена география хлебных поставок. По данным книги 1737 г., которая полностью посвящена учету партий хлеба, доставленных в Москву водой в период навигации с апреля по ноябрь, приведено количество явок и объемы поставок, соотношение культур по объему и общей стоимости, прослежена география привоза, показана группировка товарных партий по стоимости. Кафенгауз

[1] По данной теме автором монографии в период, предшествовавший ее выходу в свет, были опубликованы две статьи (см.: [8, 9]).

проанализировал цены на хлеб в 1737 г., в частности, продемонстрировал как нарастала цена от закупки хлеба на месте до момента его продажи в Москве.

В шестой главе приведены результаты изучения таможенной книги Благовещенской ярмарки на Ваге за 1725 г. Эта ярмарка в то время являлась одной из крупнейших в обширной Архангельской губернии. Автор привел сведения о численности торговцев – съемщиков лавок на ярмарке с распределением по местожительству и количеству снимаемых лавок, о количестве таможенных явок, общей сумме товарной продажи и закупки на явленные деньги, о суммах собранных пошлин, о количестве отъявленных товарных партий, рассмотрел товарный ассортимент, отметил число явок, совокупную стоимость и объемы поставок отдельных товаров, проследил географию товарных поставок, в частности, количество явок и совокупную стоимость товарных партий с распределением по пунктам отправки, проанализировал состав товаров, закупленных на явленные деньги (с указанием числа явок и совокупной стоимости закупок), группировку числа явок и суммы закупки товаров на явленные деньги по пунктам отправления, распределение торговцев на ярмарке (с указанием количества явок) по отдельным населенным пунктам.

Кафенгауз особо отметил, что «таможенная книга Благовещенской ярмарки, как и ряд других таможенных книг, позволяет сделать некоторые наблюдения над грамотностью торговцев, так как почти все таможенные явки имеют подпись товаровладельца, купца или его работника. За неграмотностью подписывалось другое лицо с указанием, что он расписался «по его веленью». Прослеживая эти записи, следует сделать вывод о значительном распространении грамотности среди поморского населения, в особенности в его торговой, посадской среде» [6, с. 283, 285]. По данным изученного источника автор привел сведения о численности грамотных и неграмотных купцов и работников, посетивших Благовещенскую ярмарку.

Седьмая глава посвящена рассмотрению торговых связей между Великороссией и Малороссией[1]. В начальной части главы приведены данные из «Малороссийской» книги Московской Большой таможни 1693/94 г.: количество зарегистрированных товарных партий, доставленных в Москву из Малороссии, совокупная стоимость товарного привоза с октября 1693 г. по август 1694 г., пункты отправки товаров, товарный ассортимент, распределение торговцев по местожительству (с указанием числа явок и совокупной стоимости проданных товаров), группировка товарных партий в стоимостном выражении. Кафенгуаз отметил, что в отношении регистрации товаропотока в Москву из Малороссии указанный источник не полон: в нем нет данных о пригоне малороссийского скота, не отражены товары, привезенные из Малороссии великорусскими купцами.

Центральное место в главе уделено анализу таможенной книги Курска 1720 г.[2] Рассмотрение этого источника предваряют общие сведения о Курске (численность посадского населения по I и II ревизиям, трассировка дорог, проходивших через город и др.). В результате статистической разработки таможенной книги Кафенгауз

[1] Частично эта глава была опубликована автором в 1954 г. (см.: [10]).

[2] Опубликована в 2007 г. автором настоящей статьи [15].

установил количество зафиксированных в ней явок, общую сумму товарооборота таможни, объемы поставок товаров, распределение явок и сумм товарного привоза и отпуска между малороссийскими и остальными городами, совокупную стоимость основных видов привезенных товаров (с распределением на доставленные из Малороссии, из других районов и купленных в Курске), показал роль различных районов в доставке тех или иных товаров, отметил количество товарных партий и их совокупную стоимость по отдельным городам. Был проанализирован также отпуск товаров из Курска, в частности, рассчитана совокупная стоимость основных видов товаров, отпущенных из Курска в Малороссию, другие регионы и товаров, проданных в Курске, прослежено распределение отправленных товарных партий и суммы отпуска по отдельным городам и по губерниям. Автор произвел также подсчет общего количества явок, совокупной стоимости товаров, проданных в Курске, оборота торговли скотом и мясом, рыбой и икрой в городе, выявил преобладающий ассортимент товаров, прошедших Курскую таможню в июне и декабре 1720 г., изучил грузооборот местной таможни по месяцам и кварталам (число товарных партий, суммы собранных пошлин и товарооборота), сделал ряд наблюдений относительно социального состава торговцев, зарегистрированных таможенной книге в 1720 г. (количество явок по губерниям и городам с распределением на посадских людей и крестьян). Кафенгауз привел также данные о ценах на товары, провозившиеся через Курскую таможню из Малороссии и сравнил стоимость ряда товаров, зафиксированных в таможенных книгах Курска и Макарьевской ярмарки 1720 г.

Ученым была также кратко охарактеризована казенная питейная и табачная торговля в Курске в 1720 г.: приведены закупочные и отпускные цены на хлебное вино, показаны объем продаж вина и кислого меда, размер казенной прибыли от сбыта этих напитков, обороты питейной торговли, объем проданного за год табака и его отпускная цена.

Следует отметить, что данные таможенной книги Курска 1720 г. рассматривались Кафенгаузом в статике и с аналогичными показателями курских таможенных книг XVII в. не сопоставлялись. Кроме того, сведения об ассортименте и объемах поставок отдельных товаров, а также данные о рыночных ценах, содержащиеся в указанном источнике, были приведены им не полностью.

Помимо курской таможенной книги исследователь привлек к изучению также фрагмент таможенной книги Брянска 1726 г. (проанализированы записи за январь). Им было установлено количество товарных партий, зарегистрированных в Брянской таможне в течение месяца, перечислены основные товары, закупавшиеся в Брянске и его уезде и пункты их отправки, указано число товарных партий, прошедших через Брянск из Малороссии и отмечена их совокупная стоимость, приведены объемы поставок конопляного масла, зерна (с указанием пунктов отправки этих товаров), хлебного вина, табака, мяса и сала, шкур и кож, представлены начальная и подрядная стоимость вина, совокупная стоимость провезенного табака, выявлены основные виды товаров, направлявшихся через Брянск из Великороссии в Малороссию.

В работе приведены также примеры некоторых торговых операций, зафиксированных в таможенной книге Болхова 1725 г.

В конце каждой главы автором предприняты попытки сравнительного анализа цен на отдельные товары, приведенные в изученных им таможенных книгах XVIII в., с ценами начала XX в. (главным образом на 1913 г.), с целью проследить процессы удорожания стоимости товаров, происходившие на протяжении двух веков.

«Изучение сохранившегося делопроизводства внутренних таможен за 10–30-е годы XVIII в., констатировал завершая свою монографию ученый, при всей его отрывочности и неполноте все же позволяет довольно отчетливо представить особенности всероссийского рынка в этот период» [6, с. 320]. Далее Бернгард Борисович отметил, что «разработка материалов внутренних таможен начала XVIII в. показывает <…> не только наличие обширных областных рынков (Центральный район, Северо-запад, Украинский район, Поволжье, Север и сибирские рынки), но и связи между ними. Образование всероссийского рынка протекало на основе географического разделения труда, экономического развития районов, которые до некоторой степени уже делились на промысловые – нечерноземные и преимущественно сельскохозяйственные – черноземные» [6, с. 323]. Исследование экономики страны в целом и процесса формирования всероссийского рынка в частности, по мнению автора, немыслимо без изучения внутренней торговли. «Наши представления об экономических преобразованиях первой четверти XVIII в. и об их последствиях на протяжении всего этого столетия, подчеркивал Кафенгауз, не должны ограничиваться развитием мануфактур и внешней торговли, роль внутреннего рынка на основе зарождавшейся экономической специализации районов была значительной» [6, с. 323–324].

* * *

Бернгард Борисович очень ждал выхода своей книги. По словам А. А. Преображенского, «он имел основания гордиться своим новым произведением – оно явилось новаторским по замыслу и исполнению, насыщенным впервые использованными в столь широком масштабе количественными показателями состояния рынка России. Автор, будучи мастером статистической обработки материала, представил множество таблиц, имеющих самостоятельное значение. В числе несомненных достоинств книги было наличие в ней основательного анализа функционирования крупных рыночных центров в сочетании с изучением ярмарочной торговли эпохи. Наиболее впечатляющие результаты получились по Макарьевской ярмарке – этому всероссийскому торжищу» [14, с. 157–158]. Монография вызвала большой интерес в ученом мире. В частности, ее высоко оценил академик С. Г. Струмилин [18], с которым Бернгард Борисович поддерживал многолетние добрые отношения и мнением которого неизменно дорожил.

В обширной историографии работ по истории внутренней торговли России XVII – первой половины XVIII в. монография Кафенгауза занимает особое место. Заслуга Бернгарда Борисовича состоит прежде всего в том, что он впервые

попытался совместить в рамках одного исследования результаты изучения таможенных книг, относящихся к различным регионам страны. До него историки, обращавшиеся к данной тематике, концентрировали свое внимание на изучении истории торговли только одного отдельно взятого города. Н. И. Павленко еще в середине 1960-х гг. писал по этому поводу, что «предшественники Б. Б. Кафенгауза, как правило, изучали таможенные книги какого-либо одного торгового центра, каждый из исследователей пользовался своей методикой обработки материалов, что затрудняет сопоставимость полученных данных. Б. Б. Кафенгауз пошел по иному пути: монотонные записи таможенных книг под его опытным пером заговорили языком цифр, характеризующих состояние внутренней торговли в различных районах страны, масштабы всероссийского рынка приобрели более зримые черты» [12, с. 8–9]. К сожалению, методика, предложенная Кафенгаузом, долгое время не получала развития: при изучении внутренней торговли страны XVII – первой половины XVIII в. по-прежнему доминировал «моноцентричный» подход. Пожалуй, только В. М. Важинский предпринял в 1960-е гг. попытку одновременного изучения таможенных книг сразу по целой группе городов (Курск, Белгород, Воронеж, Орел и др.), однако все эти города относились лишь к одному региону – Центральному Черноземью [1, 2]. И только в 1999 г. А. В. Демкин опубликовал монографию о торговле во второй четверти XVIII в. трех населенных пунктов Верхневолжья (Клина, Кашина, Бежецка, Калязинской Никольской слободы) и пяти заоцких городов (Алексина, Венева, Мценска, Новосиля и Черни) [3]. В этой работе впервые в отечественной историографии комплексным образом и по единой методической схеме были сопоставлены между собой в динамике данные о деятельности местных рынков, относящихся к двум разным регионам страны[1]. По нашему мнению именно такой подход, впервые намеченный еще в конце 1950-х гг. Бернгардом Борисовичем Кафенгаузом, и является наиболее перспективным в плане изучения внутренней торговли России XVII – первой половины XVIII в. по материалам таможенных книг.

Список использованных источников и литературы

1. Важинский В. М. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века // Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института. – 1963. – № 5. – С. 102–141.

Vazhinskij V. M. Razvitie rynochnyh svyazej v yuzhnyh russkih uezdah vo vtoroj polovine XVII veka // Uchenye zapiski Kemerovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 1963. – № 5. – S. 102–141.

2. Важинский В. М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н. В. Устюгова. – Москва: Наука, 1966. – С. 298–307.

Vazhinskij V. M. Torgovye svyazi yuzhnyh gorodov Rossii v tret'ej chetverti XVII v. // Goroda feodal'noj Rossii: sbornik statej pamyati N. V. Ustyugova. – Moskva: Nauka, 1966. – S. 298–307.

3. Демкин А. В. Купечество и городской рынок в России во второй четверти XVIII века. – Москва: Институт российской истории, 1999. – 157 с.

Demkin A. V. Kupechestvo i gorodskoj rynok v Rossii vo vtoroj chetverti XVIII veka. – Moskva: Institut rossijskoj istorii, 1999. – 157 s.

[1] По справедливому замечанию автора монографии, Б. Б. Кафенгауз в «Очерках внутреннего рынка России первой половины XVIII века» вынужденно использовал только по одной таможенной книге из каждого изученного региона, что не позволило ему проследить динамику рыночных процессов.

4. Кафенгауз Б. Б. География внутренней торговли и экономическая специализация районов России в 20-х годах XVIII века // Вопросы географии. – Москва, 1950. – Сб. 20. – С. 163–202.

Kafengauz B. B. Geografiya vnutrennej torgovli i ekonomicheskaya specializaciya rajonov Rossii v 20-h godah XVIII veka // Voprosy geografii. – Moskva, 1950. – Sb. 20. – S. 163–202.

5. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. – Т. 1. 524 с.

Kafengauz B. B. Istoriya hozyajstva Demidovyh v XVIII–XIX vv.: Opyt issledovaniya po istorii ural'skoj metallurgii. – Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. – T. 1. 524 s.

6. Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 355 с.

Kafengauz B. B. Ocherki vnutrennego rynka Rossii pervoj poloviny XVIII v.: (Po materialam vnutrennih tamozhen). – Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. – 355 s.

7. Кафенгауз Б. Б. Таможенные книги XVIII века // Археографический ежегодник за 1957 год. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 127–137.

Kafengauz B. B. Tamozhennye knigi XVIII veka // Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 god. – Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. – S. 127–137.

8. Кафенгауз Б. Б. Хлебная торговля Москвы в 30-х годах XVIII столетия // Вопросы истории. – 1947. – № 9. – С. 105–113.

Kafengauz B. B. Hlebnaya torgovlya Moskvy v 30-h godah XVIII stoletiya // Voprosy istorii. – 1947. – № 9. – S. 105–113.

9. Кафенгауз Б. Б. Хлебный рынок в 20–30-х годах XVIII столетия (по материалам внутренних таможен) // Материалы по истории земледелия СССР. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952. – Сб. 1. – С. 459–510.

Kafengauz B. B. Hlebnyj rynok v 20–30-h godah XVIII stoletiya (po materialam vnutrennih tamozhen) // Materialy po istorii zemledeliya SSSR. – Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. – Sb. 1. – S. 459–510.

10. Кафенгауз Б. Б. Экономические связи Украины и России в конце XVII – начале XVIII столетия // Воссоединение Украины с Россией, 1654–1954: Сборник статей. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954. – С. 421–439.

Kafengauz B. B. Ekonomicheskie svyazi Ukrainy i Rossii v konce XVII – nachale XVIII stoletiya // Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej, 1654–1954: Sbornik statej. – Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. – S. 421–439.

11. Лунден И. Л. Кафенгауз Лев Борисович // Политические деятели России, 1917: Биографический словарь. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1993. – С. 141–142.

Lunden I. L. Kafengauz Lev Borisovich // Politicheskie deyateli Rossii, 1917: Biograficheskij slovar'. – Moskva: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1993. – S. 141–142.

12. Павленко Н. И. Творческий путь Б. Б. Кафенгауза // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. – Москва: Наука, 1964. – С. 3–12.

Pavlenko N. I. Tvorcheskij put' B. B. Kafengauza // Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.): Sbornik statej k semidesyatiletiyu so dnya rozhdeniya i sorokapyatiletiyu nauchnoj i pedagogicheskoj deyatel'nosti B. B. Kafengauza. – Moskva: Nauka, 1964. – S. 3–12.

13. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве / Ред., вступит. ст. и примеч. Б. Б. Кафенгауза. – Москва: Соцэкгиз, 1937. – 351 с.

Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve / Red., vstupit. st. i primech. B. B. Kafengauza. – Moskva: Socekgiz, 1937. – 351 s.

14. Преображенский А. А. К 100-летию со дня рождения Б. Б. Кафенгауза // Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. – Москва: Русское слово, 2000. – С. 146–160.

Preobrazhenskij A. A. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. B. Kafengauza // Preobrazhenskij A. A. Istorik ob istorikah Rossii HKH stoletiya. – Moskva: Russkoe slovo, 2000. – S. 146–160.

15. Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. – 623 с.

Razdorskij A. I. Kniga tamozhennogo i pitejnogo sbora Kurska i Kurskogo uezda 1720 g.: Issledovanie. Tekst. Kommentarii. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2007. – 623 s.

16. Раздорский А. И. Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // Археографический ежегодник за 2005 год. – Москва: Наука, 2007. – С. 394–462.

Razdorskij A. I. Tamozhennye knigi Evropejskoj Rossii XVIII v. v fondah RGADA (kolichestvennaya, hronologicheskaya i geograficheskaya harakteristika) // Arheograficheskij ezhegodnik za 2005 god. – Moskva: Nauka, 2007. – S. 394–462.

17. Список трудов Б. Б. Кафенгауза и рецензий на них // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. – Москва: Наука, 1964. – С. 508–518.

Spisok trudov B. B. Kafengauza i recenzij na nih // Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.): Sbornik statej k semidesyatiletiyu so dnya rozhdeniya i sorokapyatiletiyu nauchnoj i pedagogicheskoj deyatel'nosti B. B. Kafengauza. – Moskva: Nauka, 1964. – S. 508–518.

18. Струмилин С. Г. О внутреннем рынке России XVI–XVIII вв.: (по поводу книги Б. Б. Кафенгауза) // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 75–86.

Strumilin S. G. O vnutrennem rynke Rossii XVI–XVIII vv.: (po povodu knigi B. B. Kafengauza) // Istoriya SSSR. – 1959. – № 4. – S. 75–86.

19. Тверская Д. И. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. – Москва: Советская Россия, 1959. – 126 с.

Tverskaya D. I. Moskva vtoroj poloviny XVII veka – centr skladyvayushchegosya vserossijskogo rynka. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1959. – 126 s.

20. Черепнин Л. В. Б. Б. Кафенгауз – историк и источниковед // Археографический ежегодник за 1970 год. – Москва: Наука, 1971. – С. 195–201.

Cherepnin L. V. B. B. Kafengauz – istorik i istochnikoved // Arheograficheskij ezhegodnik za 1970 god. – Moskva: Nauka, 1971. – S. 195–201.

Razdorskii A. I. Soviet historik Berngard Borisovich Kafengauz and its «Essays of the internal market of Russia of the first half of the XVIII century»

The article presents brief biographical information about the Soviet historian Berngard Borisovich Kafengauz (1894–1969), shows the scope of his scientific interests, lists the main studies. One of the main scientific works of the scientist is analyzed in detail – a monograph «Essays on the Russian internal market in the first half of the 18th century», prepared on the basis of materials from customs books in various regions of Russia.

Keywords: source study, historiography, economic history, trade history, customs books, Kafengauz Berngard Borisovich

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 5 (71), № 4. 2019 г.

УДК 94(569.4):327

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ И АКТИВИЗАЦИЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Щевелев С. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: k0507622530@gmail.com

Крыжко Л. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lidochka12345@mail.ru

Исследуется процесс образования государства Израиль в условиях обострения арабо-еврейского противостояния на Ближнем Востоке. Хронологические рамки охватывают период с 29 ноября 1947 года по 14 мая 1948 года и заключают в себе анализ событий на Ближнем Востоке от принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции № 181/II «Будущее правительство Палестины» до принятия Декларации независимости Израиля. Обозначенный период является ключевым в палестино-еврейском противостоянии, а также основополагающим моментом для дальнейшего развития и геополитического расширения ближневосточного конфликта. Авторы акцентируют внимание на положениях резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181/II от 29 ноября 1947 года относительно раздела территории Палестины и образования двух независимых государств. Данной резолюцией признавалось право на создание своих независимых государств как еврейского, так и арабского народов, проживающих на территории Палестины, однако только еврейский народ получил декларацию независимости своего государства, арабская же сторона не приняла план раздела. Четко обозначенные в резолюции границы новых государств не удовлетворяли ни одну из сторон. Особое значение придается восприятию решения по Палестине, а также арабскому и еврейскому видению дальнейшего развития событий в регионе. Настороженность сторон по отношению друг к другу являлась главным катализатором перехода к образованию и подготовке вооруженных отрядов, планированию будущих военных операций и обозначению тактических целей. Таким образом, образование государства Израиль сопровождалось активизацией арабо-еврейского противостояния, которое получило как дипломатическое, так и военное измерение. В этот период происходит первая попытка сплочения арабских стран в военно-политическом союзе, направленном против общего врага – Израиля. В этом контексте представляют особый интерес внешнеполитические цели арабских государств, имеющих общие границы с бывшей Палестиной – Египта и Иордании. Также авторы обозначают характер первых вооруженных столкновений сторон, ставших прологом к началу первой арабо-израильской войны и способствующих зарождению проблемы палестинских беженцев.

Ключевые слова*:* Египет, Иордания, Палестина, Израиль, СССР, США, ООН, беженцы.

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Будущее правительство Палестины» № 181/II от 29 ноября 1947 года Палестина теряла статус подмандатной территории Великобритании. Из этой территории постепенно выводились английские войска. Создавалось два независимых государства – арабское и еврейское [32, p. 132–133].

Исходя из резолюции, территория Палестины претерпевала следующее размежевание. Из восьми частей, на которые была поделена Палестина, три части отводилось для еврейской стороны, также три части – для арабской. Седьмой частью отделялась Яффа в составе еврейского государства как «арабский анклав». А восьмую часть представлял Иерусалим в качестве отдельной единицы под управлением Совета по опеке ООН на 10 лет [20, с. 160]. В резолюции содержалось достаточно подробное описание границ арабского и еврейского государств, которые должны были стать основой раздела Палестины [4, с. 24; 15, с. 79–83].

В указанной резолюции большое значение было придано положению Иерусалима. Таким проблемам как границы и устав Иерусалима, принципы международного административного режима, срок его действия посвящена отдельная часть резолюции [7, с. 75]. В Иерусалим, помимо самих границ этого города, вошли также ближайшие города, пригородные деревни [18, с. 85]. Статут города, обязанность составления которого была возложена на Совет по опеке ООН, предполагал защиту религиозного мира, поддержание порядка и взаимоуважения к представителям всех трех монотеистических религий мира. Город объявлялся демилитаризованной зоной. Совет по опеке ООН назначал губернатора Иерусалима – представителя ООН, к кандидатуре которого предъявлялось следующее требование: не быть гражданином ни еврейского, ни палестинского государств. На территории города формировалась сеть административных единиц, которым предоставлялось широкое местное самоуправление [32, p. 132–133].

Итак, 43% территории бывшей подмандатной Палестины выделалось для арабского государства, что по площади составляло около 11 тыс. км^2, по населению – более 730 тыс. человек, из которых 10 тыс. – евреи. Для еврейского государства отводилось 56% территории, то есть около 14 тыс. км^2 площади, населения – более 990 тыс. чел., из которых почти половина – арабы. Территория Иерусалима занимала около 1%, где проживало 205 тыс. человек населения, среди которых около 100 тыс. являлись евреями [32, p. 132–133]. Таким образом, с одной стороны, резолюцию ООН о разделе Палестины можно считать важнейшим достижением в урегулировании арабо-еврейского вопроса, поскольку она признавала право обоих народов Палестины на создание своих независимых государств. При этом границы обоих государств четко обозначались. Но с другой стороны, учитывая этническую карту Палестины, раздел ее территории заложил прецедент для обострения этно-конфессиональных противоречий.

Восприятие ноябрьской резолюции ООН 1947 года как еврейской, так и арабской сторонами было достаточно сложным. План раздела, разработанный в резолюции, не соответствовал интересам ни одного из противоборствующих лагерей. Но, в общем, был принят еврейской стороной. Что касается арабской реакции на появление данного решения арабо-еврейского конфликта, то она была однозначно негативной, ею план не был принят [3, с. 49]. Более того, уже в момент его появления в арабском лагере проявилась единая позиция: с 1 сентября по 29 ноября 1947 года проходили совещания представителей Лиги арабских государств (ЛАГ), где были приняты решения выступить против плана раздела Палестины, обсуждались вопросы об игнорировании прав арабов. Кроме того,

предполагалось ввести санкции против государств, поддержавших данный план, а также оказать палестинским арабам материальную помощь [2, с. 62; 10, с. 52]. Таким образом, при том, что еврейская сторона окончательно не удовлетворилась территориями, отводимыми под государство Израиль, она, тем не менее, признала план раздела. Обоснованием являлось рассмотрение этого плана как первого шага в деле создания собственного государства. Что касается отвергнувшей план раздела Палестины арабской стороны, то ею создание государства Израиль воспринималось как угроза и нарушение прав арабов на палестинской земле.

Создание государства Израиль воспринималось в качестве угрозы не только арабами самой Палестины, но и соседними арабскими государствами региона. В декабре 1947 года на совещании в Каире главы арабских государств выражали обеспокоенность относительного дальнейших целей сионистов на Ближнем Востоке. Опасения сводились к захвату ими не только всей территории Палестины, но также и Трансиордании, южной части Сирии и Ливана. Отмечалось также, что после установления контроля над указанной территорией сионистские руководители перестанут обходиться с арабами «мягко» и, почувствовав себя «достаточно сильными», «лишат арабов их земель < ... > и если будет необходимо, то выдворят их из страны» [30, p. 24]. Общая позиция членов Лиги арабских государств относительно будущего Палестины предполагала также заключение военно-политического союза арабских стран, что было предложено представителем Сирии на Каирской сессии ЛАГ в феврале 1948 года [1, с. 29]. Разделение территории Палестины и образование Израиля способствовало военно-политическому сближению арабских государств региона, основой которого стала обеспокоенность о будущем расширении территории еврейского государства.

Наращивание военного потенциала также стало основной задачей и для молодого еврейского государства. 1 декабря 1947 года лидер сионистской организации, в будущем – премьер-министр Израиля, Д. Бен-Гурион обратился к лорду А. Каннингхему, британскому Верховному комиссару Палестины, с вопросами об организации и формировании собственных вооруженных сил. Речь шла о начале поставок продовольствия и бензина для еврейской военной организации в Палестине «Хагана» американскими компаниями и о соответствующем разрешении создавать склады подобных запасов. Лорд А. Каннингхем дал обещание выполнить эти требования для «Хаганы», и, более того, разрешил покупать военное снаряжение британской армии [17, с. 20]. Следовательно, в конце 1947 года на территории Палестины активно формировались и вооружались такие еврейские военные организаций как «Хагана», «Штерн», «Иргун цваи леуми». Деятельность их обозначалась как защита границ и охрана поселений евреев, однако фактически сводилась к процессу «очищения» от арабского населения территорий, предназначавшихся для будущего еврейского государства.

Еще в сентябре 1945 года на основе военных планов, разработанных «Хаганой», был принят «план Б», в дальнейшем – «план Май 1946» с двумя последующими дополнениями к нему (октябрь и декабрь 1946 года), в начале 1948 года – план «Иегошуа» (план Джошуа Глаубермана). 13 марта «Хагана» приняла «план Д» («план

Далет»), который предполагал установить контроль над еврейскими областями для защиты их границ и охраны поселений. Фактически руководством сионистов ставились такие задачи этого плана: « «План Д» – стратегия Хаганы на ближайшие годы. Отсчёт времени по «плану Д» наступает тогда, когда в ходе эвакуации английских войск Хагана почувствует себя в безопасности... Миссия Хаганы была настолько простой, насколько революционной – установить контроль над территорией, переданной еврейскому государству, и стоять на защите его границ, а также границ объединений еврейских поселений и еврейского населения, которое проживало вне этих границ, от регулярных и полурегулярных сил противника, действующего с баз, находящихся вне еврейского государства или внутри его» [16; 29, p. 127]. Таким образом, в соответствии с военно-стратегическим планированием еврейских вооруженных формирований, сфера их деятельности не ограничивалась территориями, предназначенными для еврейского государства.

Так, сионистские вооружённые формирования провели 13 крупных военных операций, причем 8 из них были проведены за пределами еврейского государства, предусмотренного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 27 ноября 1947 года. Подобная стратегия сионистов подтверждается также в ее определении руководителем «Иргуна» М. Бегином в 1948 году: «В то время как пять арабских государств (Египет, Ирак, Сирия, Ливан, Трансиордания) готовились к совместной агрессии, мы продолжали вылазки на арабские территории. Но было очевидно, что одни вылазки не могут решить проблему, заключавшуюся в установлении контроля над всей территорией < ... > В конце января 1948 года на совещании командиров «Иргун» мы наметили четыре стратегические цели: Иерусалим, Яффа, равнина Лидда–Рамла и треугольник (территория в центре Палестины с угловыми точками Наблус–Дженин–Тулькарм). Мы считали эти планы альтернативными, то есть отвечающими нашим возможностям в тот или иной момент. Из четырёх мы выполнили только вторую цель плана. Но взятие Яффы – событие первоочередной важности» [9, с. 46–47; 26, p. 162].

В то же время арабская сторона также осуществляла формирование вооруженных сил. С конца 1947 – начала 1948 года активизировалась деятельность арабских национальных сил в Палестине. Руководство повстанцами взял на себя политический орган арабов Палестины – Верховный арабский комитет (ВАК). Руководство арабскими силами сопротивления находилось в Дамаске и было возложено на председателя ВАК муфтия Амина Хусейни. В арабских городах и деревнях Палестины создавались местные комитеты, находившиеся в подчинении у Высшего комитета. Также шел активный процесс формирования партизанских отрядов, в составе которых насчитывалось около 30–40 тыс. человек [31, p. 247]. Однако такие партизанские отряды зачастую были плохо вооружены и, как правило, не обучены военному делу.

В период до провозглашения государства Израиль вооруженные силы арабов состояли из следующих четырёх основных формирований. Первый компонент – это Арабская освободительная армия, которая насчитывала около 4 тыс. волонтёров из Палестины и других арабских стран, преимущественно из Ирака и Сирии. Армия была организована и обучена военным комитетом ЛАГ и проходила обучение в

сирийском тренировочном лагере Катана. Её личный состав прибыл в Палестину в январе 1948 года и проводил операции в двух секторах: Галилея, где действовало два батальона насчитывавших 1,5–2 тыс. человек; и Самария, к западу от р. Иордан, где действовало примерно такое же количество бойцов [22, с. 11]. Вторым компонентом арабских сил была организация «Братья-мусульмане» и египетские молодёжные организации, насчитывавшие 1–1,5 тыс. человек. Они пересекли границу Египта и Палестины, и проводили операции в южной части страны [22, с. 12]. Третья сила именовалась «Армия джихада», насчитывала около 5 тыс. человек и возглавлялась Абд аль-Кадир аль-Хуссейни, муфтием Иерусалима. Эти силы действовали в районе Иерусалима, Иерихона и Рамаллы и состояли из нерегулярных групп гражданского населения, а также включали в себя европейских волонтёров из Британии, Югославии и Германии, которые присоединились к арабским палестинцам в их борьбе против евреев [22, с. 12]. Четвёртая группа арабских сил насчитывала порядка 3 тыс. человек и возглавлялась Хассаном Салемехом, прошедшим подготовку в Германии и направленным в Палестину, где проводил операции в районах Яффа, Лидда и Рамла. В общей сложности арабские силы насчитывали 25–30 тыс. человек [22, с. 12]. Определенные сложности для арабских формирований создавало практическое отсутствие единого командования, а также соперничество командного состава внутри партизанских организаций что, в свою очередь, приводило к невыполнению приказов командования и препятствовало успеху операций в целом.

Начало первых боевых столкновений между вооруженными формированиями сионистов и арабов приходится на период конца 1947 – начала 1948 года. Помимо небольших партизанских формирований палестинских арабов сионистским силам противостояла также Арабская освободительная армия. Ею командовал Фавзи аль-Каукаджи. Она была сформирована в декабре 1947 года в Сирии [8, с. 71]. С января 1948 года вооружённые отряды арабов начали атаки киббуцов в Верхней Галилее [2, с. 64].

Военными лидерами палестинских арабов в то время являлись Абд аль-Кадир из клана Хусейни, приходившийся двоюродным братом муфтия Палестины и уроженец Северного Ливана, лидер восстания 1936–1938 годов, Фавзи аль-Каукаджи, которого поддерживала Лига арабских государств. В Палестину он прибыл с отрядом в 3 тыс. человек. Зимой в Палестину стали прибывать арабские добровольцы, они пересекали трансиорданскую границу по ночам и сосредотачивались в деревнях под Наблусом [25].

Принимая активное участие в организации борьбы арабского народа за права в Палестине, соседние арабские государства преследовали свои, отдельные от общеарабского антиизраильского курса, внешнеполитические цели. Так, богатые природными ресурсами и рабочей силой территории Сирии, Ливана и Палестины были крайне привлекательны для короля Иордании. Абдалла ибн Хусейн аль-Хашими, являясь правителем бедного и небольшого государства, был крайне заинтересован расширением своей власти в этом направлении. Кроме того, у короля Иордании также находила развитие идея возрождения единой арабской нации под

знаменем древнего рода Хашимитов. Позже эти воззрения нашли развитие в виде плана создания Объединенного арабского королевства [21, с. 212–213].

Задача расширения подконтрольных территорий в планах короля Иордании сводилась не только к территориальному расширению, но также связывалась с желанием достижения позиций ведущей арабской державы, способной стать защитником интересов палестинцев, их представителем и проводником. При этом предполагалось достижение паритета с еврейской стороной путем переговоров. 17 ноября 1947 года в поселении Нахарим между королем Иордании Абдаллой и Г. Меир, главой Политического отдела Еврейского агентства, состоялись тайные переговоры, в ходе которых король Иордании высказал желание о присоединении арабской части Палестины, а также предложил еврейской стороне Палестины войти в состав Иордании. Именно посредством присоединения Палестины король Абдалла рассчитывал расширить свою власть на Великую Сирию, а затем и Саудовскую Аравию [11, с. 24].

В ходе переговоров еврейская сторона неуклонно придерживалась той позиции, которая соответствовала разрабатываемому в ООН плану раздела Палестины путем создания двух государств. При этом королю Абдалле удалось найти поддержку еврейской стороны относительно возможности в перспективе присоединения к Иордании арабской части Палестины. В ответ король Иордании дал обещание признать государство Израиль, а также не участвовать в организуемых арабской стороной военных акциях против Израиля. В ходе встречи Г. Меир и король Абдалла сошлись в позициях относительного общего противника, руководителя ВАК Амина аль-Хуссейни, который является не только врагом сионистов, но и основным противовесом влияния короля Абдаллы в Палестине. При этом в переговорах иорданская сторона условилась, что вынуждена проявлять солидарность с арабскими странами, однако эти антисионистские настроения будут является исключительно внешним проявлением [11, с. 24–25]. Итак, после окончания Второй мировой войны, в ходе решения вопроса о будущем бывшей подмандатной Палестины, король Иордании проявил позицию, отдельную от общеарабской, пытаясь реализовать план по расширению своих владений и получению ведущей роли в арабском мире. Создание независимой палестинской республики во главе с иерусалимским муфтием, противником Хашимитов, существенно препятствовало бы этим устремлениям. Поэтому в вопросе о Палестине иорданская сторона избрала для себя тактику лавирования между еврейской и арабской сторонами.

Период зимы 1947–1948 годов является прологом к началу первого арабо-израильского конфликта и определяется как период гражданской войны. 1 декабря 1947 года арабские жители Яффы атаковали кварталы Тель-Авива, в основном квартал Хатиква. На помощь оборонявшимся жителям пришли бойцы «Хаганы» и «Иргуна». Через несколько дней арабы достигли преимущества, однако в результате больших потерь, отступили. 11 декабря состоялась еще одна атака арабами еврейского квартала Старого города в Иерусалиме, она была отбита силами «Хаганы» [25]. 31 декабря в ответ за убийство «Иргуном» шести своих товарищей, арабы атаковали завод по очистке нефти в Хайфе и убили 39 евреев. «Хагана»

атаковала деревню Блад-эль-Шейх, где было убито более 60 арабов, включая женщин и детей [22, с. 15]. К концу года в результате стычек погибло 175 арабов, 150 евреев и 15 британских солдат [33, p. 35].

Затем арабские формирования начали сосредотачивать свои действия на коммуникациях – это события так называемой «Битвы на дорогах». Одиночные машины, передвигаясь по шоссе в сторону Тель-Авива, рисковали попасть под обстрел. Особенную опасность представлял участок трассы Тель-Авив – Иерусалим. «Хагана» перешла на систему конвоев с использованием бронированных машин и вооружённой охраны. Ежедневно два конвоя шли в Тель-Авив и два выходили из города [22, с. 15].

В ночь на 1 января боевики «Хаганы» взорвали 8 домов в иерусалимском квартале со смешанным населением Катамон. Из города начался отток населения как еврейского, так и арабского. В город был направлен член Верховного командования «Хаганы» М. Сачем. На заседании штаба обороны было принято решение о нанесении решительного удара в Катамоне, в случае удачи «Хагана» надеялась на прекращение оттока евреев из Иерусалима и увеличение иммиграции арабов [33, p. 41].

На заседаниях Политического комитета ЛАГ, проходивших в Каире 8–17 декабря 1947 года в ходе обсуждения ситуации, сложившаяся в Палестине в связи с принятием решения Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины, Совет ЛАГ одобрил резолюцию, которая обязала технический комитет ЛАГ создать арсенал из 10 тыс. винтовок (Египет, Сирия, Ирак и Саудовская Аравия обязались предоставить по 2 тыс.; Трансиордания и Ливан – по 1 тыс.). Также к середине января 1948 года необходимо было осуществить военную подготовку трех тысяч добровольцев (Египет, Сирия, Ирак, Саудовская Аравия и Палестина – по 500 человек; Ливан – 300 человек; Трансиордания – 200) [28, p. 55–56; 29, p. 122–123]. Активную подготовку к вооруженному противостоянию проявил Египет: начиная с 1948 года египетская сторона ввела ограничения на прохождение израильских судов через Суэцкий канал [12, с. 98]. К весне 1948 года арабский корпус насчитывал около 18 тыс. человек, численность «Хаганы» в этот период составляла около 80 тыс. человек [27, p. 24, 32].

С весны 1948 года еврейская сторона приступила к активизации стратегического «плана Д», что предполагало постепенное вытеснение из всей территории бывшей Палестины арабского населения [11, с. 46]. Арабская община на территории разделенной Палестины оказалась под угрозой выселения или уничтожения. Сионистские вооруженные формирования использовали тактику террора. Об этом свидетельствуют события 9 апреля 1948 года в деревне Дейр Ясин близ Иерусалима, где вооруженные отряды «Штерн» и «Иргун» уничтожили 254 арабских жителя, среди которых были женщины, старики и дети. По данным представителя Красного Креста «Около 300 человек, женщин, стариков, детей были убиты членами «Иргуна» самыми варварскими способами. Ответственность за это несут лидеры этой организации, в первую очередь, М. Бегин, руководивший этой расправой» [24, p. 28].

В исследуемый период арабо-еврейское противостояние осложняется проблемой беженцев. Вооруженные столкновения сторон способствовали массовому бегству арабских жителей из территории Палестины. Вытеснение арабских жителей из Палестины являлось главной задачей израильского руководства. Палестинская сторона утверждала, что это было частью запланированной политики территориальной экспансии, направленной на вытеснение палестинских арабов с целью освобождения территории для иммигрантов [16]. Подтверждением этому являются также и наставления будущего премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона о том, что основной задачей каждого нападения на арабов является разрушение поселений с целью изгнать местных жителей. Итак, 160 тыс. палестинцев покинули страну ещё с начала первой арабо-израильской войны, при этом их дома были заселены новыми еврейскими иммигрантами. Благодаря этому методу еврейские лидеры абсорбировали ещё 5,5 тыс. иммигрантов, которые, не смотря на гражданскую войну, массово прибывали в Палестину [33, p. 102–103].

Проблема палестинских беженцев стала основной в формировании внешнеполитического курса Египта в отношении Израиля. Основным препятствием в решении вопроса о беженцах являлись различные подходы к объяснению понятия «репатриация» сторонами конфликта. Израильская позиция сводилась к возможности национального, культурного, языкового сосуществования арабов с евреями. Египетская сторона настаивала исключительно на географическом понятии, что подразумевало возвращение палестинцев в их места проживания до конфликта [13, с. 54]. Египетское правительство выражало особую озабоченность относительно образования еврейских поселений вблизи своей границы: «Это лишь начало первого шага к осуществлению еврейских стремлений занять Синай, которые уже упоминались в различных прокламациях, и египетское правительство, конечно, приняло меры против этой опасности, которая все время приближается к египетской территории...» [16]. Египетская сторона проявила позицию отказа от абсорбции палестинских беженцев, что необходимо было для сохранения данной проблемы как основного элемента решения территориальных разногласий с Израилем. Таким образом, формирование границ Израиля на западе было сопряжено с позицией египетского руководства по палестинским беженцам. А деятельность поддерживаемых Египтом палестинских фидаинов на границе с Израилем проецировала интерес Каира в отношении территорий, предназначенных для палестинского государства.

14 мая 1948 года было провозглашено создание Государства Израиль. В Тель-Авиве Д. Бен-Гурион и ряд других лидеров сионистов подписали Декларацию независимости Израиля, в которой подчеркивалось: «Государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем рассеянных по свету евреев; оно приложит все усилия к развитию страны на благо всех ее жителей» [6]. В речи, произнесенной по поводу провозглашения независимости Государства Израиль, Д. Бен-Гурион отметил: «Мы протягиваем руку мира и добрососедства всем государствам региона и их народам и призываем их к сотрудничеству с еврейским народом, обретшим независимость в своей стране. Государство Израиль готово

внести свой вклад в совместные усилия по развитию всего Ближнего Востока» [23, с. 29].

Первым государством, полностью признавшим Израиль, был Советский Союз. «Создание еврейским народом суверенного государства приведет к укреплению мира и безопасности в Палестине и на Ближнем Востоке», – отмечал 18 мая 1948 года Министр иностранных дел СССР В. Молотов в заявлении об официальном признании Государства Израиль [5, с. 10–11].

Сразу же после провозглашения Государства Израиль его также признали и США. Великобритания признала новое государство на Ближнем Востоке только в январе 1949 года [22, с. 24].

На момент провозглашения независимости во внешнеполитическом курсе Израиля не было четко проявленной ориентации. Но уже к началу 1950-х годов во внешнеполитическом курсе Израиля наблюдалась склонность к сотрудничеству с западными странами [14, с. 157].

Так, на политической карте мира появилось одно новое государство из двух, предусмотренных резолюцией Генеральной Ассамлеи ООН по разделу Палестины 1947 года, – Израиль. И именно с этого времени вопрос о Палестине и палестинцах стал основным для арабских стран региона, а образ Израиля для арабов – символом и причиной всех бед региона. Государство Израиль было провозглашено немного раньше срока, предусмотренного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, что подтверждает провал попыток комиссии ООН достичь компромисса в арабо-еврейском противостоянии [19, с. 26]. Поэтому проблема арабо-еврейского конфликта, которая надолго закрепилась в повестке дня Организации Объединенных Наций еще на заре ее образования, продолжает оставаться нерешенной по сей день.

Таким образом, создание на Ближнем Востоке нового государства Израиль сопровождалось активизацией арабо-еврейского противостояния, что получило не столько дипломатическое, сколько военное измерение. В условиях неудовлетворенности принятым решением о разграничении территорий бывшей Палестины каждая из сторон обозначила для себя вооруженный путь решения проблемы. В период с конца ноября 1947 года по середину мая 1948 года как с израильской, так и с арабской сторон шла активная подготовка к масштабному вооруженному конфликту, формировались вооруженные отряды, планировались и осуществлялись первые военные операции, ставились тактические цели. В то же время Иордания и Египет, как арабские страны, имеющие общую границу с бывшей Палестиной, проявили особую внешнеполитическую озабоченность касательно территорий, предназначенных по резолюции для палестинского государства. Первые вооруженные арабо-израильские конфликты способствовали зарождению проблемы палестинских беженцев, которая, в условиях активизации деятельности арабских национальных сил в Палестине, не имеющих единого консолидирующего центра, активно использовалась в интересах Иордании и Египта.

Список использованных источников и литературы

1. Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967: В 2-х т. Т. 1: 1947–1956 / Отв. ред.В. В. Наумкин. – М., 2003. – 608 с.

Blizhnevostochnyj konflikt: iz dokumentov arhiva vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. 1947–1967: V 2-h t. T. 1: 1947–1956 / Otv. red. V. V. Naumkin. – M., 2003. – 608 s.

2. Близняков Р. А. Палестинская проблема в международных отношениях: Резолюция о разделе – Конференция в Осло (1947–1993) / Р. А. Близняков, Д. А. Малышев – М., 2007. – 350 с.

Bliznyakov R. A. Palestinskaya problema v mezhdunarodnyh otnosheniyah: Rezolyuciya o razdele – Konferenciya v Oslo (1947–1993) / R. A. Bliznyakov, D. A. Malyshev – M., 2007. – 350 s.

3. Бруз В. С. ООН і врегулювання міжнародних конфліктів. – Київ, 1995. – 124 с.

Bruz V. S. OON i vregulyuvannya mizhnarodnih konfliktiv. – Kiïv, 1995. – 124 s.

4. Ганоу У. И. Политический анализ нормативных актов ООН в контексте палестинской проблемы // Ученые записки ТНУ. – 2001. – Т. 14(53). – № 1. – С. 24.

Ganou U. I. Politicheskij analiz normativnyh aktov OON v kontekste palestinskoj problemy // Uchenye zapiski TNU. – 2001. – T. 14(53). – № 1. – S. 24.

5. Говрин Й. Израильско-советские отношения, 1953–1967. – М., 1994. – 336 с.

Govrin J. Izrail'sko-sovetskie otnosheniya, 1953–1967. – M., 1994. – 336 s.

6. Декларация независимости Государства Израиль // Электронная еврейская энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – URL: https://eleven.co.il/zionism/from-balfour-to-state/11392/ (22.03.2019).

Deklaraciya nezavisimosti Gosudarstva Izrail' // Ehlektronnaya evrejskaya ehnciklopediya. – URL. – rezhim dostupa: https://eleven.co.il/zionism/from-balfour-to-state/11392/ (22.03.2019).

7. Зайцева О. Проблема Иерусалима в палестино-израильском конфликте и в международных отношениях // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии (после саммита в Кемп-Дэвиде и начала «интифады Аль-Акса») / Под ред. А. Д. Эпштейна; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 2004. – С. 68–145.

Zajceva O. Problema Ierusalima v palestino-izrail'skom konflikte i v mezhdunarodnyh otnosheniyah // Palestino-izrail'skij konflikt v zerkale obshchestvennogo mneniya i mezhdunarodnoj diplomatii (posle sammita v Kemp-Dehvide i nachala «intifady Al'-Aksa») / Pod red. A. D. Ehpshtejna; Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka. – M., 2004. – S. 68–145.

8. Звягельская И. Д., Носенко В. И. Истоки Арабского национально-освободительного движения в Палестине // Народы Азии и Африки. – 1986. – №3. – С. 63–71.

Zvyagel'skaya I. D., Nosenko V. I. Istoki Arabskogo nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Palestine // Narody Azii i Afriki. – 1986. – №3. – S. 63–71.

9. Истоки и история Проблемы Палестины, 1917–1988 гг. – Нью-Йорк: ООН, 1990. – 282 с.

Istoki i istoriya Problemy Palestiny, 1917–1988 gg. – N'yu-Jork: OON, 1990. – 282 s.

10. Киселев В. И. Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Kiselev V. I. Palestinskaya problema v mezhdunarodnyh otnosheniyah: regional'nyj aspekt. – M.: Nauka, 1988. – 240 s.

11. Киселев В. И. Палестинская проблема и ближневосточный кризис. – Киев: Политиздат Украины, 1981. – 191 с.

Kiselev V. I. Palestinskaya problema i blizhnevostochnyj krizis. – Kiev: Politizdat Ukrainy, 1981. – 191 s.

12. Крыжко Л. А. Египетско-израильские пограничные вооруженные столкновения в первой половине 1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1 (84). – С. 97–100.

Kryzhko L. A. Egipetsko-izrail'skie pogranichnye vooruzhennye stolknovenija v pervoj polovine 1950-h gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 10-1 (84). – S. 97–100.

13. Крыжко Л. А. Позиция Египта в решении вопроса палестинских беженцев в конце 1950-х–начале 1960-х гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – Т. 3(69). – № 3. – 2017. – С. 47–57.

Kryzhko L. A. Poziciya Egipta v reshenii voprosa palestinskih bezhencev v konce 1950-h – nachale 1960-h gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: «Istoricheskie nauki». – T. 3(69). – № 3. – 2017. – S. 47–57.

14. Крыжко Л. А. Трансформация внешнеполитического курса Египта в начале 1950-х гг. и проблема египетско-израильских взаимоотношений // Международные отношения. – 2017. – № 1. – С. 155–163.

Kryzhko L. A. Transformacija vneshnepoliticheskogo kursa Egipta v nachale 1950-h gg. i problema egipetsko-izrail'skih vzaimootnoshenij // Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2017. – № 1. – S. 155–163.

15. ООН. Генеральная Ассамблея. Резолюции и решения. (16 сентября – 29 ноября 1947 г.). – 1947. – С. 79–83.

OON. General'naya Assambleya. Rezolyucii i resheniya. (16 sentyabrya – 29 noyabrya 1947 g.). – 1947. – S. 79–83.

16. Организация Объединенных Наций. Вопрос о Палестине. Истоки и история проблемы Палестины: Часть II (1947–1977 годы) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/part-ii-1947-1977/#i-9 (дата обращения 22.03.2019)

Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. Vopros o Palestine. Istoki i istoriya problemy Palestiny: Chast' II (1947–1977 gody) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/part-ii-1947-1977/#i-9 (data obrashcheniya 22.03.2019)

17. Прокофьев Д. Рождение кризиса. Статья вторая // Азия и Африка сегодня. – 1988. – № 3. – С. 18–25.

Prokof'ev D. Rozhdenie krizisa. Stat'ya vtoraya // Aziya i Afrika segodnya. – 1988. – № 3. – S. 18–25.

18. Саркисов Д. М. Проблема Иерусалима в ООН // Народы Азии и Африки. – 1986. – № 5. – С. 84–91.

Sarkisov D. M. Problema Ierusalima v OON // Narody Azii i Afriki. – 1986. – № 5. – S. 84–91.

19. Хазанов М. Е. ООН и ближневосточный кризис. – М., 1983. – 176 с.

Hazanov M. E. OON i blizhnevostochnyj krizis. – M., 1983. – 176 s.

20. Штереншис М. История Государства Израиль. – 2-е изд. – Герцлия: ISRADON, 2005. – 720 с.

Shterenshis M. Istoriya Gosudarstva Izrail'. – 2-e izd. – Gercliya: ISRADON, 2005. – 720 s.

21. Щевелев С. С., Крыжко Е. В. Планы короля Иордании Хусейна и палестинского движения сопротивления по решению палестинской проблемы в 1970–1972 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-1 (77). – С. 212–216.

Shhevelev S. S., Kryzhko E. V. Plany korolja Iordanii Husejna i palestinskogo dvizhenija soprotivlenija po resheniju palestinskoj problemy v 1970–1972 godah // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 3-1 (77). – S. 212–216.

22. Щевелев С. С., Крыжко Л. А. Египетско-иорданский фактор палестинского движения сопротивления (50-е–60-е гг. XX в.). – Симферополь – М.: СОНАТ, 2017. – 246 с.

Shhevelev S. S., Kryzhko L. A. Egipetsko-iordanskij faktor palestinskogo dvizhenija soprotivlenija (50-e–60-e gg. XX v.). – Simferopol' – M.: SONAT, 2017. – 246 s.

23. Эпштейн А. Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатии. – М.: Институт Изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 230 с.

Ehpshtejn A. D. Beskonechnoe protivostoyanie. Izrail' i arabskij mir: vojny i diplomatii. – M.: Institut Izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2003. – 230 s.

24. Aranguzen T. Oriente Medio // Mundo Obrero (semanal). – 1980. – № 77. – P. 28–31.

25. Chronology of the First Arab-Israel War of 1948. – [Electronic resource]. – URL: http://www.zionism-israel.com/his/Israel_war_independence_1948_timeline.htm (date of the application 22.03.2019).

26. Friedlander D., Goldscheider C. The Population of Israel. – N.-Y.: Columbia Univ. Press, 1979. – 240 p.

27. Huseibeh H. Z. Palestine and the United Nations. – L., 1982. – 200 p.

28. Kadi L. S. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem (1936–1950), (1964–1966). Palestine Books n. 4. – Beirut: Research Center PLO, 1966. – 211 p.

29. Khalidi W. The Arab Perspective // The End of the Palestine Mandate. – L., 1986. – P. 104–136.

30. Morris B. The Birth of the Palestinian Retugee Problem 1947–1949. – Cambridge, 2004. – 644 p.

31. Survey of International Affairs. The Middle East 1945–1950. – L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1954. – 338 p.

32. United Nations. Official Records of the Second Session of the General Assambly. Resolution 16 September – 29 November 1947. – 181/II/ Future Government of Palestine. – New York, 1948. – P. 131–150.

33. Wilson E. M. Decision on Palestine. How the US Come to Recognize Israel. – Stanford, 1979. – 252 p.

Shchevelev S. S., Kryzhko L. A. Formation of Israel State and Activation of the Arab-Israeli Confrontation

The article examines the process of the formation of the state of Israel in the context of aggravating Arab-Jewish confrontation in the Middle East. The chronological framework covers the period from November 29, 1947 to May 14, 1948 from the adoption of the UN General Assembly resolution A/RES/182 (II) «The Future Government of Palestine» until the adoption of the Declaration of Independence of Israel. The indicated period is key in the Palestinian-Jewish confrontation, as well as a fundamental point for the further development and geopolitical expansion of the Middle East conflict. The authors focus on the provisions of the UN General Assembly resolution A/RES/182 (II) of November 29, 1947, concerning the partition of the territory of Palestine and the formation of two independent states, Arab and Jewish. Despite the fact that this resolution recognized the right of both peoples living in Palestine to create their own independent states, only the Jewish people received a declaration of independence of their state, while the Arab side did not accept the partition plan. The boundaries of the new states, clearly defined in the resolution, did not satisfy either of the parties. Of particular importance is the perception of the decision on Palestine by both parties, as well as the Arab and Jewish vision of further developments in the region. The wariness of the parties in relation to each other was the main catalyst for the transition to the formation and preparation of armed detachments, planning future military operations and the designation of tactical targets. Thus, the formation of the State of Israel was accompanied by the intensification of the Arab-Jewish confrontation, which received both a diplomatic and military dimension. During this period, the first attempt to unite the Arab countries in a military-political alliance, directed against the common enemy – Israel. In this context, the foreign policy goals of the Arab states that have common borders with the former Palestine – Egypt and Jordan are of particular interest. The authors also denote the nature of the first armed clashes of the parties, which became a prologue to the beginning of the first Arab-Israeli war and contributed to the emergence of the problem of Palestinian refugees.

Keywords*:* Egypt, Jordan, Palestine, Israel, USSR, USA, UN, refugees.

УДК 902.6

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ» (Республика Крым, г. Ялта, пгт Гурзуф, 23–26 мая 2019 г.)

Борщик Н. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация,
E-mail: arktur4@rambler.ru

Современная наука развивается стремительными темпами, новые научные разработки поражают глубиной исследования, неожиданными решениями, грандиозными проектами в той или иной сфере научного знания. Узнать о масштабных проектах, инновационных научных гипотезах можно на различных форумах, в частности, на научных конференциях, которые и проводятся с целью обобщить исследовательский опыт, апробировать новые методики, узнать об актуальных исследованиях своих и зарубежных коллег. Поэтому на сегодняшний день так популярны различные научные мероприятия. Но приходится констатировать, что тематических конференций по отдельным научным отраслям, собирающих профессиональных теоретиков и практиков, готовых не только обсуждать, но и предлагать адекватные решения современным вызовам времени, в нашей стране немного. Еще большей редкостью становятся традиционные научные форумы, инициаторы проведения которых периодически (ежегодно или один раз в несколько лет) приглашают профессионалов для участия в широкой научной дискуссии. И дело здесь не только в объективных сложностях (организационных, финансовых и пр.), но и в «человеческом факторе», так как в научном мире заслужить признание коллег, обеспечить их личное присутствие на форуме достаточно сложно. В этом отношении ежегодная, уже четвертая по счету, научно-практическая конференция «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени» достаточно востребована в кругах единомышленников: историков, специалистов в области методологии преподавания профильных вузовских дисциплин, документационного обеспечения управления, искусствоведов, архивистов, источниковедов и мн. др.

Ключевые слова*:* документоведение, архивоведение, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.

Несомненный признак истинной науки –
сознание ничтожности того, что знаешь,
в сравнении с тем, что раскрывается.
Л. Н. Толстой

23–26 мая 2019 г. на базе пансионата «Морской бриз» пгт Гурзуф (городской округ Ялта) Республики Крым состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени». Организаторами масштабного научного форума выступили кафедра документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, базовая

кафедра архивного дела и делопроизводства, созданная в рамках сотрудничества Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» и Государственного комитета по делам архивов Республики Крым, при непосредственном участии факультета Документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ, г. Москва), кафедры Документоведения и документационного обеспечения управления Юридического института Российского университета транспорта (РУТ МИИТ, г. Москва). Главная цель конференции – обсуждение актуальных теоретико-методологических и практических вопросов, определяющих роль документа и архива в исторических судьбах страны и общества. В приоритете были доклады и сообщения, освещающие исторические проблемы через призму изучения отдельных документов, рассматривающие дискуссионные вопросы использования массовых исторических источников в научных исследованиях, анализирующие феномен Крыма в историческом, культурном и экономическом пространстве России, вопросы внедрения передовых знаний и технологий в образовательный процесс современного Крыма и России.

Отрадно, что это мероприятие проводится не первый раз и имеет свой постоянный круг участников и свои традиции [1; 2]. Отметим, что Крым уже не раз становился площадкой для международных конференций, получивших грантовую поддержку российских научных фондов [4].

В работе конференции приняли участие ученые и специалисты-практики из разных городов и регионов Российской Федерации – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Уфы (Республика Башкортостан), Выборга (Ленинградской обл.), Северодвинска (Архангельской обл.), Пушкино (Московской обл.), Курска, Симферополя, Керчи, Ялты (Республика Крым) и пр. Стендовые доклады помимо россиян представили международные участники из Италии, Приднестровья, Беларуси, Казахстана. К началу работы конференции было подано около тридцати очных и более двадцати стендовых докладов; о своем участии в конференции заявили 17 докторов наук (из них 6 занимают должность заведующий кафедрой) и 24 кандидата наук, 6 соискателей ученых степеней в различных отраслях знания – истории, искусствоведении, филологии, экономике, юриспруденции, педагогике, технике.

С сообщениями выступили и практикующие специалисты: Морозан Оксана Игоревна, директор Центрального государственного архива кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга, Суржик Ольга Сергеевна, заведующий отделом использования документов ГБУ Московской области «Московский областной архивный центр»; свои доклады представили Тодорашко Зинаида Георгиевна, к.и.н., начальник Государственной службы управления документацией и архивами Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь), Лебедева Наталья Александровна, научный сотрудник музея, отдел истории Великой Отечественной войны, ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» (г. Керчь, Россия), Денислямова Эльвина Мамутовна, заведующая отделом фондов Музея истории города Симферополя «МБУК МИГС» (г. Симферополь, Россия), Епифанова Валентина Ивановна, руководитель Управления Федерального казначейства по Курской области, кандидат экономических наук (г. Курск, Россия).

23 мая 2019 г. участники конференции активно общались со студентами Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. О. И. Морозан (г. Санкт-Петербург) выступила с открытой лекцией по истории Центрального государственного архива кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга, рассказала о проблемах сохранности и реставрации этих важных для исследователей материалов. Присутствующие студенты посмотрели фильмы и презентации о работе архива. Представителям кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в память о встрече были вручены памятные печатные издания, подготовленные сотрудниками Санкт-Петербургского архива.

24 июня 2019 г. состоялось торжественное открытие конференции. С приветственным словом к собравшимся в режиме видеоконференции обратился Барсегян Ашот Георгиевич, заместитель директора по науке Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», лично приветствовали участников заместитель декана исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Елена Владимировна Бебешко и председатель Оргкомитета, зав. каф. документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической

академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Елена Владимировна Латышева.

Ведущий пленарного заседания Наталья Дмитриевна Борщик, д. и. н., проф. каф. документоведения и архивоведения КФУ им. В. И. Вернадского (г. Симферополь) выступила с небольшим сообщением об истории проведения Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени», о ее уже сложившихся традициях и дальнейших перспективах ее проведения. На пленарном заседании было заслушано 8 докладов. Среди докладчиков – 7 докторов наук, являющихся представителями трех российских федеральных университетов: Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (г. Северодвинск Архангельской обл.), Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), а также Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации РАНХиГС (Выборгский филиал) (г. Выборг Ленинградской обл.), Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Российского государственного гуманитарного университета РГГУ (г. Москва).

Открыл работу конференции С. Б. Филимонов (д.и.н., проф., зав. каф. истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь) с докладом «К вопросу об источниковой базе истории Русской Православной церкви в послереволюционном Крыму». На основании множества архивных источников была раскрыта роль периодической печати в Крыму, показана деятельность историко-краеведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), объединявшей в своих рядах многочисленных представителей крымской интеллигенции; приведены документальные свидетельства об отношении крымчан к событиям Февраля и Октября 1917 года.

Обстоятельные выступления Лизунова Павла Владимировича, д.и.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Северодвинск) «Азартные карточные игры в России и борьба с ними (XIX – начало XX вв.). Архивный документ, публицистическое и художественное произведение», Морозана Владимира Васильевича, д. и. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург) «Деятельность отделений Государственного банка в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.» и Сафроновой Алевтины Михайловны, д.и.н., проф., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) «Воссоздание комплекса ведомостей об учащихся первой немецкой школы Екатеринбурга (1735–1750 гг.) и их информационный потенциал» вызвали живой интерес участников и активное их обсуждение.

Славко Татьяна Ивановна (д. и. н., проф. проф. каф. государственного и муниципального управления РАНХиГС (Выборгский филиал), г. Выборг Ленинградской обл.) в своем сообщении «Современные проблемы подготовки студентов по направлению «Документоведение и архивоведение»» предложила

новые подходы к реализации программ бакалавриата. Морозан Оксана Игоревна, директор ЦГАКФФД г. Санкт-Петербурга поделилась опытом нефондового хранения аудиовизуальных документов.

После пленарного заседания началась работа секций, продолжавшаяся и 25 мая 2019 г. В секции «Актуальные проблемы современного гуманитарного знания» освещались проблемы преодоления коррупциогенности при подготовке специалистов высшей школы России (Мазур Сергей Филиппович, доктор юридических наук, проф. каф. гражданского права и гражданского процесса, Институт Международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, г. Москва), вопросы обеспечения аутентичности электронных документов (Суровцева Наталия Геннадиевна, к. и. н., доц., доц. каф. автоматизированных систем документационного обеспечения управления РГГУ, г. Москва), обсуждался документ как явление повседневности (Двоеносова Галина Александровна, д. и. н., доц., проф. каф. документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов РГГУ, г. Москва), особенности создания и оформления управленческой документации Совета Народных Комиссаров в 1917–1919 гг. (Карпычева Елена Вячеславовна, к.и.н., доц., Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва), политической и правовой оценки трагических событий 3–4 октября 1993 года в Москве (Стрелец Михаил Васильевич, д. и. н., проф., проф. каф. гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест, Республика Беларусь).

В секции «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения» поднимались вопросы сугубо практической направленности:

а) государственная политика в области информационного и документационного обеспечения управления. Доклад «Основные задачи и направления развития систем электронного документооборота» представила Терентьева Елена Валерьевна, к.и.н., доц. каф. автоматизированных систем документационного обеспечения управления

РГГУ (г. Москва); доклад «Профессиональный стандарт архивиста: цель разработки и перспективы использования» был представлен Варламовой Людмилой Николаевной, к. и. н., Ученым секретарем Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), доц. каф. истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ (г. Москва); Славко Маргарита Андреевна, к.и.н., доц., РАНХиГС (Выборгский филиал) выступила с докладом «Документы личного происхождения как источник по изучению ролевого движения в современной России». Был представлен стендовый доклад «К вопросу о документе как коммуникационном канале» в авторстве Даниэле Ланца, преподавателя Неаполитанского университета имени Фридриха II (итал. Università Federico II di Napoli), г. Неаполь, Итальянская Республика (итал. Repubblica Italiana);

б) место и роль отдельных исторических документов в истории страны. Были заслушаны доклады, основанные на большом количестве архивных источников, впервые вводящихся в научный оборот. В частности, Париева Лада Руслановна, ст. преподаватель каф. документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов РГГУ (г. Москва) выступила с докладом «'Все как один на борьбу родного края!» (Документы повстанческой армии Н.И. Махно); Букреева Ольга Николаевна, ст. научный сотрудник отдела документоведения ВНИИДАД, аспирант РГГУ (г. Москва) представила сообщение «Вопросы делопроизводства в протоколах и журналах заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.»; Ефимова Алла Николаевна, преподаватель каф. языковых знаний Алматинского Университета Энергетики и Связи (каз. Алматы Энергетика және Байланыс Университеті (АЭжБУ), г. Алматы, Казахстан) представила доклад «Подвижники веры в лагерном социуме».

В работе секции «Актуальные проблемы современных научных исследований» можно было выделить несколько направлений для обсуждения:

а) организация делопроизводства – история и современная практика. Необходимо отметить доклады Ларина Михаила Васильевича, д.и.н., проф., зав. каф. автоматизированных систем документационного обеспечения управления РГГУ (г. Москва) «Генеральный регламент Петра I – три века в действии», Сойникова Алексея Анатольевича, д. и. н., проф., проф. каф. истории России Курского государственного университета (г. Курск) «Периодическая печать как источник по истории культурно-просветительной работы в Курской области (1966–1975 гг.)»; Соколовой Юлии Алексеевны, архивариуса ФГБУ «Центральный архив» Управления делами Президента РФ (г. Москва) «Документирование управленческой деятельности Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1917–1921 гг.», Лобачёва Сергея Львовича, доктора технических наук, зав. каф. информационных технологий в юриспруденции РУТ (МИИТ) (г. Москва) «Информационные технологии в подготовке специалистов документационного обеспечения управления: опыт РУТ (МИИТ). История и ближайшие перспективы» и др.

б) выявление и работа с историческими документами в архивах РФ. Например, Кравцова Елена Сергеевна, д.и.н., проф. каф. философии ФГБУО ВО «Курский

государственный медицинский университет», директор Музея истории университета (г. Курск) представила доклад «К проблеме выявления новых данных об участии сотрудников и студентов Курского медицинского института в Великой Отечественной войне»; Бакшаев Александр Александрович, к. и. н., доц., доц. каф. документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) остановился на проблеме «Становление и развитие системы медицины на Урале в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Свердловской области)»; Галиева Диана Сагидовна, к.и.н., доц. каф. истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ рассмотрела «Мемуары министра путей сообщения РФ Г.М. Фадеева как источник по истории реформирования железнодорожного транспорта РФ на рубеже XX – XXI вв.». Удербаева Сауле Карибаевна, к.и.н., доц. каф. истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (каз. Әл-Фараби атындағ ы Қазақ ұлттық университеті) г. Алматы, Казахстан представила доклад «Ж.А. Кастанье и его «Отчет о поездке в Туркестан»» и др. В работе секций приняли участие магистранты и аспиранты Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь) и Гуманитарно-педагогической академии (г. Ялта).

Площадка конференции 25 мая 2019 г. стала местом презентации целого ряда научных изданий. Конькова Анастасия Юрьевна, (к. и. н., доц., зам. декана факультета документоведения и технотронных архивов по научной работе, доц. каф. документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов, РГГУ (г. Москва) подготовила презентацию проекта научно-популярной коллективной монографии «История документа в лицах и судьбах». Книга написана в соавторстве А. Ю. Коньковой с преподавателями юридического факультета и факультета культуры и искусства Ульяновского государственного университета (ст. преподавателем Григорьевой Т. В. и доц. Романовой Г. В.) под общей редакцией председателя историко-архивной комиссии Ульяновской области Егорова В. Н. Коллективная научно-популярная монография посвящена рассмотрению документов, сопровождающих жизнь и деятельность человека с момента его рождения, получения образования, прохождения гос. службы, трудовой деятельности, оформления документов, удостоверяющих личность, права наследования и т.д. до завершения жизненного пути. В книге анализируются виды и формуляры документов, правила

Презентация Коньковой А. Ю.

их составления и оформления. Исследуется закономерности появления и антропологии документов социально-правового характера.

Борщик Наталья Дмитриевна, д.и.н., проф. каф. документоведения и архивоведения КФУ им. В. И. Вернадского (г. Симферополь) как ответственный редактор издания выступила с презентацией коллективной монографии «Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения», подготовленную стараниями профессорско-преподавательского состава кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского [3]. В коллективной монографии рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с комплексным изучением документа как особого, сложного, многогранного социального явления. Источники информации, созданные на территории России и за ее пределами, имели в истории страны огромное значение, что обуславливает научную целесообразность настоящей монографии. В издании представлены разделы, являющиеся приоритетными в научно-исследовательской деятельности представителей авторского коллектива и освещающие проблемы аналитико-синтетической переработки информации, состояния современного архивного дела в нашей стране и за рубежом, наиболее дискуссионные историографические аспекты развития документоведения, исследования документального наследия Крыма, эго-исторические сюжеты и пр. Практически все авторы монографии принимали участие в работе конференции, поэтому презентация была дополнена их краткими сообщениями по теме своего раздела. Обзор новейшей научной и справочной литературы с использованием фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга представила директор этого архивного учреждения О. И. Морозан.

Для участников конференции организаторы разработали интересную культурную программу. 24 мая 2019 г. для всех желающих была организована поездка на одну из самых известных достопримечательностей Ялты, старейшее винодельческое предприятие России «Массандра». Экскурсия по заводу проходила по историческим маршрутам отца-основателя «Массандры» Льва Голицына, родоначальника российского виноделия. Гостей познакомили с этапами производства вина, классическими технологиями, подвалами, уникальными винными коллекциями. 26 мая 2019 г. состоялась поездка в садово-парковый комплекс Айвазовское в Партенит – удивительный по своей красоте поселок городского типа на Южном побережье

Презентация Морозан О. И.

Крыма. Он «спрятался» в уютной бухте между Алуштой и Ялтой у подножия Аю-Дага. Особый восторг у посетителей вызвал Японский сад, расположенный на берегу Черного моря, включающий водопады, мосты, пруды с золотыми карпами и черепахами, сад камней и другие оригинальные элементы и строения. Все присутствующие были очарованы красотой крымской природы, разнообразием ландшафтов, растительного мира, прекрасной погодой. Неоднократно отмечалось, что такие поездки способствуют более тесному и непринужденному общению участников конференции, помогают наладить личные связи, обсудить интересные научные доклады и сообщения в тесном кругу единомышленников.

При подведении итогов конференции была подчеркнута важность подобных научно-практических форумов, позволяющих не только обозначить существующие проблемы в области документоведения и архивоведения, но и наметить возможные пути их решения. Обсуждался широкий круг вопросов, позволивших участникам в рамках плодотворного научного диалога ознакомить российских и зарубежных коллег со своими достижениями, а начинающим ученым получить ценный опыт выступления на крупном научном мероприятии. Материалы IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени» размещены в электронном рецензируемом журнале «Научный вестник Крыма» (РИНЦ, ISSN: 2499-9911), с ними можно ознакомиться на сайте http://nvk-journal.ru

Список использованных источников и литературы

1. Борщик Н. Д. II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени, 18–20 мая 2017 г.» // Делопроизводство. 2017. № 3. С. 27–33.

Borshchik N. D. II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual'nye problemy dokumentovedeniya i arhivovedeniya: vyzovy vremeni, 18–20 maya 2017 g.» // Deloproizvodstvo. 2017. № 3. S. 27–33.

2. Борщик Н. Д. III Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени, 17–20 мая 2018 г.» // Научный вестник Крыма: Электронный рецензируемый журнал. [Электронный ресурс]. URL: //nvk-journal.ru/index.php/NVK/announcement (дата обращения 10.06.2019)

Borshchik N. D. III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual'nye problemy dokumentovedeniya i arhivovedeniya: vyzovy vremeni, 17–20 maya 2018 g.» // Nauchnyj vestnik Kryma: Elektronnyj recenziruemyj zhurnal. [Elektronnyj resurs]. URL: //nvk-journal.ru/index.php/NVK/announcement (data obrashcheniya 10.06.2019)

3. Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения: Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Борщик. Симферополь; Курск: Университетская книга, 2019. 222 с.

Dokument v sovremennom obshchestve: istoricheskie, konceptual'nye i metodicheskie aspekty izucheniya: Kollektivnaya monografiya / otv. red. N. D. Borshchik. Simferopol'; Kursk: Universitetskaya kniga, 2019. 222 s.

4. Непомнящий А. А. Международный форум крымоведов в Коктебеле, 25–29 сентября 2016 г. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2(68), № 4. С. 175–183.

Nepomnyashchij A. A. Mezhdunarodnyj forum krymovedov v Koktebele, 25–29 sentyabrya 2016 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2016. T. 2(68), № 4. S. 175–183.

Borshchik N. D. The IV International scientific and practical Conference «Current problems of document science and archive science: time calls» (Republic of Crimea, Yalta, uts of Gurzuf, on May 23–26, 2019)

The modern science develops prompt rates, new scientific developments strike with the research depth, unexpected decisions, grandiose projects in this or that sphere of scientific knowledge. To learn about large-scale projects, innovative scientific hypotheses it is possible at various forums, in particular, at scientific conferences which are held with the purpose to generalize research experience, to test new techniques, to learn about relevant researches at the and foreign colleagues. Therefore today various scientific actions are so popular. But it should be noted that the thematic conferences on the separate scientific industries which are bringing together the professional theorists and practitioners ready not only to discuss, but also to propose adequate solutions to modern calls of time, in our country it is a little. Traditional scientific forums which initiators of carrying out periodically (annually or time in several years) invite professionals for participation in an extensive scientific discussion become a bigger rarity. Also put here not only in objective difficulties (organizational, financial and so forth), but also in «a human factor» as in the scientific world to deserve recognition of colleagues, it is rather difficult to provide their personal presence at a forum. In this regard annual, already the fourth, scientific and practical conference «Current problems of document science and archive science: time calls» it is rather demanded in circles of supporters: historians, experts in the field of methodology of teaching profile high school disciplines, documentary ensuring management, art critics, archivists, istochnikoved and мн. other.

Keywords: document science, archive science, Crimean federal university of V. I. Vernadsky.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Серия «Исторические науки». Том 5 (71), № 4. 2019 г.

УДК 929:94(37)

AERE PERENNIUS

Спивак И. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Ispivaq@mail.ru

13 апреля 2019 г. ушел из жизни Владимир Анатольевич Коростелин. Тридцать один год этой жизни он посвятил преподавательской работе в стенах университета. Текст статьи посвящен его памяти и научно-педагогической деятельности. Раскрывается значение исследовательской деятельности ученого в области истории поздней Римской империи, роли варваров-федератов в ее падении.

Ключевые слова: Коростелин Владимир Анатольевич, Римская империи, федераты, федератский договор.

Владимир Анатольевич Коростелин
(27.VI.1935 –13.IV.2019)

Представить себе более несовместимые явления, чем Владимир Анатольевич и смерть – трудно, практически невозможно. В памяти коллег и студентов Владимир Анатольевич навсегда останется человеком неиссякаемого жизнелюбия, образцом интеллектуала и интеллигента, человеком, который каждодневным кропотливым трудом противостоял смерти и хаосу. Он прожил большую, интересную и счастливую жизнь. Жизнь, которая была наполнена научным поиском,

преподавательской работой, жизнь, в которой он воплотил самые высокие образцы принципиальности и верности избранному делу.

Владимир Анатольевич Коростелин родился 27 июня 1935 года в г. Москве, с 1951 года жил в г. Симферополе. В 1953 году он окончил с медалью симферопольскую школу № 98. В 1953–1958 годах учился на историческом факультете Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова, где под руководством доктора ист. наук П. А. Зайончковского защитил дипломную работу, посвященную истории крестьянского движения в России в 20-х – 30-х годах XIX века. По возвращении в Симферополь был принят на работу в Крымский областной государственный архив в должности старшего научного сотрудника (1958–1963). С 1964 по 1972 год работал в должности преподавателя, позже старшего преподавателя и заместителя декана исторического факультета Крымского педагогического института – Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе.

В 1972 году В. А. Коростелин был приглашен на работу в Крымский обком Коммунистической партии УССР на должность инспектора, курирующего высшие учебные заведения и научные учреждения Крымской области и г. Севастополя. В 1973-м он становится помощником первого секретаря Крымского обкома Компартии УССР. В 1990 году Владимир Анатольевич возвращается на работу в Симферопольский государственный университет – Таврический национальный университет (ТНУ) им. В. И. Вернадского и до 2013 года включительно работает в должности старшего преподавателя кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета, в течение некоторого времени исполняет обязанности заместителя декана факультета [1].

Преподавательская работа Владимира Анатольевича Коростелина была связана, прежде всего, с историей древнего мира. За годы работы в пединституте и университете им были разработаны и прочитаны общие лекционные курсы: «История первобытного общества», «Основы этнографии», «История древнего мира», «История римского права» (по этим курсам он также проводил семинары); спецкурсы: «Источниковедение и историография древнего мира», Источниковедение древнего Рима», «Падение Западной римской империи: варвары-федераты». Лекционный курс по истории римского права он читал на юридическом факультете ТНУ. В 2000 году опубликовал курс лекций «История римского права», в 2001-м – учебное пособие «Практикум по истории римского права» [2].

Мне посчастливилось быть сначала студентом Владимира Анатольевича, а затем в течение десяти лет – его коллегой. Не по наслышке могу сказать, что каждая лекция, прочитанная Владимиром Анатольевичем, каждое, проведенное им семинарское занятие, становились событием, открывали перед студентами новые горизонты, казалось бы уже давно изученных тем. Огромная эрудиция, высочайшая степень ораторского искусства, артистизм и, я бы сказал, аристократизм мышления делали Владимира Анатольевича одним из лучших преподавателей университета. Он был очень увлеченным человеком и умел передавать свое состояние увлеченности слушателям любой аудитории – будь то совсем юные первокурсники или повидавшие жизнь студенты-заочники.

Ещё в годы работы в пединституте В. А. Коростелин начал разрабатывать слабо исследованную в науке тему «Типология и классификация федератских договоров позднеримской империи с варварами». Работая в университете, выступал с докладами на научных конференциях, стажировался на кафедре истории древнего мира Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова, его консультантом был доктор ист. наук, профессор В. И. Кузищин. По избранной теме Владимиром Анатольевичем была опубликована серия статей [3]. Глубина анализа исследуемой проблематики, выводы, сделанные автором в этих работах, демонстрируют не только высокую степень профессионализма Владимира Анатольевича, как ученого историка, но и то, с какой высокой мерой личной ответственности он подходил к научно-исследовательской работе. Профессионализм и ответственность, прежде всего, проявлялись Владимиром Анатольевичем тогда, когда дело касалось двух важнейших составляющих работы историка – источников и историографии. Работа над поставленной задачей по классификации и типологизации федератских договоров позднеримской империи с варварами сделала из Владимира Анатольевича непревзойденного затока древнеримских источников. В этой связи хотелось бы обратить внимание на один из его выводов: «Практика федератских договоров, как и всех федератских отношений, возникла в римском публичном праве не на пустом месте. Она восходит к принципам Латинского союза, федерации этрусских городов, италийских союзов» [3, с. 46]. Очевидно, что при подобной постановке вопроса, а ее правильность не вызывает сомнений, Владимир Анатольевич вынужден был включить в круг своих источников произведения не только позднеримских авторов, но и всю древнеримскую историческую традицию. К сказанному следует добавить, что тщательная работа с источниками, необходимость взглянуть на них по-новому, через призму проблемы генезиса федератских отношений, наконец, недоступность некоторых текстов на русском языке привела исследователя к необходимости создания собственных переводов латинских авторов. Среди них отрывки из Тита Ливия, Диона Кассия, Аммиана Марцеллина, Йордана, Прокопия Кесарийского, Зосимуса и других. Поскольку тема федератских отношений всегда была привлекательной для историков, не менее тщательно, чем с источниками, Владимир Анатольевич работал с историографией избранной им проблематики. Только после учета всех источников, мнений и аргументов авторов, он приступал к собственному анализу.

Результатом этого анализа стала выстроенная в хронологическом порядке классификация и типология федератских договоров. Фундаментом, на котором основывал свои рассуждения Владимир Анатольевич, стала характеристика федератов, данная Прокопием Кесарийским: «В прежние времена к федератам причислялись только те из варваров, которые не находились в подчинении у римлян, поскольку не были ими побеждены, но пришли к ним, чтобы жить в государстве на равных с римлянами правах» (Война с Вандалами, I, 11, 3) [4, с. 206]. Это сообщение Прокопия позволило исследователю определить промежуток I–II веков как стадию, на которой получили распространение псевдофедератские отношения. Владимир Анатольевич дает им следующую характеристику: «Это были спорадические договорные отношения, лишь обозначавшие, но еще не создавшие

систему федератства. Первые договоры, которые уже были федератскими, союзными, относятся ко времени Марка Аврелия, Коммода и Каракаллы» [3, с. 49]. Время расцвета подлинно федератских отношений, по мнению Владимира Анатольевича, приходится на IV–V века. Одним из факторов, способствовавшим установлению системы федератства, стали военные реформы Диоклетиана и Константина, в результате которых произошло разделение армии на подвижные и пограничные части, которые в значительной степени формировались из варваров. Кропотливая работа с текстами источников, непрерывные размышления над темой позволили исследователю сформулировать определение федератского договора, которое можно считать классическим: «Федератским договором следует считать договор, оформлявший равноправный военно-политический союз племени или группы варварских племен с Римом и сопровождавшийся либо выплатой первым различного рода жалованья, либо наделением их землей посредством расселения в пограничных провинциях целым племенем, совокупностью этих условий или же на поздней стадии с V в. официальным признанием племенной элиты, подвластной императору, и тем самым юридическим признанием известной самостоятельности варварских вождей» [3, с. 49].

Дальнейшая работа позволила выделить пять типов федератских договоров. Особое значение для эволюции мысли исследователя имело изучение высшей формы федератских отношений, закрепленной договором *foedus superior*. Важнейшей характеристикой такого типа договорных отношений являлось то, что варвары федераты не просто расселялись на римской территории, а получали в свое управление целые провинции. Фактически на местах происходила передача функций центральной римской власти в руки варварских вождей с наделением их высшими имперскими титулами. По собственному признанию Владимира Анатольевича, в процессе работы над классификацией и анализом федератских договоров, перед ним открылась гораздо более масштабная тема: роль федератства в гибели римской государственности и формировании политического облика раннесредневековой Европы. Именно в развитии и функционировании системы федератских отношений он видел основной механизм превращения римской Европы в Европу варварских королевств. Вопреки устоявшемуся историческому штампу, Владимир Анатольевич пришел к выводу о том, что Западную Римскую империю разрушили не те варвары, которые на нее нападали, но те, которые ей служили – федераты.

Результаты своей работы он предполагал представить в виде отдельного монографического исследования. Многие годы Владимир Анатольевич готовил монографию «Варвары-федераты, федератство и падение Западной Римской империи», работал под научным руководством профессора, зав. кафедрой истории древнего мира Московского госуниверитета В. И. Кузищина. К сожалению, эта работа осталась незаконченной. Охваченный стремлением довести текст до совершенства, Владимир Анатольевич и здесь оставался верен своим принципам. Несмотря на почти полную готовность монографии, он не торопился с ее изданием, считал, что в этом «почти» и заключается основное поле работы историка. В тоже время Владимир Анатольевич понимал, что собранный и обработанный им

материал, основные выводы представляют большую ценность для коллег и студентов. Хорошо помню момент, когда, уже оставив преподавательскую деятельность в университете, Владимир Анатольевич пришел на очередное заседание кафедры и передал коллегам черновик своей почти завершенной монографии.

Смерть Владимира Анатольевича – невосполнимая утрата для родных, близких, коллег, студентов, наконец, для дела, которому он посвятил жизнь. Остались идеи Владимира Анатольевича и большая проделанная им научная работа. Остались память и благодарность, сплав, который, как утверждал классик, долговечнее меди.

Список использованных источников и литературы

1. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Т. А. Гогунская, Д. В. Дорофеев, А. А. Задерейчук, Д. А. Малышев, А. А. Непомнящий, Э. Б. Петрова, Ж. В. Соколова. – Симферополь: Ариал, 2018. – С. 210–211.

Sto let sluzhenija nauke i prosveshheniju: istoricheskij fakul'tet Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo / Pod red. Je. B. Petrovoj. – Simferopol' : Arial, 2018. – S. 210–211.

2. Коростелин В. А., Таран П. Е. История римского права: курс лекций / В. А. Коростелин. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2002. – 128 с.

Korostelin V. A., Taran P. E. Istorija rimskogo prava: kurs lekcij / V. A. Korostelin. – Simferopol': Tavrija-Pljus, 2002. – 128 s.

3. Коростелин В. А. Варвары-федераты и падение Рима: об эволюции, типологии и классификации позднего федератства в IV–V вв. н. э. / В. А. Коростелин // Вестник МГУ. Серия 8: История. – № 1. – 2006. – С.44–69.

Korostelin V. A. Varvary-federaty i padenie Rima: ob jevoljucii, tipologii i klassifikacii pozdnego federatstva v IV–V vv. n.je. / V. A. Korostelin // Vestnik MGU. Serija 8: Istorija. – № 1. – 2006. – S. 44–69.

4. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья, коммент. А. А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993. – 570 с.

Prokopij Kesarijskij. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaja istorija / Per., stat'ja, komment. A. A. Chekalovoj. – M.: Nauka, 1993. – 570 s.

Vladimir Anatolievich Korostelin passed away on 13 April 2019. He devoted thirty one years of this life to teaching at the University. The text of the article is dedicated to his memory, teaching and research. The author reveals the importance of the research activity of the scientist in the history of the late Roman Empire, the role of the Foederatiin its fall.

Keywords: Korostelin Vladimir Anatolyevich, Roman Empire, Foederati, Foederati Treaty.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борщик Наталья Дмитриевна	доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Бебешко Елена Владимировна	доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Крыжко Лидия Анатольевна	кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Лейбенсон Юлия Тарасовна	кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, директор Музея истории КФУ (г. Симферополь, Российская Федерация).
Петрова Элеонора Борисовна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Раздорский Алексей Игоревич	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
Спивак Игорь Александрович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Хирьянова Анна Константиновна	магистр исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

Щевелев Сергей Стефанович	доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Лейбенсон Ю. Т., Петрова Э. Б.

К юбилею Игоря Александровича Спивака. 3

Научные и учебно-методические труды
кандидата исторических наук, доцента И. А. Спивака 11

Бебешко Е. В., Хирьянова А. К.

Интеграционные процессы в Латинской Америке
во второй половине XX В. 13

Непомнящий А. А.

Становление и развитие историографии истории Крыма:
этнографы, экспедиции, этнографические музейные
коллекции (XIX – начало XX века)... 21

Орехова Л. А.

Июнь 1941-го: выпускники факультета русского языка
и литературы Крымского пединститута... 67

Попов А. Д.

«С памятью в сердце»: патриотическое воспитание
и мемориальные традиции в городах-героях
советского Причерноморья (1950–1980-е гг.)..... 80

Раздорский А. И.

Советский историк Бернгард Борисович Кафенгауз
и его «Очерки внутреннего рынка России
первой половины XVIII века»... 91

Щевелев С. С., Крыжко Л. А.

Образование государства Израиль и активизация
арабо-израильского противостояния... 105

Борщик Н. Д.

IV Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени».....117

MEMORIA

Спивак И. А.

Aere perennius.....127

Сведения об авторах 132